

[Polaris]

ГАСТОН
ЛЕРУ

ВОССТАВШИЙ
ИЗ
МЕРТВЫХ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХІІ

Salamandra P.V.V.

**Гастон
ЛЕРУ**

**ВОССТАВШИЙ
ИЗ
МЕРТВЫХ**

Salamandra P.V.V.

Леру Г.

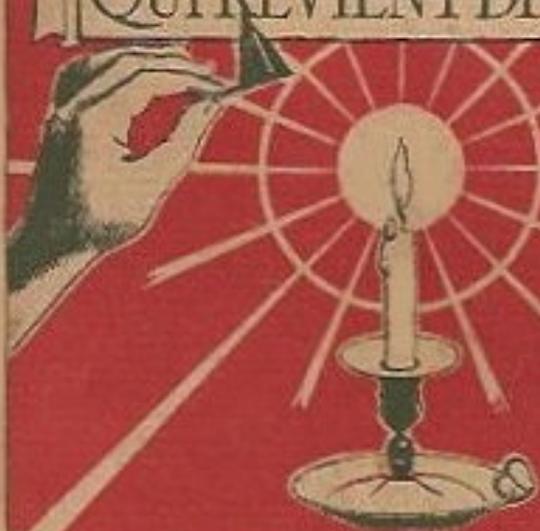
Восставший из мертвых. Пер. с фр. А. Г. Мовшенсона. Подг. текста, ред. и прим. Л. Панаевой. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 196 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССХII).

Жак де ла Боссьер живет со своей красавицей-женой Фанни в замке, некогда принадлежавшем его исчезнувшему брату Анри, управляет заводом брата и чувствует себя превосходно. Однако безоблачное существование светской четы внезапно начинают отравлять потусторонние явления — говорливые духи на спиритических сеансах, подозрительные откровения возлюбленной Анри, призрак в цепях... Не скрывается ли за всем этим зловещая тайна? Разгадка — в изящном и ироничном, неоднократно экранизированном триллере французского мастера детектива Гастона Леру.

GASTON LEROUX

L'HOMME
QUI REVIENT DE LOIN

11-MILLE

Éditions Pierre Lafitte
10, rue des Champs Élysées
Paris

**ВОССТАВШИЙ
ИЗ
МЕРТВЫХ**

Глава I

ЖАК И ФАННИ

В сопровождении слуги, который нес за ним клюшки для игры в гольф, Жак Мунда де ла Боссьер победоносно вернулся в замок. Он, однако, не принимал участия в игре и в этот день не мог гордиться своей ловкостью. Но его новая площадка для гольфа имела громадный успех!

Правда, она и обошлась ему не дешево, так как он, не колеблясь, пожертвовал несколькими десятинами Сенарского леса, составлявшего часть его владений. И, право же, он обращался с этим именем, как будто бы оно принадлежало ему, и заботился о нем, как собственник, не отступая ни перед какими расходами, лишь бы приукрасить его.

Наскоро приласкав двух великолепных борзых, победителей в гонках, — псарь вел их на псарню, кончив тренировать, — Жак, подгоняемый молодостью, здоровьем и бодрым, веселым настроением, одним прыжком пересек вестибюль, взлетел по монументальной лестнице к комнатам второго этажа и постучался в дверь будуара, где «хозяйка» заперлась со своей горничной.

«Нельзя!» — запротестовал молодой и музыкальный голос — мелодичный, несмотря на явный английский акцент.

Но Жак сказал:

— Вы знаете, к нам приехали Сен-Фирмены!

— Не может быть! — заявил мелодичный голос. — Сам старикашка-нотариус!..

— Вместе с молодой женой, — продолжал Жак. — Она сильно изменилась, эта красавица Марта. Вот увидите, дорогая Фанни!.. Сегодня они у нас обедают!..

Известие о том, что скромный нотариус и его жена оказались среди вполне светских людей, составлявших большую часть гостей Ла-Розере, заставило дверь открыться без промедления.

— В чем дело, дорогой? — спросила Фанни, привлекая к себе мужа.

Она была прелестным, красивым и обаятельным существом, эта рыжеволосая Фанни, жена Жака, и она была так забавна в это мгновение с пламенной прядью волос, закрывающей левый глаз, бесконечным удивлением в правом глазу и на всей ее молочно-белой мордочке и лебединой шеей, видневшейся из-под наскоро накинутого пеньюара...

— O! my dear!.. my dear!..¹

Она вовсе не была англичанкой, но хотела походить и походила на дочь Альбиона, и это как нельзя лучше шло к ней.

Она опустилась на стул и попросила Катерину, возившуюся у шкафов рядом, в гардеробной, оставить их на минутку. Прелестная горничная, самая настоящая англичанка, в коротком черном платье, строгость которого нарушал только белый кружевной передник, легко ступая, прошла через комнату.

Оставшись одни, супруги некоторое время помолчали, глядя друг на друга. Судя по всему, зрелище это тешило их взоры.

Они были превосходной парой: высокие, стройные, почти одинакового роста. Фигура Фанни казалась специально созданной, чтобы танцевать танго, а когда Жак обнимал ее, словно сентиментальный любовник, каким он продолжал оставаться, супруги могли бы вдохновить скульптора, который ищет мотив для украшения каминных часов.

Они и не скрывали ни от кого удовольствия, что доставляла им взаимная любовь, в особенности в чудесном обрамлении Ла-Розере, точно созданного специально для них.

— Сен-Фирмены! Но каким образом? — спросила молодая женщина.

— В самом деле! — заявил Жак с улыбкой, — уж не приписать ли их посещение моим «успехам»?

Он намекал на заново отделанную площадку для гольфа.

¹ Дорогой мой! Дорогой! (англ.).

— Марта не пропускала ни одной партии *во времена Андре*, — заметила Фанни своим звонким и ясным голосом.

— Да, они были добрыми друзьями, — отвечал Жак, не переставая смотреть на жену, казавшуюся чрезвычайно озабоченной.

— Она упоминала о нем?..

— Ни слова! Но зато старик, одоббив все перестройки и переделки в замке и службах — хотя я и не думал его спрашивать — ухитрился заявить мне с этой усмешкой, которую ты сама хорошо знаешь: «Ваш брат Андре не узнает свой замок, *когда вернется!*»

Услышав эти слова, Фанни вздрогнула.

— Проклятый нотариус! — воскликнула она и продолжала с прелестным, но искренним гневом:

— Они все готовы лопнуть от зависти, дорогой! Говорю вам, они все готовы лопнуть от зависти, слышите ли? — все, все! *Indeed!*¹ О, как им бы хотелось, чтобы Андре вернулся завтра!.. Как они обрадовались бы, увидев, что мы возвращаемся в Герон!.. Ну и что! Мы вернули бы ему замок, вернули бы!.. Нам было бы очень тяжело сделать это, дорогой малыш! очень тяжело... такой красивый замок, такой комфортабельный... Но ведь вы были бы так счастливы снова увидеть брата, Жак!

— Да, — отвечал Жак серьезно, — я был бы очень счастлив, Фанни!

— *И все же вы должны свыкнуться с мыслью о его смерти, дорогой малыш*, если только вы рассудительный мальчик...

Она сказала эти слова почти жестко, с такой враждебностью, что Жак даже изумился.

— Что с вами? — спросил он. — Отчего вы настаиваете на... гипотезе, которую я всегда с ужасом отвергал?

— Вы, дорогой друг, сентиментальный *good fellow*², — сейчас же заговорила она снова ласковым тоном, — и я вас очень люблю таким, какой вы есть... Но разве я виновата,

¹ В самом деле! (*англ.*).

² Добрый малый (*англ.*).

darling¹, в том, что ваш брат целых пять лет не подает признаков жизни, не пишет ни слова? А он очень любил своих детей. Бедная маленькая Жермена, бедный маленький Франсуа... Место папы для них занимаете вы, my love², а я оказалась для них скверной мамочкой... Вы очень любите всю вашу семейку, как и вашего сына Жако, darling, но вы не слишком любите вашу женушку, если вам хочется, чтобы она лишилась всех этих красивых вещей, которые ей так к лицу, покинула этот чудесный замок, парк, комнаты, эту прекрасную ванную, этот прекрасный будуар...

Она говорила тоном маленького ребенка... Легко поднявшись с места, она ловко пристроилась у него на коленях и уже опьяняла его своим запахом и быстрыми прикосновениями пальцев, глядя его тонкие и густые волосы за ухом.

— Мы теперь больше не бедны, Фанни. Вы будете красивы всегда, и всегда будете счастливы... даже если нам придется покинуть Ла-Розере.

— Но мне нужен Ла-Розере! Именно из-за него все нам завидуют! Это королевское имение, darling. Что же вы ответили старому Сен-Фирмену, когда он заговорил с вами о возвращении брата?

— Я сказал ему: «Я убежден, что Андре, когда я наконец увижу его вновь, будет так же доволен моими улучшениями в имении, как и процветанием своего завода в Героне!»

— Вот что называется — отшил!.. — воскликнула она. — В самом деле, на что может пожаловаться Андре? После его отъезда вы сумели добиться максимума света от окиси тория. Я не знаю ничего более прекрасного, чем замок Ла-Розере, и ничего более практичного, чем газовые горелки «Герон», единственные, милостивые государыни и милостивые государи, что в состоянии конкурировать с солнцем... и лунной, любовь моя!..

И она, смеясь, обняла Жака и потихоньку увлекла его к окну.

¹ Дорогой (англ.).

² Любовь моя (англ.).

Окно было расположено в выступе правого крыла здания, и из него открывался вид на пышный и великолепный силуэт замка в стиле Людовика XIV, на стены со множеством переплетчатых окон, украшенные мифологическими скульптурами, львиными головами и барельефами из потемневшего от времени мрамора. По четырем углам возвышались огромные башни, придававшие замку несравненное величие.

У их ног расстилались рвы, каменные мосты выходили на лужайки, прорезанные дорожками, которые, в свой черед, вели к изумительным кустам роз, в парк, в громадный лес, уже позолоченный осенью и дремавший в лучах заходящего солнца.

— Мне кажется, дорогой, что все это уже принадлежит нам! И что я никогда не смогу расстаться со всем этим!..

Жак обнял свою жену.

— Какое вы еще дитя!

— Я не могу представить, что вернулась в нашу квартиру в Героне, — продолжала она, потряхивая рыжими кудрями...

— И все же мы были там счастливы, — сказал Жак. — Мы были очень счастливы, что Андре приютил нас, когда мы приехали из Сайгона!

— Не понимаю, как можно быть счастливым, принимая милостыню! — вскричала она, подойдя к туалету и нервно теребя хрупкие безделушки, оттенявшие ее красоту.

Он побранил ее и напомнил, в какой нужде они прежде жили. Они познакомились в Тонкине и там же поженились. Она была дочерью плантатора, чьи дела шли отнюдь не блестяще. Ее воспитание было достаточно свободным, и она ежедневно посещала чрезвычайно состоятельных молодых мисс, богатство которых возбуждало в ней страстную жажду. Жака считали таким же богатым, как Андре, но в действительности он потерял все доставшееся по наследству состояние на спекуляциях с каучуком; его в буквальном смысле слова ограбили пираты Берега Слоновой Кости, а помогали им деловые парижские ловкачи. Он приехал в Тонкин, надеясь поправить свои дела, приехал с солидными ре-

комендациями и тотчас влюбился в прелестную Фанни; та отдала ему руку и сердце, уверенная, что сделка для нее выгодна.

Он так сильно любил ее и так боялся потерять, что не колеблясь обманул, солгал ей. Когда она узнала правду — было немало шума; но она уже принадлежала ему. У них родился ребенок — маленький Жако — и оба они были очень молоды. К тому же, они достаточно любили друг друга и не слишком отчаивались в будущем.

Тем временем, нужно было как-то искать средства к существованию. Андре, который овдовел и остался с двумя детьми, написал: «Приезжай вместе с женой, в Героне есть для вас место, и ты можешь мне пригодиться». И они приехали.

Семья Мунда де ла Боссьер подарила Франции немало честных судей и доблестных воинов, но в наш трудный век — когда человек считается бедным, если не обладает доходами в несколько миллионов — не стеснялась заниматься торговлей и частным производством. В конце концов, это не менее почетно, чем продавать свое имя в Америке, тем более, когда относишься всего только к малоизвестному, хотя и добропорядочному беарнскому семейству.

Андре был на десять лет старше Жака. Он с отличием окончил политехникум и немедленно ринулся в промышленность. Ему повезло: он встретил на своем пути бедного изобретателя, которого превосходнейшим образом надул, купив у него секрет знаменитых «газовых горелок Герон». Все произошло, как водится: небольшой капитал умножается до бесконечности, а изобретатель и его семья чуть ли не умирают с голоду.

Андре не был злым человеком, но дело есть дело.

Пожалуй, он был неплохим человеком — ведь дети обожали его и он, не колеблясь, протянул руку помощи брату.

Ему не пришлось сожалеть об этом. Желая быть полезным, Жак душой и телом предался «горелкам Герон», так что его жалованье, не превышавшее в первый год шести тысяч франков, на втором году достигло двенадцати тысяч. Но на третий год оно ничуть не увеличилось, и вполне ве-

роятно, что молодым супругам долго еще пришлось бы довольствоваться жалкими пятьюдесятью луидорами в месяц, не будь неожиданных событий, перевернувших жизнь всех на заводе и в замке.

Глава II

СПЕШНЫЙ ОТЪЕЗД

Подкрашивая губы, Фанни вспоминала тот памятный вечер, когда в столовой своей квартирки в Героне молодые супруги вели грустный разговор, высказывая немало горьких истин. Внезапно вошел Андре и вывел их из уныния.

Он был страшно бледен.

О! она помнила все мельчайшие подробности, все слова, которые были произнесены, все.

Андре, как и Жак, был строен, высок и казался очень сильным. Но в этот вечер он дрожал всем телом и на его лице было выражение такого отчаяния, что он внушал жалость.

Увидев его в таком состоянии, они испуганно вскочили:

— Что случилось?

— Случилось... случилось...

Но он был не в силах что-либо сказать — упал на стул, сорвал с себя воротничок и тяжело дышал.

Так как Жак продолжал настаивать, Андре жестом успокоил брата. Нет, он не болен...

— Но откуда ты? что с тобой стряслось?..

— Ничего! Ничего не стряслось!.. Только я должен уехать!

— Уехать?.. Надолго?..

— Почем знать... В далекое путешествие!..

— Ты отправляешься в путешествие... куда?..

— Мне нужно поехать в Америку... по делам... по делам...

— Но ведь это вполне естественно... отчего же ты так волнуешься?

— Меня беспокоит мысль о том, что я должен покинуть Ла-Розере и малюток... Понимаешь?.. Жермена и Франсуа...

— Хочешь, я могу поехать вместо тебя, если только это возможно?.. — предложил Жак.

— Нет, нет! Это невозможно, — со вздохом отвечал Андре, — это невозможно... *ехать должен я!*..

— Послушай! Почему ты не хочешь взять детей с собой?

— Я уже думал об этом... но теперь это невозможно... невозможно!.. Нет!.. потом, быть может!.. Позже я напишу тебе, и ты привезешь их ко мне... через несколько месяцев...

— Через несколько месяцев?!..

— Не спрашивай меня ни о чем!.. ни о чем!.. Береги их, прошу тебя... люби их! — он протянул руки и оба брата крепко обнялись...

— Больше ничего я не могу вам сказать, — добавил Андре после короткого молчания. — Сегодня ночью я уезжаю. В Париже я сяду в утренний поезд, идущий в Бордо. Отныне ты, Жак, будешь вести все мои дела. Ты будешь здесь хозяином. Вы будете жить в Ла-Розере и во всем меня замените... Вот моя нотариальная доверенность на твоё имя, Жак. В ней указана и твоя доля в прибыли. Все в порядке. Я только что от нотариуса!..

— Ты из Жювизи?..

— Да!..

Это было сказано чрезвычайно сухо, с явным желанием прекратить какие бы то ни было объяснения и пересуды. Фанни и Жак быстро обменялись взглядом и не промолвили больше ни слова.

— Просмотри хорошенько бумаги, — прибавил старший брат, — а я вернусь в замок. В четыре утра я буду здесь. Мы подпишем договор. Отсюда я поеду на автомобиле в Париж. Предупреди шофера.

Он тяжело вздохнул, встал и вышел. Дверь еще не успела захлопнуться за ним, как Фанни бросилась на шею мужу: она была больше не в силах скрывать свою радость, она обезумела от восторга. В глубине души она ненавидела Андре за то, что тот не предоставил им рядом с собой места, какое они, по ее мнению, заслуживали.

— Какое счастье, что он уезжает, и какая странная история. О!.. *my dear! my dear!*

Фанни сразу же вернулась к своему англизированному произношению, от которого было отказалась, так как нахо-

дила его неподходящим к окружавшей их убогой обстановке.

Жаку стоило большого труда успокоить ее: «Потерпи хотя бы до его отъезда!». Но, едва увидев, как Андре уселся в свой английский шарабан, они накинулись на документы, пожирали их глазами, перечитывали... Третью прибыли... треть!.. Да это богатство!.. И все было в полном порядке... в идеальном порядке... все было предусмотрено, обо всем успели подумать. Оставалось только подписать... И Жак поставил свою подпись, закончив ее торжествующим росчерком, а Фанни нервно смеялась за его спиной...

— И вы полагаете, my dear, что это продлится не день и не два...

— Он сам сказал: несколько месяцев!..

— Вам не кажется, что бумаги очень смахивают на завещание?..

— Да, пожалуй,— отвечал Жак.

— Что же могло с ним стрястись?..

— Что бы ни стряслось, случилось это, очевидно, совсем недавно. В шесть часов вечера я видел его на заводе, он ничего мне не сказал и, как мне показалось, ни о чем не беспокоился и не боялся никаких неожиданностей. Просто невероятно... и все же что-то случилось, и чрезвычайно стремительно, ведь он успел съездить к нотариусу и уладил со стариком Сен-Фирменом все дела...

— Не замешана ли здесь женщина? — пробормотала Фанни.

Жак покачал головой. Он так не думал. Какая еще женщина?.. Андре был образцовым отцом семейства и оставался верен памяти покойной жены, матери Жермен и Франсуа. Память эта превратилась для него в настоящий культ.

Разумеется, среди гостивших в Ла-Розере женщин бывали очень элегантные и очень кокетливые, но Андре, казалось, не отличал ни одной из них и был одинаково любезен со всеми.

В последнее время начали было шушукаться, так как он научил молодую жену старика Сен-Фирмена играть в гольф, но безукоризненная корректность его поведения в корне

уничтожила всякие подозрения.

Кроме того, и сам Сен-Фирмен начал играть в гольф, и все окончилось тем, что старого ревнивца подняли на смех, нисколько не веря в реальность любовной интриги, которая, к тому же, была бы много ниже достоинства представителя рода Мунда де ла Боссьеров.

Вдобавок, бывшая воспитанница старого Сен-Фирмена, ставшая по выходе из монастыря женой нотариуса, сохранила всю очаровательную наивность молодой девушки, и, казалось, была бесконечно далека от женского кокетства.

В любом случае, со времени отъезда Андре чета Сен-Фирменов ни разу не побывала в Ла-Розере, несмотря на то, что их много раз туда приглашали, и это обстоятельство не раз наводило на размышления Жака и Фанни.

В тот памятный вечер Андре появился в условленный час. Фанни и Жак ждали его. Они даже не ложились. Им показалось, что Андре несколько успокоился. Он утратил так испугавшую их бледность. Он был менее суетлив и, похоже, здраво оценил то таинственное событие, что вынудило его покинуть Ла-Розере. Он был почти нежен с Фанни, когда в последний раз поручал ее заботам своих детей. Он заставил ее пообещать, что она станет для них матерью на все время его отсутствия, длительность которого он никак не мог предугадать. Он просил ее на следующий же день переехать в замок и устроиться там, как дома.

Когда пришло время отправляться, он поддался на уговоры Жака — брат предлагал проводить его хотя бы до Парижа.

— Ты прав! Едем!.. Нам следует еще поговорить относительно завода... И мне нужно дать тебе еще несколько указаний. А чтобы нам было спокойнее, поедem без шофера.

И они уехали в автомобиле вдвоем. Фанни, как сейчас, видела этот удалявшийся в темноте автомобиль. Задний фонарь чуть освещал *темную массу брезента, защищавшего сундук Андре от моросившего мелкого дождика...* Потом молодая женщина легла на кушетку и закрыла глаза. Но она была слишком взволнована и не могла уснуть.

Ею овладело странное беспокойство; она вдруг вскочила и бросилась к сыну, мирно спавшему в своей постельке.

Ей хотелось, чтобы он не спал. Ей хотелось не быть одной. Ей хотелось *не думать*. Она боялась.

И она не знала, чего боится!..

Часы тянулись бесконечно. Что делает Жак?.. Отчего он еще не вернулся?.. Она стала подсчитывать. Он мог бы быть дома по меньшей мере уже полчаса назад.

Прижавшись лбом к оконному стеклу, вся насторожившись, вся внимание и слух, она видела, как медленно встает бледный и сырой осенний день, весь окутанный утренними туманами.

Внезапно она вздрогнула, увидев, как из тумана выходит странная фигура глухонемого Проспера. Его хорошо знали в округе и считали предвестником несчастья. Это был бедный нищий, одиноко живший в каком-то лесном гроте. Он был хром и передвигался с помощью костылей, проходя целые версты, лишь бы встретить человека, который не убежал бы от него, как от зачумленного, и подал бы ему подавание. Изредка он приходил в Герон и в Ла-Розере, где ему позволяли просить милостыню у кухонь.

Фанни не была суеверна, но в это утро она находилась в таком состоянии, что ей показалось, будто Проспер насылет на нее беду концом своего костыля, которым нищий размахивал, словно бесноватый.

Ужас молодой женщины продолжал бы возрастать, но наконец вернулся автомобиль. Жак сидел за рулем. Он сразу же заметил у окна жену и приветствовал ее воздушным поцелуем.

Он сам поставил автомобиль в гараж, расположенный непосредственно под их квартирой.

Он выскочил из машины и открыл ворота гаража с такой юношеской ловкостью, с такой уверенностью в движениях, с такой живостью и радостью, что наверху, над ним, Фанни стала смеяться, смеяться, смеяться... Она смеялась без всякого повода, как только что дрожала всем телом... быть может, потому, что заметила, как и раньше, притороченную сзади *большую темную массу* под брезентом и испу-

галась мысли, не сундук ли это Андре... Андре решил не уезжать... А такое предположение, разумеется, должно было отразиться на ее нервах...

— Как я глупа! — сказала она себе. — Как я глупа... Жак, наверное, привез что-нибудь из Парижа...

Пять минут спустя Жак сжимал ее в объятиях.

— Ну что?.. Все в порядке?.. Он уехал?.. Надолго, да?.. Рассказывай, дорогой малыш, рассказывай!..

Но Жак мог только сказать, что Андре сел в поезд, идущий в Бордо. Насколько можно было понять, Андре собирался провести в путешествии не менее года. Во время разлуки братья должны были часто переписываться.

— Как только Андре прибудет в Америку, он напишет мне подробное письмо. Тогда он наверняка изложит причину своего странного поведения.

Потом Жак заявил, что умирает с голоду, что он совсем «скис» из-за этой разлуки с братом, так что сейчас с удовольствием съест кусок холодного цыпленка и выпьет бутылку доброго бургундского.

За добрым бургундским он вызвался сходить самолично. Он взял ключи и спустился в погреб.

Фанни помнила, с каким аппетитом Жак ел в то утро и как легко он опорожнил эту бутылку, он, обычно почти не притрагивавшийся к вину... Ему пришлось также ответить на занимавший жену вопрос о *темной массе на автомобиле*: это был ящик с горелками. Одна большая фирма в Париже отказалась их принять, поскольку они были не совсем исправны, и он сам доставил ящик обратно, захватив его со склада на рю Риволи...

Наконец, Жак встал из-за стола, крепко обнял жену и воскликнул: «За дело!» Потом он отправился на завод.

Никогда еще он не казался ей таким здоровым и сильным.

В округе и на заводе все были поражены внезапным отъездом Андре, но удивление достигло апогея, когда в течение целых трех месяцев тот не подал никаких вестей о себе. Жак несколько раз посетил контору нотариуса в Жювизи и по совету старика обратился в сыскную полицию.

Он рассказал помощнику прокурора Республики обо всех странных обстоятельствах, сопровождавших исчезновение брата. Немедленно были начаты поиски. Полиция проследила путь Жака и Андре до вокзала, где последний сел в поезд на Бордо.

Железнодорожные служащие видели и узнали Жака и Андре (Андре они хорошо помнили, так как он часто ездил в Жювизи). Удалось установить, что они были на вокзале именно в утро отъезда Андре. Их видели у окошка кассы и на перроне. Больше того: один носильщик заметил, как Жак один возвращался с перрона, затем вышел из здания вокзала, сел в автомобиль и уехал.

И ничего больше! Полная тайна!

Никаких следов Андре ни в поезде, ни на каком-либо пароходе!

Сыскная полиция, изучив бумаги, оставленные промышленником, и запросив старого Сен-Фирмена, который, по видимому, пользовался полным доверием исчезнувшего, установила, что Андре по неизвестным причинам захотел скрыться на неопределенный срок. В ночь отъезда он написал письмо воспитательнице своих детей, девице Геллье; в письме он выражал ей свое доверие и поручал воспитание Жермен и маленького Франсуа на все время своего отсутствия, *сколько бы оно ни продлилось*.

Полиция пришла к выводу, что Андре пытался обмануть всех окружающих, говоря о поездке в Бордо и путешествии в Америку. Вне всякого сомнения, он вышел на какой-либо промежуточной станции. Короче говоря, для правосудия исчезновение Андре было добровольным, и полиции до него не было никакого дела.

Фанни вспомнила все это, а Жак молча сидел рядом с ней, погружившись в свои мысли. Шум детской ссоры, донесшийся из соседней комнаты, заставил их поднять головы. Они явственно слышали голос маленького Франсуа.

— Замок не твой!.. — кричал мальчик. — Замок мой!.. Замок моего папы!.. А твой папа и твоя мама только слуги моего папы!..

Гневные слова сопровождал грохот опрокидываемой ме-

бели. В ответ звучали крики другого ребенка.

Фанни вскочила в таком волнении, что Жак счел необходимым удержать ее.

— Прощу тебя! Будь хладнокровна! Останься здесь!..

Он сильно сжал ее руку, и она повиновалась; она не пошла за ним, но, когда он вышел из комнаты, ее красивое лицо исказилось от детского и страшного бешенства. И Фанни, совсем как дети за стеной, стала ломать попавшиеся под руку безделушки и разразилась рыданиями.

В таком состоянии Жак нашел ее, и это сильно поразило его.

— Малютка Фанни, ведь ты можешь заболеть!..

И он сжал ее в объятиях, и нежно гладил ее, как бесценную, хрупкую вещицу.

— Ведь это все глупости, правда ведь, маленькая моя Фанни, все это глупости!..

Она наконец успокоилась и смогла произнести несколько слов...

— Это ужасно... гости могли услышать...

— Да нет же! нет! — успокойся же!..

— Вы хоть наказали его, этого скверного мальчишку?

— Разумеется, нет!.. Я сказал ему: «Это верно, Франсуа. Твой папа вернется в свой прекрасный замок, и я скажу ему, что ты был плохим мальчиком!»! Тогда он замолчал. Разве не следовало первым делом заставить его замолчать? Не так ли?

— Вы всегда правы, Джек! — ответила Фанни. Ее голос внезапно стал странно ласковым, и она закрыла глаза.

— И снова виновата все та же идиотка-фрейлейн! Ей доставляет удовольствие натравлять детей друг на друга, — продолжал он. — Девушка Геллье мне так и сказала: «Вот увидите, вам придется отказать Лидии от места».

— Ни за что! — запротестовала Фанни. — Я сама выбрала Лидию, и Лидия любит нашего Жако. А ваша девушка Геллье только и думает, что о Жермене и о своем Франсуа. Неужто вы считаете меня дурочкой, *darling*?

— Мне бы очень хотелось, чтобы дети не ссорились между собой.

— Вы хотите невозможного! Господи! Я чувствую себя старой и умудренной опытом! Оставьте меня наедине с моим зеркалом и ступайте переодеться, дорогой!..

Она заставила его уйти и снова расплакалась, оставшись одна. Потом она позвала горничную и потратила целый час, приводя себя в порядок.

Глава III

ГОСПОДИН И ГОСПОЖА СЕН-ФИРМЕН

Радость, которую доставил Фанни новый туалет по самой что ни на есть распоследней моде, прибывший с последним поездом прямо с рю де ла Пэ, утешил ее довольно скоро. Это было чудо из желтого шелка с газовой туникой, так щедро расшитой жемчугами, что казалось, будто с шеи и обнаженных плеч спускается настоящий перламутровый шарф. Ниже, в разрезах, мелькали ножки в дорогих ажурных чулках, обутые в туфли на высоких красных каблуках. В своем желтом платье, на красных каблуках, с рыжими волосами, она была похожа на пламя.

Она могла бы быть смешна, но она была восхитительно красива, и она первая это понимала. Самая эксцентрическая роскошь была ей изумительно к лицу. В курительной комнате ее приветствовали восторженными возгласами.

Она позволяла ухаживать за собой, но до известных границ, будучи примерной супругой. И все же ей казалось, что она никогда не сможет обойтись без восторженного поклонения.

В большой гостиной она обходила гостей, равно распределяя между ними свои милости. Благодаря новой и великолепной площадке для гольфа, Мунда де ла Боссьеров посещали представители высшего света — в наши дни блестящие дела Геронского завода, изготовляющего горелки для газовых ламп, отнюдь не могут служить помехой для светских успехов владельцев завода и замка.

Гости теперь даже не осведомлялись, есть ли новости от Андре. Такой вопрос мог бы показаться бестактным. На Жака и на его жену смотрели, как на законных владельцев Ла-Розере.

Внезапно Фанни перестала обращать внимание на разговоры об игре в гольф и всевозможные сплетни. В комнате появились Сен-Фирмены.

Она с трудом узнала Марту. Она не видела ее целых пять лет. Молодая жена нотариуса стала тенью прежней Марты. Из бледной она сделалась совсем прозрачной. Впору было сравнить ее с призраком, готовым растаять в воздухе. Простое белое тюлевое платье еще больше подчеркивало эту бесплотность.

Фанни не узнала и голос Марты, когда та заговорила: «Как я рада вас видеть...» Голос тоже стал бесплотным...

— Спросите у нее, отчего она не хотела бывать у вас все это время! — проскрипел старый Сен-Фирмен, следовавший за женой.

Нотариус несколько не изменился.

Это был все тот же невысокий старичок с маленькой бородкой, сухой и желчный, суетливый, постоянно дергающийся и скалящий зубы: он находил, что жизнь смешна и забавна даже в самых ужасных своих проявлениях, в самых тяжелых интимных драмах. Нотариус был истинным ценителем подобных драм, которые были ему хорошо знакомы благодаря его ремеслу.

Его считали очень богатым и говорили, что он производит удачные операции с доверенными ему деньгами клиентов, ссужая их под большие проценты. Несмотря на это, он жил анахоретом, деля свое время между конторой в Жювизи и небольшим домиком на берегу реки, где он держал взаперти молодую жену.

Как могло случиться, что Марта вышла замуж за этого злого духа, постоянно одетого в черное и смеющегося таким отвратительным смехом? Доктор Мутье, гостивший в Ла-Розере, полагал, что старик загнипнотизировал ее.

Другие гости возражали, что Мутье, как и другие врачи процветающей в Нанси школы, склонен всюду усматривать гипнотизм¹. Слава доктора началась со времен процесса Эйро, на котором он доказал невиновность, вернее сказать —

¹ Школа Нанси — французская школа психотерапии, основанная А. О. Льебо (1823-1904); повлияла на таких психологов и психиатров, как А. Форель, З. Фрейд, М. Принс и, как считается, заложила основы современной гипнотерапии.

невменяемость Габриэль Бонпар, заподозренной в убийстве.

— Вам следовало бы усыпить ее и внушить, что ей необходимо пополнить, — говорили ему в тот вечер, указывая на госпожу Сен-Фирмен.

Муж последней, который не переставал юлить вокруг Фанни, пожимая руки приветствовавших его гостей (многие из них были ему обязаны), заявил:

— Побраните, побраните ее, сударыня. Острый припадок неврастении, продолжающийся целых пять лет. Что вы об этом скажете?.. Запереться дома на пять лет!.. Месяцами не выходить, так что можно было подумать, будто я держу ее под замком... и только изредка слоняться по вечерам по пустынному речному берегу, как неприкаянная душа... А ведь вы знаете, что я готов исполнить любое ее желание!.. она вертит мной, как хочет, ей-Богу!.. Видано ли что-нибудь подобное!.. Она форменным образом убивает себя!.. А знаете вы, что говорят врачи?.. «Неврастения!.. неврастения!..» Что это такое — эта неврастения?.. Это болезнь. Так вот, доктор, вылечите ее, черт возьми!.. Должны же существовать лекарства от этой болезни!

— Неврастения — болезнь души! — отвечал доктор Мутье.

— Глупости! — парировал нотариус. — Такими глупостями вы превращаете здоровых людей в больных... Пока врачи не выдумали неврастению, никто ею не болел!

Окружающие рассмеялись, но маленький старичок уже обернулся к тихо входившей в комнату высокой и худой женщине, очень немолодой, с птичьим профилем и добрыми голубыми глазами, одетой в простое черное шелковое платье.

— Ну что, мадемуазель Геллье, — закричал он своим пронзительным голосом, — как поживает Наполеон Первый?

Девица Геллье, воспитательница детей Андре, покраснела до корней волос: все стали громко смеяться, а она не любила, когда насмехались над ее культом великих покойников, с которыми она поддерживала постоянную связь посредством вертящихся и стучащих столов.

За исключением этой невинной мании, она была добрейшей и милейшей старой девой, и даже Фанни охотно расхваливала при всех ее добродетели и ученость.

За столом девица Геллье оказалась соседкой Сен-Фирмена и принялась жестоко его бранить. Но насмешник-нотариус не стал выслушивать выговор, а постарался привлечь на свою сторону смешливых слушателей. Он повысил голос и попросил свою соседку извиниться за него перед месье де Буонапарте, уверяя, что и в мыслях не имел обидеть кого-либо из обитателей потустороннего мира. Он слишком рассудителен и не желает навлекать на себя их гнев; он знает, что тени великих людей чрезвычайно мстительны и мало склонны шутить.

Бедная девица Геллье сидела, как на иголках: ее до глубины души возмущали грубые шутки этого вульгарного человека, который ни во что не верил, а ее считал отпетой душой.

С присущими ей тактом и находчивостью Фанни призвала на помощь воспитательнице доктора Мутье — тот, как и полагается представителю школы Нанси, хорошо разбирался в вертящихся столах, медиумах, духах и привидениях.

— А вы, доктор, тоже занимались столоверчением?

— Разумеется! Это очень приятное времяпрепровождение.

Он, казалось, посмеивался над самим собой, но это несколько не помешало ему дать достойную отповедь скептическим умам, не верящим ни в загробную жизнь, ни в *манифестации пришельцев из потустороннего мира*.

— Времена, когда мы, врачи, верили только в существование того, что могли разрезать скальпелем, прошли навсегда! Такие умы, как Шарко...¹

— А разве Шарко при жизни беседовал с тенью Наполеона Первого? — спросил, скаля зубы, неисправимый Сен-

¹ Жан-Мартен Шарко (1825-1893) — знаменитый французский психиатр, невролог, изучавший природу истерии, основатель т. наз. «школы Сальпетриер» или «школы истерии». Оказал большое влияние на З. Фрейда и внес значительный вклад в развитие психиатрии.

Фирмен.

— Давайте говорить серьезно, — ответил ему доктор.

— Нет! нет! — запротестовали несколько голосов, — не нужно серьезных разговоров!..

Но другие одобряли оратора и просили его продолжать.

— Ну вот! вы христиане: верите ли вы в бессмертие души? или вы, подобно месье Сен-Фирмену, веруете в наивный материализм, который мешает ему понять, что видимая форма вещей есть только оболочка, меняющаяся в зависимости от остроты чувств и тонкости восприятия каждого из нас? Форма может исчезнуть, видимая оболочка разрушиться, но наполняющая их сущность не исчезнет, *а раз она существует, отчего же ей не проявлять себя какими-либо действиями?..*

— Например, вращением столов? — насмешливо спросил Жак.

— Почему бы нет?.. Толчками, ударами, перемещением разных видимых предметов, которое свидетельствует о существовании невидимой материи...

— Дом с привидениями! — воскликнул кто-то. — Бррр!.. Вы пугаете нас, доктор!..

— Изыди, сатана!.. — снова вмешался Жак. — Взгляните на сдобную физиономию нашего знаменитого папаши Мутье, и пусть кто-нибудь усомнится, что он запанибрата с дьяволом!..

— О, я и не претендую на такие влиятельные знакомства и связи, — возразил врач, поглаживая свои холеные сидящие баки, обрамлявшие приятное лицо типичного ученого с очками на носу... — И все же мы в некоторых случаях так же непосредственно соприкасаемся с *невидимыми силами*, как с пульсом больного, который нащупываем рукой!..

В расчеты хозяйки дома вовсе не входило позволить почтенному доктору Мутье сесть на своего конька, и она собиралась воспользоваться появлением второго блюда, чтобы сменить тему разговора, когда внезапно раздался слабый и хрупкий голосок:

— А призраки? скажите, доктор, верите вы в призраков?..

Все глаза обратились на госпожу Сен-Фирмен — говорила именно она. И, право же, ей можно было ответить, что при виде ее самой в призраков совсем нетрудно поверить.

Глава IV

ДАЖЕ ВПОЛНЕ СЕРЬЕЗНЫЕ ЛЮДИ ВЕРЯТ В ПРИЗРАКОВ

— По правде сказать, я никогда их не видал, — ответил доктор, — но я не решусь отрицать их существование. Люди, более знающие, чем я, видели их и, говоря по чести, я не пойму, отчего бы нам им не поверить, если это такие прославленные экспериментаторы, как, например, Уильям Крукс!..¹ Его открытия в области амальгамирования и его работы над золотом и серебром известны всему миру. Его гелиометрические фотографии небесных светил, сделанные в Гринвичской обсерватории, знает весь ученый мир, так же, как его работы над поляризацией света, спектральным анализом... Кроме того, Крукс открыл таллий, не говоря уже о самом изумительном его открытии: о четвертом состоянии вещества — а это не шуточки! И вот *этот ученый делал фотографические снимки призраков, то есть духов!*

— Вы смеетесь над нами! — воскликнул Жак.

— Доктор потешается... — заметила Фанни.

— Нисколько! — осмелилась вставить свое слово девица Геллье, — это общеизвестный факт.

— Это знают все, — заявил доктор Мутье, — и я ничуть не смеюсь. Уильям Крукс посвятил целых десять лет изучению духов и придумал сложнейшую систему чрезвычайно чувствительных инструментов, чтобы научно обставить свои опыты.

¹ У. Крукс (1832-1919) — видный английский химик и физик, первооткрыватель таллия, первым получивший в лаборатории гелий; пионер в исследовании газоразрядных трубок, чьи исследования заложили основы дальнейших работ по изучению плазмы. Вместе с тем, много лет изучал паранормальные явления (которые считал реально существующими), был спиритуалистом, в 1896-1899 гг. возглавлял Общество психических исследований и т.д.

Он работал в сотрудничестве с другими учеными, столь же методичными и точными, как он сам, работал в своей лаборатории, окруженный электрическими приборами, делавшими невозможной или смертельной всякую попытку обмануть его! В своем труде «Разыскания о спиритуализме» Крукс анализирует различные явления, которые сам наблюдал: *передвижение тяжелых тел, исполнение музыкальных мелодий без участия человека, письменные послания духов, видимые при ярком свете руки, появление различных форм и лиц, и, наконец, фотографии духа Кэти Кинг!*

— А Наполеона Первого он фотографировал? — снова закричал старый Сен-Фирмен.

— О! довольно! не мешайте! — закричали все кругом, но нотариус так забавно стоял на своем, что даже Фанни не в состоянии была рассердиться на него.

— Видите ли, меня среди мертвых никто так не интересуется, как Наполеон Первый! Мне ужасно хочется знать, что он делает там с обеими своими женами, Жозефиной и Марией-Луизой! Умоляю вас, мадемуазель Геллье, когда вы в следующий раз окажетесь с ним наедине, спросите у него, как он устраивается с ними!..

— Итак, Уильям Крукс фотографировал призраков? — звучал снова глухой и слабый голос бледной госпожи Сен-Фирмен.

— Так точно, сударыня, — отвечал доктор Мутье, — и не только он один!..

— Но как же можно фотографировать бесплотных духов? — спросила одна почтенная дама, сильно заинтересованная, но настроенная несколько скептически.

— Дело в том, мадам, — спокойно и убежденно ответил доктор Мутье, — что эти духи, как утверждают и объясняют люди, которых невозможно считать глупцами, *вовсе не лишены формы!*.. Форма их обычно невидима для наших глаз, но она все же существует, и ее называют *эманацией духа*¹.

¹ Не совсем точный перевод *фр.* preesprit, букв. «преддух».

— Слишком много духов для меня! — воскликнул нотариус. Но его заставили замолчать и все единодушно стали требовать у доктора Мутье объяснений, что такое эманация духа.

— Бог мой! Кто же в наше время не знает, что такое эманация духа? — пораженная таким невежеством, осмелилась робко произнести девица Геллье.

— Я! Я! И я тоже! — пронеслись смешки от одного конца стола до другого.

— Мадемуазель Геллье имеет все основания удивляться, — сказал доктор. — Эманация духа признается в настоящее время основой всех психологических построений, и даже религия прибегает ныне к этому понятию, чтобы объяснить видения. Это чрезвычайно изменчивая субстанция, посредствующая между духом и материей. Она следует после смерти тела за духом и сохраняет форму тела в том виде, какой оно имело в последние мгновения жизни. Отсюда следует, что в некоторые мгновения магической экзальтации живые способны сообщаться с мертвыми. Ясно вам это?

— Как просто! — весело закричали все кругом. Но смех внезапно утих и произошла небольшая суматоха: маленькая госпожа Сен-Фирмен упала в обморок.

Все бросились к ней, подняли ее, хотели отнести в другую комнату и уложить, но она пришла в себя и с неожиданной энергией заявила, что не хочет покидать комнату.

— Со мной ровно ничего не случилось!.. Немного закружилась голова! Простите меня и не будем говорить об этом!..

И она села на свое место за столом. Все, разумеется, хлопотали возле нее и, так как среди хлопотавших был и доктор Мутье, Фанни сказала ему:

— Вам-то уж действительно следует волноваться! Ведь во всем виноваты вы с вашими рассказами о покойниках.

— Но ведь вы сами потребовали у меня рассказа о них, мадам!.. — и, повернувшись к бедной Марте, он добавил: — А вы, сударыня, настаивали на подробностях. Зачем же вы просили меня останавливаться на вещах, которые, без сомнения, должны быть неприятны для вас?

— Все нет, уверяю вас!

Марта сказала это с растерянным видом и поглядела на мужа, который, казалось, был в бешенстве от происшедшего и не находил оправданий для жены, извиняясь перед хозяевами дома за ее поведение.

— Не понимаю, что с нею!.. Иногда она просто грезит наяву... А иногда целыми часами молится... Ей богу, она становится святошей!.. Ей больше пошел бы на пользу мясной соус!

Глава V

ПОКА ОДНИ ИГРАЮТ В БРИДЖ И В ПОКЕР, ДРУГИЕ ВЫЗЫВАЮТ ДУХОВ

— Она, наверное, очень скучает, бедняжка! Приводите ее к нам почаще!

— О, сударыня, вы слишком добры. Она не стоит ваших забот.

Фанни почувствовала необходимость вытравить саму тень каких бы то ни было привидений и потребовала, чтобы кто-нибудь рассказал пару добрых охотничьих историй. К концу обеда снова воцарилось благодушное и веселое настроение.

Марта, однако, попросила доктора Мутье остаться подле нее и они перестали тихонько беседовать между собой, лишь когда все перешли из столовой в гостиную.

— О чем это вы с ней секретничали? — спросила его Фанни, разместив всех игроков в покер и бридж.

— Не смейтесь... у меня к вам просьба от нее...

— Говорите!..

— Ей хотелось бы заняться столоверчением!

— Не может быть!

— Уверяю вас...

— Да она и в самом деле больна!.. Так значит, она приехала к нам, чтобы заниматься столоверчением...

— Смотрите, — готов держать пари, что она как раз об этом сейчас говорит с девицей Геллье...

Молодая женщина и старая дева выглядели в это мгновение чрезвычайно комично: девица Геллье была очень взволнована и, казалось, старалась уклониться от исполнения просьбы, с которой Марта настойчиво к ней приставала.

— Ну, если это доставит ей удовольствие, — заявила Фанни, — и если она уговорит старую сумасбродку Геллье... Мне, право, безразлично, для чего гости садятся за стол: для того

ли, чтобы играть в бридж, или для того, чтобы заставить вернуться сам стол...

— А мне это поможет понаблюдать этот неуравновешенный характер. Мне кажется, она податлива к гипнозу... и могла бы, я думаю, сделаться превосходным медиумом...

— Ну, тогда вы ее совсем сведете с ума.

— Или спасу!.. Она, по-видимому, находится под очень сильным влиянием, природа которого нам неизвестна... У нее, без сомнения, есть какая-то задняя мысль, и мне необходимо эту мысль узнать, чтобы вылечить ее! Сеанс столоверчения пойдет ей на пользу... Смотрите! она уже уходит вместе с девицей Геллье... О, сударыня, вы знаете сами, — она смертельно боится своего мужа... Он не должен ничего знать... Она рассчитывает на вашу помощь!..

— Хорошо, я беру на себя мужа, — согласилась Фанни, — но вы потом расскажете мне обо всем, что там произойдет... Обещайте мне это!..

— Все, все! обещаю!.. Только скажите мне, где нам будет спокойнее всего заняться делом...

— Вызывать дьявола? Спросите у девицы Геллье!.. Быть может, она разрешит вам воспользоваться ее комнатой.

И Фанни, смеясь, отошла от доктора. В дверях курительной комнаты она встретила мужа и рассказала ему обо всем.

— Пойдемте, посмотрим, как это выглядит, — сказал Жак, предвкушая развлечение.

— Но я обещала, что возьму на себя Сен-Фирмена!

— Не беспокойтесь... он только что согласился сесть четвертым за бридж...

Девушка Геллье, Марта и доктор уже успели исчезнуть.

— Самый сумасшедший из них троих, — сказала Фанни, — разумеется, доктор.

— Когда ученые начинают заниматься спиритизмом, никогда не знаешь, до каких глупостей они договорятся! Вот вы, Фанни, верите в привидения профессора Крукса?

— Я верю только в вас, мой дорогой!.. а вы совсем не похожи на привидение!

Она попросила Жака подождать ее, удостоверилась, что гости в ней не нуждаются, и вернулась к мужу. Узнав, куда

направились беглецы, они прошли в другой конец замка, смеясь и шая, как школьники. Лишь перед дверью комнаты, занимаемой девицей Геллье, они скорчили серьезные физиономии.

— Можно войти? это мы!..

Дверь приоткрылась и они увидели странное и враждебное лицо девицы Геллье. Ее обычно кроткие синие глаза теперь, казалось, метали молнии.

— О, я так и знала! — воскликнула она. — Вы хотите посмеяться надо мной!..

— Нет, нет! — взмолилась Фанни, — уверяю вас!.. Мы будем вести себя совсем скромно... мы не станем вам мешать...

Девице Геллье пришлось их впустить, но она сухо попросила их остаться в маленькой, совсем темной гостиной.

— Не двигайтесь, не разговаривайте! вот все, что от вас требуется...

Она прошла в свою спальню. Спальня эта была видна через открытую дверь. Ее слабо освещала невидимая лампа, которую поставили, должно быть, в какой-нибудь дальний угол. Посреди комнаты стоял массивный круглый стол на одной ножке.

Со своего места Жак и Фанни пока не видели ни доктора, ни Марты.

Им видна была только девица Геллье, двигавшаяся в полутьме с той мрачной миной, какую обычно напускают на себя живые, когда всерьез пытаются общаться с мертвыми.

И в самом деле, девица Геллье была чертовски серьезна, ставя три стула вокруг круглого стола красного дерева!..

Жаку и Фанни страшно хотелось расхохотаться, но им также хотелось досмотреть спиритический сеанс до конца, и они подавили приступ смеха.

Кроме того, на них вскоре произвели глубокое впечатление появившиеся в светлом кругу болезненная и хрупкая фигура Марты и фигура доктора, который с неослабным вниманием наблюдал за больной.

Ученый был, по-видимому, много больше занят диагнозом, который надеялся поставить в результате этого необычайного опыта, чем процессом вызывания духов.

Марта, казалось, страдала глубоко и по-настоящему.

Девушка Геллье усадила ее на стул и заставила ее положить на стол руки, совсем бледные, почти прозрачные руки.

Потом она села рядом с ней. Доктор поступил точно так же. И они тоже положили руки на стол и развели пальцы.

Призрачные силуэты девушки Геллье и Марты, чьи жесты казались движениями спящих, чрезвычайная серьезность доктора Мутье, таинственный полумрак, глубокая тишина и неподвижность всех трех действующих лиц — все это придавало сцене ореол необычности и, сперва насмешив Жакка и Фанни, заставило их теперь внимательно и изумленно следить за происходящим из своего темного угла.

Прошло пять минут, и вдруг стали явственно слышны поскрипывания круглого стола.

— Это, наверное, дух! — сказала шепотом девушка Геллье. — Вы его вызывали, вы и спрашивайте.

— Хорошо, — пролепетала Марта.

Ее билась дрожь. Видно было, как тряслись ее руки.

— Спросите: «кто вы?»

Беззвучным голосом Марта повторила вопрос: «Кто вы?».

И они продолжали терпеливо ждать. Через несколько мгновений стол решился ответить, скрипнул один раз, поднялся и снова стал на место.

— А, — сказала воспитательница... — Теперь продолжайте называть по порядку буквы алфавита.

Беззвучным голосом Марта продолжала:

— В, С, D...

На букве N стол снова закрипел.

— Ан, — сказала воспитательница. — Продолжайте, сударыня... не бойтесь...

Марта стучала зубами от страха. Но все же у нее хватило сил снова начать перечисление букв алфавита.

На этот раз стол закрипел на букве D.

— Анд...

— Андре, — сказал доктор.

— Да, Андре, — вздохнула Марта.

— Боже мой! — застонала девушка Геллье, — если это Андре де ла Боссьер... значит, он умер!

И они продолжали терпеливо называть буквы алфавита, пока стол не дал полный ответ: *Андре де ла Боссьер!*

Девушка Геллье пришла в такое возбуждение, что доктор был вынужден попросить ее успокоиться.

— Боюсь, что нам придется прекратить сеанс, — сказал он, указывая на Марту, у которой не было ни кровинки в лице, а глаза странно блуждали. — Скорее... мы не можем ждать ни минуты...

— Доктор, — послышался из соседней комнаты взволнованный голос Жака, — я думаю, что вам следует кончать... эта бедняжка может серьезно заболеть...

— Нет!.. нет!... — воскликнула тотчас же в ответ госпожа Сен-Фирмен. — Я буду сильной... оставьте меня... не мешайте мне *задавать ему вопросы*...

Сказав это и продолжая по-прежнему держать руки на столе, она широко раскрыла свои огромные глаза, пристально впивавшиеся в сумрак, где она, казалось, видела или хотела увидеть нечто невидимое для других. Потом, забыв о присутствующих, не думая о том, что она открывает им тайну близости двух душ — тайну, существование которой они едва ли могли заподозрить — она громко спросила:

— Если вы здесь, Андре, друг мог, любимый брат мой, скажите нам, где вы и что с вами случилось?

За вопросом сначала последовало долгое молчание. Потом стол снова стал поскрипывать и вдруг разразился четкими и явственными ударами, сопровождавшими дрожащий голос Марты. Она называла буквы алфавита: А, В, С... При каждом ударе голос Марты останавливался на мгновение, потом продолжал все тише и слабее называть буквы. И девушка Геллье читала по складам получавшиеся слова...

Стол выстукивал:

— Меня убил... ли...

— *Убили!* — с воплем повторила Марта и упала на руки пристально глядевшего на нее врача...

— Довольно!.. Прекратите эти глупые шутки!.. — раздался возмущенный голос Жака, и он ворвался в комнату. Фанни следовала за ним, повторяя:

— Они сведут ее с ума! они сведут ее с ума!

Глава VI

В КОТОРОЙ ДОКТОР МУТЬЕ РАССУЖДАЕТ ВПОЛНЕ ЗДРАВО

— Право, я совсем не сумасшедшая, — попыталась протестовать Марта, бессознательным движением отстраняя протянутый доктором флакончик с солью. — Главное, прошу вас, не говорите ничего моему мужу... Если он что-нибудь узнает, он меня убьет...

— Он вас убьет!.. да вы смеетесь, малютка!.. если бы он вас сейчас слышал, он первым посмеялся бы над вами!

Произнося эти слова, доктор не выпускал руки Марты из своих рук. И его теплое и крепкое пожатие, его густой и веселый голос, казалось, снова вдохнули в бедную испуганную женщину жизненные силы, вернули ее к действительности.

— Что вы хотите этим сказать, доктор? — спросила она.

— Я хочу сказать, что внимательно наблюдал за вами... Теперь я знаю, чем вы больны!.. Вся ваша болезнь гнездится в вашем мозгу. Вы уже давно не перестаете думать о том, что вашего доброго друга, Андре де ла Боссьера, кто-то убил!.. Признайтесь же, что эта мысль давно не покидает вас, преследует вас повсюду... Признайтесь, наконец, что та же мысль побудила вас приехать сюда и добиться спиритического сеанса, на котором вы надеялись наконец *увидеть вашу мысль материализованной*... Дитя мое!.. не заблуждайтесь... ведь это вы сами отвечали на собственные вопросы... Понимаете?.. Разумеется, вы отвечали инстинктивно, сами того не подозревая. Но стол заставляли скрипеть *в надлежащих местах* вы сами!

— Не может быть! Ни за что не поверю! — воскликнула девица Геллье, даже не пытавшаяся скрыть свое возмущение. — Дух присутствовал здесь!... это он стучал... и теперь никто не разубедит меня в том, что месье де ла Боссьер пал

жертвой преступления.

— Ну и думайте, как вам угодно... только держите это при себе... вот и все, о чем мы вас просим! — резко ответила ей Фанни. — Если бы мы стали вас слушать, поверили бы в ваши измышления, мы все давно бы сошли с ума...

— Это не измышления: мир загробный и наш мир неотделимы друг от друга!

— Не время и не место читать лекцию о спиритизме! — сурово произнес Жак. — Вам следовало бы понимать, что госпожа Сен-Фирмен очень больна!.. и притом по вашей вине!..

— Молчите... она плачет... — сказал доктор. — Дайте ей выплакаться, потом ей станет легче!..

И в самом деле, Марта рыдала, как маленький ребенок... Когда она несколько успокоилась, доктор попросил, чтобы его оставили с ней наедине, что и было немедленно исполнено. Жак и Фанни снова очутились на вольном воздухе. Фанни была изумлена бледностью мужа.

— Что с вами? Вы бледны, как госпожа Сен-Фирмен!

— Сама мысль о том, что мой брат мог быть где-нибудь убит, глубоко потрясла меня.

— Но вы ведь не станете вести себя так же глупо, как эта бедная девочка... Придите в себя, *darling!*.. Вы же не верите в вертящиеся столы!

— Не больше, чем вы, моя дорогая!.. И я убежден, что и доктор Мутье только притворяется, будто верит в них, и делает это только для того, чтобы показаться более интересным в глазах своих пациенток!... Но все же, когда стол начал скрипеть на отдельных буквах и *из них начало складываться имя Андре*, я почувствовал, что волосы у меня на голове встают дыбом!..

— Успокойтесь! успокойтесь! поцелуйте вашу женушку, мой дорогой!

Он поцеловал ее руку и они быстро вернулись к гостям. Сен-Фирмен как раз начал недоумевать, куда запропастилась его жена, и Фанни сказала, что она вместе с девицей Геллье отправилась проверить, крепко ли спят дети. Нотариус успокоился и вернулся к бриджу.

В этот вечер, когда приглашенные разъехались, а несколько оставшихся ночевать гостей разошлись по своим комнатам, доктор, Жак и Фанни встретились в будуаре.

— Ну как? — спросила Фанни. — Ей лучше?

— О! ее болезнь серьезнее, чем я полагал, — ответил доктор. — У нее бывают галлюцинации!

— Галлюцинации?..

— Да, во всяком случае, однажды у нее была галлюцинация!.. ей привиделся Андре!

— Не может быть!

— Не далее, как вчера!.. В саду, на берегу реки... Она прекрасно узнала его... и Андре говорил с ней... Андре сказал ей, что его убили... тут она почувствовала себя дурно, а когда пришла в себя, Андре уже исчез...

— Но в таком случае, бедную девочку нужно отвезти в сумасшедший дом! — сказала Фанни.

— Нет! дело еще не так плохо... Я подробно расспросил ее, и она ясно отдает себе отчет в том, что могла сделаться жертвой галлюцинации... тем более, что появление призрака сопровождалось металлическим звоном, напоминавшим *звон цепей*... как во всех историях и сказках, где фигурируют привидения... Сейчас она почти уверена, что все это ей только *привиделось*... И знаете, почему она приехала к вам сегодня?.. Потому, что боится теперь оставаться наедине со своим мужем. Я скажу вам кое-что по секрету... кое-что, что она мне не сказала, не доверила... Бедняжка убеждена, что Андре убил ее муж!.. Перед самым отъездом Андре между ними тремя — Андре, старым Сен-Фирменом и ею — произошла, без сомнения, какая-то тяжелая сцена. Как бы там ни было, я посоветовал ей как можно чаще у вас бывать... я сказал ей, что она найдет здесь преданных друзей... Попробуйте добиться от нее искреннего рассказа обо всем этом и мы постараемся вылечить ее... Когда нам будет известна проблема, мы сможем здраво ее обсудить — и мы прогоним из этой бедной помутившейся головки всех призраков, которые там поселились.

— Послушайте, доктор, — заговорила вдруг Фанни, — вы, кажется, забываете, что сами верите в привидения...

— Я не верю в призраков, которые волочат за собой цепи,
— ответил с широкой улыбкой доктор. — Если я могу объяснить какое-либо проявление потустороннего мира *жизненным феноменом*, как, например, психическим состоянием нашей больной, я всегда так и поступаю! Это всегда намного проще и не мешает мне спокойно спать. Кстати! — пора ложиться...

Глава VII

МАРТА НАСТАИВАЕТ НА СВОИХ ПРИЗРАКАХ

На следующий вечер, когда Фанни рассказывала своему мужу впечатления от пикника в Сенарском лесу, на котором он не мог присутствовать, будучи в этот день занят на заводе, внезапно появилась испуганная горничная.

— Сударыня, — сказала она, — там пришла г-жа Сен-Фирмен, но в каком виде!..

— Где она?

— О, сударыня, она внизу... она совсем полумертвая. Она не хочет, чтобы кто-нибудь видел ее, и я привела ее в рабочий кабинет хозяина.

Они поспешно спустились в нижний этаж и нашли несчастную женщину забившейся в большое кресло... Она напоминала небольшое темное и грязное пятно, на котором выделялось мертвенно-бледное личико с громадными глазами. Глаза эти, казалось, все еще продолжали видеть совершенно необычайные вещи.

Ее била лихорадка и она громко стучала зубами. Невозможно было понять, дрожала ли она от страха или от холода. Она едва шевельнулась, когда Фанни подошла к ней.

Госпожа де ла Боссьер взяла ее руки. Они горели, как в огне.

— Но у вас жар, дитя мое!.. что случилось?.. Откуда вы? Что так взволновало вас?

Марта была в полном смысле слова покрыта грязью, и ее платье было разорвано. Голова была непокрыта, волосы распущены. Она походила на безумную, вырвавшуюся из заточения и долго блуждавшую по полям под открытым небом.

Короткими, отрывистыми фразами она объяснила, что убежала из своего сада, перебравшись через изгородь, а потом бежала, бежала, бежала... пока не добралась до замка...

— Но почему же? почему?...

— Почему?.. — и она, казалось, сразу пришла в себя. Она внезапно привсталала, точно подброшенная электрическим разрядом. — Потому, что... потому, что я снова видела его!..

— Кого вы увидели?.. — спросила Фанни, хотя после вчерашнего спиритического сеанса она и догадывалась, *о ком шла речь...*

— Я видела Андре!.. говорю вам, я снова видела его!.. — повторила Марта с какой-то странной энергией. — О! на этот раз вы не скажете, что это был не он!.. я видела его так же ясно, как я вижу вас.

Фанни и Жак переглянулись.

— Не думайте, что я сошла с ума!.. Это ужасно!.. Будь вы там, вы бы тоже увидели его!..

Ее снова охватил приступ слабости и она упала в кресло.

— Нужно позвать Мутье, — сказала Фанни, которую начало раздражать это приключение.

— Нет!.. нет! Не нужно доктора, — запротестовала госпожа Сен-Фирмен. — Доктора потом, потом!.. Я должна кое-что сказать вам... только вам! Кому же мне довериться, как не вам, его брату, и вам, его невестке... Только я попрошу у вас немного воды, совсем холодной воды, с кусочком сахара и капелькой настойки флердоранжа... Можно?..

И она вновь застучала зубами. На нее было жалко смотреть. Жак позвонил и, стоя на пороге, отдал приказание горничной. Фанни старалась успокоить взволнованную гостью.

— Бедное дитя! ведь вы слышали, что вам сказал вчера доктор. Вы в состоянии такого возбуждения, что видите вещи, которые никак не могут существовать...

— Нет!.. Нет!.. ничего невозможного!.. Теперь я убеждена, я вполне убеждена в этом!.. Андре умер! *Он сам мне сказал!*.. Постойте... я расскажу вам все по порядку. После сказанного доктором я была убеждена, что сама заставляла скрипеть стол, создала в воображении призрак Андре и так далее... О! я не верила себе самой!.. своим глазам, своему рассудку, своей бедной голове. О, моя голова в самом деле очень, очень больна.

Она провела по лбу рукой и несколько мгновений словно собиралась с мыслями.

— Надо сказать, что со времени отъезда Андре мне много раз чудилось, что я вижу его... я никому не говорила об этом... Я много думала и пришла к выводу, что это порождение моей фантазии, моих мыслей — ведь я не переставала о нем думать... При жизни Андре мы чувствовали и мыслили совсем одинаково... Мы были друзьями... такими друзьями, какими могут быть только будущие супруги...

— Как так — будущие супруги? — воскликнула Фанни.

— Да! да! будущие супруги... О! я скажу вам все! — продолжала Марта трепетным голосом. — Я чувствую, что если не поделюсь с кем-нибудь этой тайной, которая душит меня, случится еще какое-нибудь несчастье!.. Мой муж стар. Андре и я — мы были молоды... мы обещали друг другу, что станем мужем и женой... когда мой муж умрет. Несомненно, это было преступление!.. Похоронить мужа при жизни было ужасным преступлением... и вот умер не он, а Андре!.. Мой Андре!.. Мой Андре!.. О! он умер, я знаю!.. *Это он убил его!.. Он убил его!..*

Она обвела комнату блуждающим взором и продолжала:

— Все ли двери заперты? Мы одни? Так слушайте... Я наверняка получила бы весточку от Андре, не будь он мертв... а так как никаких известий не было, я только и думала, что о его смерти... и о том, чтобы с ним соединиться... Но для этого я должна была быть вполне уверена, что он действительно умер... Мне необходима была абсолютная уверенность в этом... И вот однажды, когда я думала о нем с болезненной страстностью, умоляя его тень призвать меня к себе, если она и впрямь покинула свою земную оболочку... и когда меня влекла мысль о самоубийстве... с тех пор прошло уже около двух лет... Я сидела в маленькой беседке у берега реки... вот тогда я увидела, — или мне показалось, что я вижу, — некую тень, освещенную луной и странно похожую на Андре... Эта легкая и прозрачная тень реяла между прибрежными ивами и как бы парила над водой. Я лишилась чувств.

На следующий день я пришла в себя в постели. За мной ухаживала сестра милосердия, которую пригласил ко мне муж. Она была из того самого монастыря, где я провела свою юность, и она была всегда так ласкова со мной, что я поделилась с ней моей тайной. Она уговаривала меня, увещевала и, так как я сызмала была благочестива, ей было не слишком трудно отговорить меня от самоубийства. Однако я часто возвращалась по вечерам в ту беседку.

Образ Андре, парящий над водой, привлекал меня туда, и я несколько не боялась его. Мне хотелось увидеть его снова... Он больше не появлялся, и я решила, что сделалась жертвой галлюцинации... И тогда — слушайте!.. слушайте внимательно!.. нет, я не сошла с ума... в ночь на позавчера... *призрак вновь появился и говорил со мной!*..

— Бедное дитя! Доктор Мутье говорил нам об этом видении!.. Вы знаете, ведь возможны галлюцинации слуховые, а не только зрительные...

— И знаете, что он сказал мне, этот призрак?..

— Да. Он сказал вам, что его убили! — с жалостью произнесла Фанни. — Доктор нам рассказал.

— Да, но Андре не сказал мне тогда, *где его убили*. Так вот, когда он вернулся сегодня, он сказал мне это!.. Вот почему... вот почему я прибежала к вам, — добавила Марта.

— Выпейте еще немного воды, — сказала Фанни, решив, что Фанни окончательно сошла с ума... — А кроме того, прошу вас... не стоит так ужасно волноваться... Доктор сказал нам, что вы обещали хорошо себя вести. А я убеждена, что вы со вчерашнего вечера не переставали думать о вашем дурацком призраке...

— О! сударыня, не говорите так!..

— Разве я не права? Скажите: вы сегодня ночью спали?

— Нет... Я вообще больше не сплю...

— И вы грезите наяву, вот и все!.. Не так ли, Жак?

— Без сомнения! — отвечал суровый голос Жака.

И он поднялся со своего места, чтобы поставить на стол стакан Марты.

— Но на этот раз, сударыня, на этот раз он не парил над водой... Он стоял на земле, как вы и я, и он подошел сов-

сем близко ко мне... я почти касалась его... Он протянул ко мне руки... О! это было ужасно! *На виске у него зияла кровоточащая рана!.. Да... рана, которая продолжает кровоточить до сих пор!..* Подумайте только... пять лет спустя!..

— Куда вы, дорогой? — спросила Фанни Жака.

— Принесу воды. Вам разве не хочется пить?

— Вы, кажется, очень взволнованы, *darling*. Это понятно, ведь вы так любили брата... — и она снова обернулась к Марте.

— Вы говорили, что рана продолжала кровоточить, несмотря на то, что прошло уже целых пять лет. Вы же сами понимаете, что вам это пригрезилось, дитя мое...

Но Марта не сдавалась.

— Я расскажу вам все подробно. Мой муж рано ложится. После обеда, который продолжается очень недолго, он пытается развлечь меня рассказами о своих делах. В этот вечер я даже не пыталась отвечать ему. Он пожелал мне доброй ночи и отправился в свою комнату.

Я стала раздумывать и сказала себе: «Вчера у тебя была галлюцинация, как два года тому назад... Теперь ты совсем рассудительна и спокойна, доктор предупредил тебя. Так вот, вернись в беседку и ты окончательно убедишься, что никакого призрака нет и что все это тебе только привиделось».

Я накинула на плечи шаль и вышла в сад.

Я отчетливо слышала, как звенела посуда в кухне. Видела силуэт мужа — он расхаживал взад и вперед по своей комнате. Все это было вполне реально и я сама чувствовала себя как нельзя более реальной и здоровой.

Тем не менее, добравшись до беседки, я вздрогнула и сказала себе: «Если я увижу его сегодня вечером, значит, это он».

Сначала я ничего не видела... я обошла вокруг деревянного стола, потом оперлась на балюстраду и стала глядеть на то место, где он появлялся раньше, — между ветвей ивы, над водяными лилиями... Потом стала смотреть на берег... Вокруг царила жуткая тишина. Я слышала, как на ближней часовне пробили часы. Я пробыла там не менее получаса и все время звала потихоньку: «Андре... Андре...» — хотела убе-

диться, что он не придет... И я была убеждена, что он не придет: я изо всех сил старалась не забывать о том, что говорил доктор... Я ничего не видела на земле и подняла глаза к небу.

По небу скользили темные тучи и закрывали луну. Я уже собралась уходить и поднялась с места, когда послышался звук цепей... и я снова повернула голову к берегу. И тогда я увидела его.

О! это был он! Он отделился от зарослей ив, скользнул по траве к подножью стены... протянул ко мне руки и сказал: *«Марта! Марта!.. он убил меня!»* О! как он был бледен, бедняжка, и он показал мне на рану, кровоточащую у него на виске... И прежде, чем исчезнуть, влача за собой цепи, Андре добавил: *«Он убил меня в автомобиле»!*

В это мгновение за спиной Фанни раздался противный звук разбивающейся посуды. Мадам де ла Боссьер быстро обернулась. Ее муж выронил на пол стакан и блюдце...

— Будьте осторожнее, дорогой! Вы разрознили наш превосходный сервиз богемского хрусталя...

Глава VIII

О! ЕСЛИ Б ЛАЗАРЬ РАССКАЗАЛ...

Господину Сен-Фирмену, который уже целый час разыскивал свою жену, наконец пришла в голову мысль позвонить у ворот Ла-Розере. От него не удалось скрыть, что беглянка нашла приют именно здесь, и он увез ее с собой, хорошо выбрав жену и извинившись перед мадам де ла Босьер.

Фанни, чтобы убедить Марту последовать за мужем, пришлось пообещать, что она посетит ее на следующий день. Молодая женщина могла рассчитывать на ее помощь.

— Вам следовало бы отправить ее в путешествие, — посоветовала Фанни нотариусу. — Пребывание на вашей меланхолической вилле, в ее подавленном состоянии духа, вряд ли пойдет ей на пользу.

— А как же мои дела? — спросил Сен-Фирмен.

— Но ведь она достаточно взрослая и может путешествовать одна!

— Она слишком любит меня!

Мерзкий старикашка, отвратительно смеясь, щелкнул бичом, и двуколка покатила. Что касается Жака, то он уже добрый час как лег в постель. У него, очевидно, не хватало терпения выслушивать рассказы Марты. Он даже не спросил у жены, как она собирается поступить с ночной гостьей, — намерена ли отправить ее домой или оставит у них. Подобрав осколки разбитой посуды, он скрылся по-английски, не простившись.

Комнату Жака от комнаты Фанни отделял только ее будуар. Прежде, чем позвать горничную, Фанни постучала в дверь комнаты мужа. Ей не терпелось поговорить с ним, поделиться с ним последними признаниями Марты, которые казались ей чрезвычайно важными... Но ей никто не ответил. Ей показалось странным, что Жак так быстро заснул и не захотел дожидаться ее и узнать, какие еще фантастиче-

ские сказки поведала ей бедняжка Марта.

Она тихонько нажала на дверную ручку и открыла дверь.

— Вы спите? — негромко спросила она.

Ответом ей было только ровное и глубокое дыхание в темноте.

Подумав немного, она так же тихо прикрыла дверь, вернулась к себе в комнату, позвала горничную, с помощью Кэтерины разделась, молча совершила свой ночной туалет и попыталась заснуть. Но уснула она не скоро.

Жак поднялся очень рано. Завод находился в двух верстах от замка, и в хорошую погоду он любил ходить туда пешком. День выдался на диво, и он отослал грума с шарбаном.

Осеннее золото уже кое-где тронуло листву. Куда ни падал взгляд Жака — все принадлежало замку. Как говорила его жена, это были поистине королевские угодья!

— *Любуетесь вашими землями?* — внезапно произнес за его спиной голос, заставивший его вздрогнуть. Это был доктор Мутье. Жак протянул ему руку и улыбнулся.

— Если бы только Андре, когда он вернется, согласился продать мне эти земли, я не желал бы ничего лучшего... А вы — ранняя пташка, дорогой доктор.

— Я, знаете ли, очень люблю в деревне ходить пешком... мне надо похудеть.

— Разумеется, — согласился Жак. — Вы слишком полны для врача, верующего в духов...

— Грешен, друг мой!.. Я придаю слишком много значения плотским удовольствиям. Вот и сейчас ваш повар заставил меня подняться ни свет ни заря ради первого завтрака — омлета из двух яиц. О, это было восхитительно!

Жак остановился на мгновение, внимательно рассматривая круглое и благодушное лицо врача, его чувственные губы и серьезные глаза за золотой оправой очков, потом спросил:

— Между нами, доктор, признайтесь — вы ведь сами не верите ни одному слову из тех глупостей, что вы рассказывали нам позавчера...

Но «папаша Мутье», как его называли в редакциях научных журналов, где он пользовался довольно оригинальной репутацией человека, пытающегося скомбинировать животный магнетизм Шарко, — другими словами, самый что ни на есть трансцендентный *спиритуализм*, — с экспериментальным *спиритизмом* Крукса, — этот самый «папаша Мутье» чуть не обиделся:

— Не говорите этого!.. и не думайте, что я болен!.. И я не обманщик!.. Не хотелось бы мне прослыть обманщиком накануне выхода в свет большого журнала, который должен произвести революцию в сферах, хоть сколько-нибудь интересующихся магнетизмом и прочими формами внушения...

— Ба! Вы еще не говорили нам об этом!..

— Это пока еще секрет... Научный секрет, который принадлежит не мне одному!.. Но с таким другом, как вы, я готов им поделиться, тем более что я вам обязан — благодаря вашему гостеприимству я имею возможность мирно работать над первым выпуском этого журнала...

— Его название?

— «*Астральная медицина*». И знаете, с кем я работаю? с великим Жалу!

— Великим Жалу из Академии наук?

— Да, тем самым, который читает лекции в Институте политических и социальных исследований.

— Тогда вам повезло, дорогой мой!

— Я надеюсь!

Лекции Жалу!.. Со времен Каро и каролинистов в Сорбонне¹ никто еще не читал с таким успехом! Великий, знаменитый Жалу, такой шикарный, такой великолепный!.. А его лекции о философской и экспериментальной сущности медицины души — по вторникам в актовом зале, куда собирались все модницы Парижа и толкались, стараясь занять

¹ Имеется в виду философ, критик и публицист Э. М. Каро (1802-1887). Отличался красноречием и полемическим талантом, боролся с материализмом и позитивизмом, с 1858 г. читал лекции в Сорбонне, привлекавшие высшее светское общество Парижа.

место получше и не пропустить ни единого слова великого, знаменитого, великолепного учителя!.. Его учеников и восторженных последователей называли жалузистами. Какой триумф сопровождал появление учителя! Они готовы были на все ради него и его изумительной и такой модной науки!

— Ваш Жалу не дурак! — заметил Жак с улыбкой.

— Не смейтесь, друг мой!.. Жалу — предтеча!.. Он видит то, чего не видят другие. Официально ему боятся оказывать поддержку, но все ждут его открытий!..

— Это действительно так интересно?

— Жалу обещал *вырвать у смерти ее тайну* — а это совсем не так мало! Вы знакомы с ним?

— Я видел его однажды на лекции.

— Я буду иметь удовольствие познакомить вас с ним через пару дней. Он должен приехать сюда, чтобы просмотреть вместе со мной последнюю корректуру первого выпуска нашего журнала... Мы намерены впервые изложить *вероятную теорию явлений мертвых!*.. Отсюда и название — «Астральная медицина». Вот увидите!... Мы и вас заставим уверовать в наши теории!..

— Не так-то скоро!.. Хотя мне очень нравится: *вероятная теория!*

— Дорогой мой, мы люди науки, и мы должны быть очень осторожными. Все серьезные исследователи, желавшие узнать, что есть истинного в спиритизме, строго следовали всем условиям чистоты экспериментов. И они не были глупцами. Они постепенно и методично знакомились со всеми феноменами. Мистер Баркас потратил на исследования десять лет, мистер Крукс — шесть лет, а господин Оксон — восемь лет¹. Именно после тщательного изучения всех фактов,

¹ Томас П. Баркас (1819-1891) — британский спиритуалист, автор книги «Очерк десятилетних исследований феноменов современного спиритуализма» (1862); «М. А. Окстон» — псевдоним англиканского священника и медиума-спиритуалиста Уильяма С. Мозеса (1839-1892), автора ряда книг о спиритуализме.

а также после ознакомления со всеми кажущимися странными явлениями, они стали искать причины, способные их производить. И наконец, собрав и синтезировав большое количество различных наблюдений, *они убедились в существовании и вмешательстве духов!*

— Вы говорите с большой уверенностью... Но скажите, — Жак притворился, что неожиданно вспомнил интересную новость, — скажите-ка... Вы знаете, что госпожа Сен-Фирмен опять видела свой призрак?

— Опять!..

— Да. Она прибежала к нам вчера вечером, чтобы сообщить нам об этом важном событии!.. Доктор, не скрою, что эта дурочка начинает мне надоедать.

— Не все ли вам равно?

— Ну нет! Кончится тем, что она в самом деле внушит нам, будто Андре убили, а я еще не утратил надежду увидеть моего брата живым и здоровым!

— Вполне естественное и законное чувство, хотя я и боюсь, что вы напрасно надеетесь... Но все-таки, если бы нам удалось с помощью этой женщины и ее видений выйти на след преступника и задержать убийцу, вы бы уж точно поверили в призраков!..

Жак ни слова не ответил. Он прошел несколько шагов, пожал плечами и спросил:

— А известно ли вам, что она рассказала нам вчера? Она сказала, что мой брат был убит в автомобиле!..

— Ага! Вот вам и точное указание!.. — воскликнул доктор, внезапно опуская очки на кончик носа и глядя на Жака с добродушной улыбкой.

— Бог мой! я думаю, эта малютка попросту болтает все, что ей приходит в голову...

— Быть может, это и так, готов согласиться с вами. Впрочем, я не решусь ничего утверждать... Когда Жалу придет сюда, я предложу ему осмотреть ее...

— Не станете же вы уверять меня, что Жалу верит во вмешательство мертвых в наши дела!..

— В *возможность* вмешательства мертвых в наши дела... Пока он довольствуется этим...

— Я в такое никогда не поверю... Когда человек умирает, это уже надолго... и мы никогда не узнаем, что происходит в потустороннем мире!.. Оттуда еще никто не возвращался.

— Вы забываете о *Лазаре*, который вернулся оттуда *живым!*..

— Ну да, Лазарь! Так вот — отчего Лазарь не рассказал нам, что происходит в потустороннем мире?..

— Да! Если бы Лазарь рассказал...

— Но он и не мог ничего сказать, потому что ничего не знал! Его положили в гроб живым. Все очень просто! — заявил Жак к величайшему удивлению доктора и продолжал насмешливым тоном: — Он не первый, заснувший летаргическим сном и восставший из гроба!..

— Богохульник!.. язычник!.. и притом невежественный человек! — воскликнул доктор Мутье, враждебно потрясая короткими ручками с яростно сжатыми кулаками. — Знайте же, сударь, что наука допускает возможность смерти и воскресения!.. Да, сударь, да! *наука говорит, что если вы во время возьметесь за покойника, вы сможете воскресить его!*.. Да, сударь!.. это так!..

Папаша Мутье был вне себя. Он был близок к тому, чтобы поколотить своего гостеприимного хозяина. С ним случались такие припадки бешенства: когда нападали на его теории, он всех оппонентов считал своими личными врагами.

Жак расхохотался ему в лицо. Папаша Мутье повернулся к нему спиной и побежал прочь — желая, без сомнения, «избегнуть несчастья»...

Глава IX

ТЕОРИИ ДОКТОРА КАРРЕЛЯ ПУЩЕНЫ В ХОД

Жак вошел в ворота завода с твердым намерением не думать больше ни о чем, кроме газовых горелок.

Зрелище деятельной жизни завода, оживление, царившее в заводских корпусах и на дворах, громохание грузовиков, подвозивших сырье и увозивших большие ящики с готовыми изделиями, ритмичный гул машин — все это понравилось ему в то утро еще больше обычного.

Несколько часов он провел в новой мастерской, сооруженной по его распоряжению. Здесь калибровка горелок производилась механическими приспособлениями с недостижимой ранее точностью.

Жак сумел ловким маневром завоевать симпатии рабочих и служащих. Он добился от них максимальной интенсивности труда, придумав систему участия в прибылях. Такая система всегда пугала Андре, но младший брат сумел превратить ее в доходную благодаря ряду хитроумных комбинаций, делавших «участие» работников почти иллюзорным. Рабочие Жака трудились, как волю, и поддерживала их только надежда — новая сила, которую Жак заставил служить себе.

Предприятие никогда еще не знало такого процветания.

Из мастерской Жак прошел в контору, удостоверился, что все в порядке, и часов в одиннадцать направился обратно в замок.

— Какое все-таки животное этот Мутье! — произнес он вслух, входя в парк.

Итак, пребывание на заводе не сумело изгнать из его мыслей дурацких рассказней этого бесившего его очкастого человечка... и о нем-то он первым делом справился, едва поднявшись по мраморной лестнице.

— Доктор Мутье на кухне, — ответил один из лакеев.

Жака это нисколько не удивило: маг *астральной медицины* был невероятно чревоугодлив и любил задавать работу белым передникам и колпакам.

Добрый малый не замедлил появиться.

— А! Друг мой, у меня для вас новости! — воскликнул он. — Вам надлежит знать, что в это мгновение в одной из принадлежащих вам кастрюль томится некий юный цыпленок, сдобренный ста пятьюдесятью граммами сметаны, ста двадцатью граммами масла и шестьюдесятью граммами пармезана!

— Какая гадость! — прервал его музыкальный голос госпожи де ла Боссьер. И Фанни в легком платье, вышитом широким золотым галуном, подошла к ним. На вид ей нельзя было дать больше двадцати лет.

— Черт возьми! и красивы же вы! — воскликнул папаша Мутье. — Так вам, значит, не нравится моя стряпня?

— Вы все готовы съесть, обжора! — сказала Фанни, подавая мужу свои красивые руки. — Вот вы и вернулись, дорогой... а мне казалось, господин мой и властитель, что я не видела вас уже несколько недель!.. Отчего вы ушли сегодня утром, не поцеловав меня?

— Я не хотел будить вас, вот и все... я ведь ушел очень рано...

— А вы, доктор, почему не пошли играть с нами в гольф? Вы помогли бы нам отыгаться. Ведь вы так хорошо играете и так легки в беге...

— Не смейтесь надо мной, красавица! Сегодня утром я не потратил время зря... я препирался с вашим супругом о привидениях и навестил нашу бедную больную...

— Вы были у госпожи Сен-Фирмен? — воскликнули в один голос Фанни и Жак.

— Ну да, мне хотелось еще немного поисповедовать ее, а некоторые слова вашего супруга чрезвычайно заинтриговали меня... Я отправился к ней. Меня сразу же приняли... бедняжка лежала в постели и тряслась в лихорадке... ей необходима была помощь врача... Старый скряга Сен-Фирмен очень обрадовался, что сможет получить консультацию бесплатно. Таким образом мне удалось добиться того,

что он оставил меня с глазу на глаз с больной. Она рассказала мне все... о новом появлении призрака, о своем бегстве в замок... на этот раз мне удалось добиться полного признания, и я узнал многое такое, о чем я раньше лишь смутно догадывался. Она убеждена, что Андре убил ее муж... Только и всего. Она просила меня еще раз сказать вам это, чтобы вы не покинули ее одну, возможно чаще навещали и уговорили Сен-Фирмена отпустить ее. Еще она сказала мне, — это только подкрепило мои догадки о душевном состоянии бедной девочки... ока сказала, что ее нисколько не удивили слова призрака, будто его *убили в автомобиле*: на следующий день после отъезда Андре старый Сен-Фирмен нанял в Жювизи автомобиль и пропадал целый день, а потом ни за что не хотел сказать ей, где и как провел этот день... Она пребывает в полной уверенности, что Сен-Фирмен где-нибудь догнал вашего брата, потихоньку убил его и вернулся домой покрывать каракулями свою гербовую бумагу...

Я возразил ей: «Вот видите — ваши рассказы совершенно бессмысленны. Вы все выдумали, а теперь верите в это, как в неоспоримую истину... Что же удивительного, если ваши галлюцинации возникают по ночам и вы слышите то же, о чем думали днем... Отсюда и история с призраком, и автомобиль... Если бы месье Сен-Фирмен на следующий день после отъезда Андре не взял автомобиль, и вам об этом не было известно... призрак и не подумал бы заговаривать с вами об автомобиле! Это совершенно ясно!»

— Что же она ответила вам? — спросила Фанни.

— Она сказала, что хотела бы умереть!..

— Бедное дитя! я пойду проведать ее сегодня же вечером.

— Самое забавное во всей этой мрачной истории, — сказал Жак, — это то, что доктор, который старается убедить нас в существовании призраков, когда мы здоровы, не может успокоиться раньше, чем изгонит из наших умов саму мысль о них, когда мы больны!

— Но вы же не хотите, чтобы я валил в одну кучу призраков госпожи Сен-Фирмен и призраков Уильяма Крукса!

— По мне... — начал было Жак, но доктор попросил его

замолчать, если он во что-либо ставит его дружбу.

— Ладно! не будем ссориться! — уступил Жак. — Знаешь, Фанни, мы повздорили, и наш добрейший доктор чуть не поколотил меня.

— Видите ли, сударыня, меня попросту выводит из себя, что ваш супруг постоянно имеет такой вид, будто он сомневается в моих умственных способностях.

— Ничуть, дорогой мой, — отвечал Жак. — В ваших мыслительных способностях я не сомневаюсь... но они и наука — не обязательно одно и то же... и когда вы утверждаете, что *можете оживить совершенно мертвого человека*, я считаю себя вправе смеяться.

— Нет, сударь, вы не вправе это делать!..

И папаша Мутье сразу же снова пришел в бешенство, поднял на лоб свои золотые очки, так что стали видны его большие вытаращенные глаза, и широким жестом достал из кармана туго набитый бумажник. Он вытащил из бумажника пожелтевшую газетную вырезку, которой, к большому удовольствию Фанни, принялся размахивать перед носом изумленного Жака.

— Нет, сударь, вы не вправе это делать!.. и, дабы убедить вас, я разыскал среди своих материалов вот эту газетную вырезку... Она-то, надеюсь, заставит вас перестать насмехаться надо мной, господин скептик... когда вы прочтете ее, вы, я полагаю, перестанете считать меня обманщиком!

— Но я никогда не считал вас обманщиком!..

— Вам так кажется! Молчите! «Ле Матен» от 27-го сентября 1901 г. Статья озаглавлена «Завтрак ученых», а в подзаголовке мы читаем следующее: «Ученые спорят о вивисекции приговоренных к смерти и надеются, что им удастся найти способ оживлять мертвых!»

— Черт возьми! — заявил Жак.

— Будьте серьезны, дорогой, — вмешалась Фанни.

— На этом завтраке, — продолжал редактор «Астральной медицины», — присутствовали наиболее выдающиеся люди науки и тот французский гений, который был вынужден переехать в Америку, оттого что он был слишком сво-

бодомыслящ и отважен для Франции, где его не поняли! Я говорю о докторе Карреле¹.

— Знаю, — сказал Жак.

— Вот что сказал доктор Каррель на этом завтраке. Я, сударь, оглашаю вырезку из газеты: «Я не побоюсь, — сказал в свой черед доктор Каррель, — я не побоюсь просить, чтобы мне предоставили какого-либо преступника, приговоренного к смертной казни, для проведения ряда опытов, которые отнюдь не должны быть смертельными, но будут исключительно полезны для современной хирургии. Какие это будут опыты? Они, прежде всего, будут вполне взвешенными... но в первую очередь, *следует изыскивать и внимательнейшим образом изучать способы сохранения различных органов и тканей и секрет их оживления...*»

Я ничего не выдумываю!.. читайте сами: «секрет их оживления». А вот что говорил на том же завтраке доктор Тюффье² о смерти и оживлении тканей:

«Всемирно известно из медицинских журналов, что мы насчитываем уже пять или шесть опытов массажа сердца, которые принято считать исключительно дерзкими операциями. В случае травмы сердца, если пуля, например, засела в одном из желудочков, сердечная сумка набухает, сдавливает сердце и оно перестает биться. Тогда можно вскрыть сердечную полость, взрезать сердечную сумку и произвести массаж сердца. Прекратившееся кровообращение может мало-помалу восстановиться, и *покойник воскреснет, будет жить, сможет выздороветь*»³.

¹ Алексис Каррель (1873-1944) — французский хирург, биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1912). Отличался воинствующим клерикализмом (в частности, утверждал, что был свидетелем чудесного исцеления в Лурде), чем настроил против себя многих французских коллег и был вынужден в 1904 г. уехать в Канаду, затем США. Был сторонником евгеники, во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами.

² Теодор Тюффье (1857-1929) — французский хирург, пионер в области легочной и кардиоваскулярной хирургии.

³ «Ле Матен», 17 июля 1909 (*Прим. авт.*).

— Так сказал доктор Тюффье, и добавлять к этому нечего, — закончил папаша Мутье, аккуратно убирая свою вырезку в объемистый бумажник.

Он, однако, добавил:

— Вот как, мой дорогой, можно отправиться к праотцам и вернуться оттуда!..

— Доктор, — сказал Жак, протягивая ему руку, — прошу у вас прощения... А теперь пойдете есть вашего цыпленка с пармезаном... но только как совсем живые люди, без покойничьих разговоров... Идет?

Глава X

ЖАК НЕМНОГО НЕРВНИЧАЕТ

После завтрака Фанни задержала мужа.

— Вы совсем не любопытны, *darling!*.. — сказала она ему, лукаво улыбаясь. — Отчего вы оставили меня третьего дня наедине с этой бедняжкой Мартой и думать забыли о вашей Фанни?.. Почему вы даже не спросили, что она сказала мне после вашего ухода?

— Потому что семейные ссоры четы Сен-Фирменов несколько меня не интересуют.

— Однако, у вас такой вид, точно вас сильно взволновала эта история, дорогой!

— Меня она ничуть не волнует, но можете поверить на слово, что мне это надоело! Вы понимаете, что мне неприятно слышать, как имя Андре склоняют таким глупым и смехотворным образом.

— Но все дело в том, дорогой, что оно запутано во всей этой истории намного больше, чем вы полагаете, — отвечала Фанни, покусывая губу и всемерно показывая, что ее глубоко уязвил тон Жака.

— В таком случае, объяснитесь!

— Я боюсь разволновать вас еще больше, дорогой!

— Напротив — прошу вас, воспользуйтесь тем, что я и так взволнован, и покончим с этим! Что еще выдумала эта сумасшедшая?

— О, то, что я намерена вам рассказать, имело место отнюдь не в ее воображении! Речь идет о настоящей причине отъезда Андре. Рассказать вам?

— Я слушаю.

— Все чрезвычайно просто. Вот что случилось. Сен-Фирмен случайно напал на несколько весьма интересных писем, которыми обменялись его жена и ваш брат. В переписке шла речь о любви, разумеется, чрезвычайно высококонравной и платонической, но, так как в ней говорилось также и

о высшем блаженстве, которое не замедлило бы появлением после смерти старого скупердяя, этот последний не счел нужным поверить, что его жена могла остаться честной женщиной, лелея подобные мысли.

Сен-Фирмен был убежден, что его обманывали, и потому не преминул немедленно разыграть роль ревнивца из трагедии. Однажды вечером, вернувшись домой к обеду несколько раньше обычного, он застал Андре, который нежно сжимал руку Марты. Он тут же поклялся самой ужасной клятвой, что убьет жену, как скверное животное, если Андре в ту же ночь не покинет навсегда эти края. В руках у Сен-Фирмена были письма: Андре пришлось уступить. Спасая жизнь Марты, он сейчас же пообещал исполнить все, что от него требовали. Тогда оскорбленного мужа сменил сидевший в той же шкуре нотариус, и Сен-Фирмен, уведя Андре в свой деловой кабинет, составил все необходимые бумаги, чтобы завод мог продолжать работать в его отсутствие, а управление им было передано вам. Вот и все. А остальное — это выдумки, я вполне с вами согласна, потрясенного сознания бедняжки Марты!.. Она очень страдает!.. Не проходит и дня, чтобы ее муж не издевался над ней, повторяя все ту же фразу, которая приводит ее в ужас: «*Он не вернется! Не вернется! Не вернется!*» Он не вернется, думает она, потому что муж убил его... но вы, дорогой, вы же так не думаете! Ведь вы убеждены, что ваш дорогой брат жив?

— Да, Фанни, я убежден или, по крайней мере, надеюсь на это.

И он поднялся с мрачным видом.

— Вы уходите, даже не поцеловав меня?

Он поцеловал ее: тогда она удержала его, закинув свои маленькие ручки на его сильные плечи, и поглядела ему прямо в глаза:

— Джек, можете вы сказать вашей дорогой маленькой женошке, отчего вы уронили вчера вечером стакан, когда эта безумная стала рассказывать, что *Андре был убит в автомобиле?*

— Меня чрезвычайно взволновала мысль о том, что она сказала это *специально для меня!*.. — спокойным голосом

ответил Жак. — Она знала, что в утро исчезновения брата именно я отвез его в Париж на автомобиле, и в своем безумии могла подозревать меня.

— В таком случае, вы должны были чрезвычайно обрадоваться, узнав от доктора, что она имела в виду не вас, а своего мужа!..

— Какое мне может быть до этого дело!.. В то мгновение меня сильно потрясла эта мысль, но ведь сумасшедшая — это только сумасшедшая!.. Будь я на месте Сен-Фирмена, давно засадил бы ее в психиатрическую лечебницу... Если он не примет меры, она еще доведет его до гильотины... До свидания, Фанни.

— Good bye, dear!..

Едва он вышел из комнаты, Фанни вызвала звонком горничную и велела подать автомобиль.

— Я скоро вернусь, — сказала она Катерине. — Мне нужно съездить в Париж... примерить новое платье на рю де ла Пэ... Скажете это хозяину, если он станет беспокоиться, отчего меня нет.

Прибыв в Париж, мадам Мунда де ла Боссьер действительно проехала к своему портному, но против обыкновения оставалась у него очень недолго. Отсюда она отправилась на склад «Горелок Герон», где почти никогда не бывала, на углу Луврской площади и рю Риволи. Контора была обставлена чрезвычайно роскошно, а по вечерам витрины и рекламы сверкали неслыханным количеством света. Настоящий огненный дворец!..

Изредка, когда Жак и его жена бывали одновременно в Париже, Фанни заезжала сюда за мужем и таким образом имела случай познакомиться кое с кем из высшего персонала.

В этот день она обратилась прямо к главному бухгалтеру, одному из самых старых служащих фирмы.

— Месье Гордас, — сказала она, — я хочу попросить вас об одном одолжении.

— К вашим услугам, сударыня!

— Вам принесут сегодня вечером пакет с рю де ла Пэ. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы один из грузовиков по пути

в Герон завез его ко мне!

— Будет исполнено, сударыня!

— И пусть с ним обращаются побережнее, в нем хрупкие вещи!

— Можете на меня положиться!

Перед уходом она спросила, как о чем-то самом банальном:

— Ну, а как дела с горелками?

— Как вы можете спрашивать, сударыня!

— А вы сами довольны работой? Не слишком утомляетесь?

— Работы хватает, — ведь мы за делом с самого утра, — отвечал несколько удивленный служащий.

— В котором часу начинается работа?

— В девять часов утра.

— В девять? Что же, это еще не так рано! Неужели склад никогда не открывается раньше девяти?

— Никогда!

— Никогда?.. Ну, а если бы мой муж захотел войти на склад ночью?..

— Ему не удалось бы этого сделать, сударыня! Ни в коем случае!.. Железные шторы у нас поднимают ровно в девять часов... до этого их некому поднять. Но если ваш супруг, сударыня...

— Нет! Нет! Успокойтесь, месье Гордас!.. Никто не собирается просить вас открывать склад раньше времени... Дело в том, что я почему-то была убеждена, будто склад открывается в более ранний час, вот и все!.. До свидания, месье Гордас... и не забудьте о моем поручении...

— Что вы, сударыня!..

Глава XI

МРАЧНЫЕ МЫСЛИ ФАННИ

Она быстро ушла... Ей очень хотелось задать еще другие вопросы, хотя бы *один вопрос*, но она чувствовала, что задать его не посмеет никогда, никогда... что об этом *нельзя спрашивать!*.. К тому же, она теперь сожалела... бранила себя за неблагоразумный поступок... ее сердце билось в груди частыми, глухими ударами... она задыхалась...

Она опустила оба стекла автомобиля, который быстро мчался к Ла-Розере. Ей показалось, что Гордаса несколько удивили ее вопросы. И она упрекала себя за то, что была недостаточно естественна...

Что же могло быть более естественным, чем посещение склада, чтобы попросить доставить пакет... и что могло быть более банальным, чем это безразличное замечание: «Как! Склад открывается только в девять утра?»... Нет, она была не слишком настойчива.

В самом деле, было бы непростительно, спроси она: «Скажите, месье Гордас, не помните ли вы, как пять лет назад, в то самое утро, когда исчез Андре, мой муж заезжал на склад и увез в своем автомобиле большой ящик с горелками, возвращенный какой-то крупной фирмой, которая нашла эти горелки не совсем доброкачественными...»

Столь же непростительно со стороны мадам де ла Боссьер, что она больше не пребывает в неизвестности относительно часа, когда открывают склад... и что она помнит, как Жак вернулся тогда в Герон раньше девяти... на автомобиле и с ящиком горелок «Герон»... или... или... или... *с сундуком...*

О!.. флакон с нюхательной солью... и немного смелости, прекрасная мадам де ла Боссьер... немного смелости!..

Почему Жак солгал ей в то утро?.. О! теперь она знает, что он ей солгал ей... теперь она в этом не сомневается... хотя никогда не заподозрила бы его во лжи... до тех пор... до вчерашнего вечера... до того мига, когда госпожа Сен-Фир-

мен произнесла: «*Андре был убит в автомобиле!*» и Жак выронил из рук стакан...

Еще немного английской соли, чтобы освежить бледные, совсем бледные ноздри красивой рыжеволосой Фанни...

Странное дело, — звон стакана в этот вечер, спустя целых пять лет, напомнил ей звук разбившегося блюдечка тогда, в то утро... они тогда в последний раз завтракали в Героне, после отъезда Андре... Она вспомнила, что в то утро заметила вздувшийся брезент — он прикрывал от моросившего дождя сундук Андре. Она тогда спросила у Жака:

— Разве Андре не взял с собой сундук?

И Жак, стоя допивавший чашку кофе, уронил блюдечко.

— *Отчего ты спросила об этом?* — гневно задал он вопрос, подбирая с пола осколки блюдечка...

Она вспоминала голос Жака, такой необычно громкий и резкий — ведь он стоял в неудобной позе, низко нагнувшись к полу... А когда она объяснила, в чем дело, он уже выпрямился и сказал ей, вполне овладев собой:

— То, что ты заметила под брезентом — всего лишь ящик с горелками... только и всего... Я привез ящик горелок, который захватил по дороге со склада на рю Риволи. Эти горелки нам вернули вследствие ряда дефектов и я хочу лично их осмотреть.

Это звучало так обыденно... и так безобидно, что она не стала продолжать расспросы... хотя... хотя она готова была поклясться... да, да, поклясться!.. что под брезентом в точности... да, в точности угадывалась форма сундука... и ей даже показалось, что из-под завернувшегося края брезента выглянул угол того самого сундука с украшавшими его медными гвоздиками... но после слов Жака... как же могла она сомневаться, что все это ей только показалось... А теперь!.. Теперь она убеждена, что Жак ей солгал!..

Андре был убит в автомобиле! О! ужасная фраза, огнем пылающие буквы, в свете которых в ее памяти сразу встал образ Жака. Она вспомнила, как он тогда стоял над черепками разбитого блюдечка, тогда, пять лет назад, и как он недавно наклонялся над осколками оброненного стакана!..

Дело в том, что Жак никогда не был неловким разиней... за последние пять лет он только и разбил, что этот стакан, да то блюдо...

В автомобиле — значит, он убил его в автомобиле!..

Неужели она сама подумала это?.. Неужели она *всерьез* это подумала? Как только она посмела такое подумать?

Разве следствие не доказало, что обоих братьев видели на перроне вокзала д'Орсей и что Жак один сел в автомобиль и в одиночестве уехал?..

Она все же думала об этом, думала, несмотря ни на что... и именно для того, чтобы больше не думать, она и поехала в Париж, желая убедиться, что Жак тогда, в то утро, действительно привез с собой ящик с горелками. И вот у нее нет никаких доказательств, лишь уверенность в том, что он ей солгал... Без сомнения, без всякого сомнения, он привез в Герон тот самый сундук... К тому же, следствие не нашло ни малейших следов сундука, но не сделало из этого никаких выводов... так как по истечении трех месяцев железнодорожные служащие не могли точно указать номер багажной квитанции, выданной тому или иному пассажиру... *Зачем же он привез обратно сундук и что он с ним сделал?*

Она старалась успокоиться и привести в порядок свои мысли, вспомнить, как все было, одно за другим, по порядку... Когда Жак возвратился, шофера еще не было, он еще не приходил... в гараже никого не было... Жак сам поставил на место автомобиль... Он поднялся наверх, поцеловал жену и был с ней чрезвычайно нежен... и немного цинично сказал, что должен развеять грусть от разлуки с братом: «Хороший завтрак, добрая бутылка вина!». Так и сказал: «Добрая бутылка вина!». Это даже удивило ее... ведь Жак придавал довольно мало значения доброму вину... Но Жак уже взял ключ от погреба... и сам спустился туда... *в погреб, куда вела лестница непосредственно из гаража!..*

Глава XII

КОГДА АНДРЕ УЕЗЖАЛ, ФАННИ УЖЕ «ОБО ВСЕМ ДУМАЛА»

— О! в этом году мне, надеюсь, больше повезет с Бобом и Тафом, — сказал Жак господину де ла Мариньеру, который дал уговорить себя остаться к обеду в замке после того, как посетил псовый двор, — он был большим любителем собачьих бегов. Он тренировал к состязаниям собак и для себя, и для других. Чтобы добывать средства к существованию, этот красивый старик, теперь почти разорившийся, был вынужден пустить в оборот свой небольшой талант.

— В прошлом году нас победила Белая Гавана месье Габриэле д'Аннунцио¹, не так ли? — спросила Фанни.

— Честь ему и хвала! — ответил ла Мариньер. — Вы намерены принять участие в состязаниях в Сен-Клу?

— Разумеется, — отвечал Жак. — Я очень люблю беговую дорожку в Сен-Клу. Она несколько вязка и рыхла для скачек, но для нежных собачьих лап не придумать ничего лучшего.. Я вполне согласен со Слипом...

Фанни слушала, как Жак ронял слова со свойственной ему очаровательной небрежностью, которой так умел пленять в обществе. Он, казалось, ко всему относился чрезвычайно легко. Она никогда не видела его сердитым, за исключением того случая, когда он озлился на папашу Мутье, с серьезной миной излагавшего свою теорию «потустороннего мира». Да и то — все это случилось только потому, что здесь замешано было имя Андре... *Но если Жак убил своего бра-*

¹ Г. д'Аннунцио (1863-1938) — итальянский декадентский писатель, поэт, драматург, политический деятель националистического толка. Участник Первой мировой войны, в 1919-1920 гг. прославился захватом Риеки (Фиуме) и созданием в городе собственной «республики».

та... предположение, о котором она не могла спокойно думать...

— В прошлом году зайцы показали невероятную прыть, — сказал господин де ла Мариньер. — На второй день они сбежали с дорожки, стали носиться, как сумасшедшие, и несколько собак сошли с дистанции.

— А откуда берутся эти зайцы? — спросила Фанни, которая, казалось, была всецело поглощена разговором.

— Из Богемии, сударыня. Дело в том, что во Франции закон запрещает использовать живых зайцев...

— В самом деле!

«В самом деле, — думала она, — если кто-нибудь не похож на убийцу, так это мой Жак!.. Стоит только взглянуть на его открытое, рыцарски благородное лицо с ясными голубыми глазами, которые глядят на его дорогую Фанни и улыбаются ей, потому что находят ее очень красивой в этом прелестном розовом платье, с короной из роз на рыжих волосах...

История с горелками, — думает она, либо же, быть может, ей просто кажется, что она так думает, — история с горелками еще ничего не доказывает. Жак мог знать, что горелки возвращены, и получить их у сторожа... Так что ему незачем было дожидаться, пока откроют склад... Что же касается меня... что я увидела?.. Угол сундука... я заметила его потому, что видела этот сундук на том же месте... и, следовательно, мне могло показаться, что он еще там!..»

— Вы ошибаетесь, ла Боссьер, приз Мальжене учрежден исключительно для щенков... — заметил господин де ла Мариньер.

— Конечно, — подтвердила Фанни, — в прошлом году он достался Колесу Фортуны, английскому щенку, который побил Плезантена, принадлежавшего майору Фонтенуа.

— Какая у вас память, дорогая! — воскликнул Жак.

«Если он мне солгал, если он действительно привез обратно сундук и спрятал его — значит, он знал, что его брат никогда больше не вернется и не потребует свой сундук».

— Да, да, завтра, если хотите, можно будет поохотиться со сворой, разумеется!..

«Если допустить, что он избавился от Андре, сундук должен был сильно стеснять его... да... если только... если только он не был ему очень нужен... — но об этом она не решается даже подумать... Это слишком ужасно, слишком... *Неужели Жак привез в сундуке тело брата?.. Какой ужас!..*»

— **Shocking!**¹ — не удержалась она и громко произнесла это слово, вставая из-за стола и опираясь на руку господина де ла Мариньера.

— Что вы находите **shocking**, сударыня?

— **Shocking**, если нас снова побьют и в этом году, после всего, что мы сделали для тренировки наших собак! Но Боб и Таф в превосходной форме, уверяю вас!..

В гостиной, подавая Жаку чашку кофе, она говорила себе: «Бедный мальчик — сегодня я весь день считала его убийцей... Теперь я больше так не думаю. Нет!»

— Как жизнь, дорогой?

— Превосходно, Фанни... что интересного вы видели в Париже?

— О! Никого и ничего... Я заезжала на рю Риволи, чтобы распорядиться об одном поручении, повидала Гордаса и тотчас же возвратилась домой.

— И вы не даже не выпили чашечку чая у Фрица?

— Право же, дорогой, я не была там.

— А где же вы пили чай?

— Нигде.

— Фанни, я не узнаю вас!

Она отошла от него, почувствовав, что краснеет до корней своих рыжих волос... «Неужели он прочитал ее мысли?.. Нет, он не может ничего подозревать... если он невиновен!.. А он на самом деле невиновен!.. Я, я виновата во всем»... Как могла мысль о том, что ее муж убийца, так быстро и так безраздельно овладеть ее умом?.. Быть может, мысль эта жила в ней, там, в самой глубине души прелестной Фанни... не вполне осознанная мысль, что Жак убийца, скорее подозрение, что он *может быть убийцей*.

— Сколько кусочков сахара?

¹ Шокирующе, ужасно, скандально (англ.).

— «И значит, чудовище не он, а я!» — призналась она себе без всякого труда, грозя маленькими серебряными щипчиками господину де ла Мариньеру, который требовал, чтобы сахар был непременно положен в его чашку красивыми пальчиками хозяйки.

Да, да, она одна во всем виновата!.. С того мгновения, как она предположила, что Жак способен на такое ужасное дело, — он, такой безупречный человек... И она хранила мысль об этом в глубине своей души все эти годы, с того самого дня, быть может... О чем думала она в то утро, в отсутствие Жака?.. отчего ее била лихорадка? отчего была она так взволнована, так истерично смеялась?..

Понятно, отчасти виной тому было неожиданно свалившееся на них богатство. Но тем не менее, ей казалось, что уже тем утром она думала обо всем этом... Разговаривая с Жаком, она заметила, что бумаги Андре оказались в идеальном порядке... И даже добавила: «Не кажется ли тебе, дорогой, что это похоже на завещание?»

Что могла означать эта фраза, если она не хотела этим сказать, что для окончательного и полного исчезновения Андре все готово!.. если уже тогда она не думала о том, каким выгодным может стать для них это исчезновение...

Неужели она будет отрицать это перед самой собой?.. Так оно и было... вот что действительно **shocking!** Она, наверное, умерла бы со стыда, если бы ее дорогой муж хоть на миг заподозрил, как низко пала его бедная жена, недостойная благородного и очаровательного «Джека».

И все же ей очень хотелось добыть ключ от погреба.

Глава XIII

КЛЮЧ ОТ ПОГРЕБА

Три часа пополуночи. Фанни не спится в ее просторной кровати. Она думает о ключе от погреба: ее муж с «того утра» постоянно носит этот ключ при себе. Ключ, не слишком большой и не слишком маленький, открывал довольно сложный замок, которым запиралась дверь погреба, ограждая запасы всегда хранившихся там хороших вин от домашней прислуги и шофера. Когда они жили в Героне, ключ постоянно оставался дома.

Но в тот достопамятный день, вернувшись из погреба, Жак надел этот ключ на кольцо с целой связкой других ключей. Такой простой, понятный жест. Они собирались переезжать, устроиться в замке; Жак боялся, что ключ может затеряться. Он был небрежен в свете, но в частной жизни проявлял аккуратность и предусмотрительность.

С первого дня, когда Жак и Фанни поселились в Героне, Андре предоставил погреб под гаражом в их полное распоряжение. Живя в замке, они не пользовались погребом; Фанни даже вспомнила, что во время переезда предложила перевезти вина из геронского погреба в Ла Розере, но Жак возразил, что Андре может вернуться в любую минуту и они покажутся смешными. Вдобавок, вино с таким же успехом может храниться в Героне. И все осталось по-прежнему...

Время от времени, два или три раза в год, Жак внезапно испытывал желание попробовать вина Кот д'Ор¹ и тогда он возвращался на своей английской коляске из Герона с большой корзиной, полной бутылок...

Господи! Как можно не спать всю ночь, не переставая думать о таких пустяках?!.. Столько шума из-за простого ключа от винного погреба!.. Разве любители, настоящие любители

¹ «Золотой берег», департамент на востоке Франции.

тели вин не берегут так же ревностно ключи от погребов, где хранятся их жидкие сокровища?..

Но разве Жака можно причислить к настоящим любителям?

Кроме того, он держит на кольце не один этот ключ! Прохаживаясь по мастерским, он не перестает позвякивать всей связкой ключей — это у него вроде тика... Настоящая мания...

Четыре часа... Фанни слышит серебристый звон часов Буля на комодке в будуаре... Неужели она до утра будет слушать бой часов?.. Ну и что? Она будет свежа и бодра, когда понадобится вставать!.. Но, продолжая думать все о том же ящике с горелками, она спросила себя: «Разве естественно, что в то утро, когда они были так взволнованы отъездом Андре, Жак вспомнил о подобных незначительных мелочах? Заехал за ящиком горелок, который не взял кто-то из клиентов, и притом в такой час, когда все еще спали?.. Это обязанность простого распорядителя на складе...» Почему горелки не могли прислать с одним из грузовых автомобилей, постоянно курсировавших между Парижем и Героном? Разве в то утро у него не было единственной заботы — поскорее вернуться к ней?.. Господи! Как болит голова от всех этих мыслей... Половина пятого... Новая, важная и значительная мысль: она вспоминает, что со времени отъезда из Герона никто не пользуется их частным гаражом, тем гаражом, куда выходит лестница из погреба...

Жак распорядился, чтобы туда перенесли ящики со всевозможным старьем, ненужную мебель, — давно вышедшие из моды вещи, валявшиеся по всем углам Ла-Розере. Там образовался настоящий склад всяческой рухляди и, кроме Жака, никто в нем не бывал... Да, да, — никто, кроме него... два или три раза в году, когда он отправлялся туда и после возвращался в своем маленьком английском шарабане с корзиной бургундского... С собой он привозит и ключ от гаража, который однажды бросил в ее присутствии в ящик своего письменного стола в Ла-Розере... громадных размеров ключ... такой неудобно все время таскать в кармане... Господи! как болит голова у бедняжки Фанни... За дедукцией следует индукция, она идет от частных к целому, к ужас-

ным выводам... и все это так путается в голове, так тревожит мысли, когда хочется спать, только спать... но сон не приходит... Она может мысленно сочинить целый роман, такой же невероятный и неправдоподобный, как тот, что вырос из галлюцинаций бедняжки Марты!..

О! спать! спать! не думать больше обо всем этом!.. В самом деле! если... если Жак действительно привез в сундуке *то, о чем она думает*... и если сундук в самом деле находится в погребке... разве стал бы он ходить в погреб?.. Он не посмел бы!.. Он старался бы как можно реже проходить мимо этой двери... он силился бы не думать о том, что за ней спрятано... не ездил бы туда за вином несколько раз в год! Так что... пять часов...

Невозможно!.. всю ночь думать об этих ужасах!.. Она недостойна Жака, нет, нет!.. И ей стыдно, что она так слаба... Живя в колониях, она не раз видела, каким пыткам подвергают туземных слуг, дурно выполнивших данные им поручения, и должна была бы привыкнуть к мысли, что человеческая жизнь — в особенности чужая жизнь, — имеет только относительную цену... «Тем не менее, — успокаивала она себя, — если Жак тогда и был (по разумной необходимости) несколько жесток с несчастными кули, — он все же вполне джентльмен, который, возвратившись в цивилизованное общество, не способен забыть, что жизнь его старшего брата, даже если она причиняет ему много неудобств, очень важна и ценна...»

Шесть часов... хозяйка замка встает... она колеблется...

В розовом свете ночника она видит отражение своей боязливой, трепещущей фигуры в большом зеркале... Она очаровательна в легком пеньюаре из вышитого шелка, наскоро наброшенном на плечи... Не все призраки, разгуливающие в эту ночь по коридорам Ла-Розере, способны нагнать страх...

Она легко и грациозно скользит по полу в своих сатиновых ночных туфельках... Проходит через будуар, через туалетную комнату, ванную, тихонько открывает дверь в туалетную Жака...

Первое, что она замечает в смутном полумраке рассвета, там, на этажерке, рядом с портсигаром, зажигалкой и ча-сами, — это связка ключей...

Она узнает среди других ключ от погреба — ведь он столько времени был в ее распоряжении, когда они жили в Героне. На кольце еще пять или шесть других ключей приблизительно такого же размера и несколько ключиков поменьше, более тонкой работы...

Если только Жак не станет специально вспоминать о ключе, — а это предположить довольно трудно, — он и не заметит пропажи... Фанни снимает с кольца ключ с такой осторожностью, стараясь избежать малейшего позвякивания, что спящий в соседней комнате Жак ничего не слышит.

Он продолжает спать, и совесть его совсем спокойна!..

Дверь полуоткрыта и Фанни грациозно заглядывает в спальню. Драгоценный ключ она спрятала в кружеве своего длинного и широкого рукава... Она прислушивается... какое чудесное, ровное дыхание... какая спокойная и успокаивающая размеренность у этого дыхания. Неужели это спокойствие не побудит Фанни вернуть ключ на место?..

Нет... Она хочет знать, *что он сделал с сундуком!*..

И внезапно она вспоминает, что ей мало этого ключа, что ей необходим еще второй ключ, ключ от гаража, и что он находится внизу, в запертом ящике письменного стола!

Ею овладевает безумие!.. Ей никак не выпутаться из этой истории с ключами... Жак скоро проснется... и слуги, наверное, уже встали... но они возьмется на первом этаже... Она еще может успеть, если будет действовать очень быстро... войдет в кабинет мужа... ведь она имеет полное право входить в кабинет своего мужа, когда захочет...

Она берет всю связку ключей с этажерки, и вот уже стремительно бежит по площадке главной лестницы замка... Кругом все тихо. Она бегом спускается по лестнице.

Вот она уже в темном рабочем кабинете... ошупью находит письменный стол... открывает ящик... О! где же он, огромный ключ от гаража?.. куда он мог положить его?.. Господи!.. Быть может, в другом ящике?.. Да, да, вот он, она коснулась его пальцами... Она запирает письменный стол... вы-

ходит из кабинета... никого... поднимается в верхний этаж... слышно, как слуги открывают ставни в столовой...

Она никого не встретила... она снова в туалетной мужа... который продолжает мирно спать... она кладет связку ключей на место, на этажерку, рядом с портсигаром, зажигалкой и часами... потом убегает, как вор... бежит к себе в комнату и бросается в постель... теперь уже с двумя ключами... ключами познания добра и зла.

Глава XIV

ПОГРЕБ

В этот день Фанни нашла предлог, чтобы отказаться от участия в турнире по гольфу, и около трех часов пополудни была уже на заводе. День был воскресный и завод был почти безлюден.

Дом, в котором они когда-то жили, стоял на одном из дальних дворов завода, так что молодой женщине нечего было опасаться любопытных взоров. К тому же, в гараже были сложены принадлежащие ей вещи, которые вдруг могли зачем-либо ей понадобиться.

Не без некоторого волнения владелица Ла-Розере смотрела несколько мгновений на окна квартиры, где она и Жак скромно прожили целых три года, пока старший брат Жака обращался с ним, как с простым приказчиком. С того дня, как они покинули этот дом, она здесь не бывала. Слишком много оскорблений претерпела здесь ее гордость...

Она с сожалением вздохнула, подумав о том, что когда-то могла позволить запереть в этих четырех стенах свою молодость и сияющую красоту... затем отважно приблизилась к воротам гаража, вставила ключ в замок и повернула его с усилием, которое причинило жестокую боль ее слабым и тонким пальцам. Дверь заскрипела и открылась.

Она быстро скользнула внутрь и захлопнула ее за собой.

Ее окружал полный мрак.

Она предвидела это и вытащила из кармана пальто свечу и коробок спичек.

Движения ее были уверенные, немного резкие, но смелые. «И стал свет».

Ее окружал форменный развал. Ящики, сундуки, корзины, старая мебель, трехногие кресла, разбитые старые вазы — все это одно за другим выплывало из темноты по мере того, как она двигала колеблющееся пламя свечи немного дрожащей рукой.

Пробираясь сквозь всю эту рухлядь, она направилась в дальний правый угол гаража, то обходя вещи, то просто отодвигая их с дороги. Мимоходом она узнавала эти вещи.

Она снова увидела нищенскую обстановку их столовой и заодно вспомнила, в каком безвыходном отчаянии обычно находил ее Жак, возвращаясь по вечерам домой, вспомнила, как сидела, положив локти на стол и стиснув дрожащими руками бледное и яростное лицо.

Она не отвечала на его вопросы. Она только изредка поднимала на него свой взгляд, так явственно выражавший презрение, какое может пылать в груди красивой женщины с чудными рыжими волосами по отношению к мужу, похоронившему такое сокровище в глубине заводского двора, рядом с цехами, где производят газовые горелки.

О! это мрачное и пыльное прошлое!.. На самом ли деле оно исчезло?.. Навсегда ли оно ушло?.. *В самом ли деле оно зарыто глубоко в земле, так глубоко, что она никогда больше не увидит его! Никогда! никогда!..*

Жак не раз говорил ей, что теперь она богата... Но она знала, что это не так!.. За эти пять лет он истратил всю свою долю доходов!.. И она многое подозревала... Он действовал как полновластный хозяин... Какая неосторожность, когда настоящий хозяин может с минуты на минуту вернуться.

Теперь она стоит перед небольшой дверцей в погреб. Она обещала себе, что не будет бояться. И вот она открыла дверь в погреб, и ей страшно!.. да, она боится этой узкой, сырой, скользкой лестницы... боится запаха, который вырывается оттуда, снизу. Она колеблется... о! только одно мгновение!.. Фанни принадлежит к тем женщинам, у которых отвага сильнее страха, а любопытство сильнее и того, и другого вместе взятых...

Она спускается на несколько ступеней... она впервые спускается в этот погреб... О! она никогда не была образцовой хозяйкой!.. Она даже никогда не пыталась выдать себя за превосходную хозяйку... даже в те времена, когда для нее было вполне естественно интересоваться погребом!.. Но погреб принадлежал к владениям Жака... к владениям, права на которые он с тех пор так ревностно охранял...

Лестница делает поворот, потом еще... У Фанни кружится голова!.. Ей кажется, что она спускается в могилу!..

Что же ищет она здесь, как не могилу? Да, могилу, быть может!.. Но она натывается на бочки...

Свеча бросает фантастические блики на окружающие ее огромные предметы... Все же она находит в себе достаточно мужества, чтоб наклоняться над некоторыми из них, напоминающими по форме не бочки, а ящики, почти что сундуки!..

Неужели она в самом деле полагает, что найдет этот сундук, что он брошен здесь между какой-нибудь бочкой и ящиками?.. Зачем же, в таком случае, она пришла сюда?..

Да... зачем она пришла сюда?.. Внезапно, обогнув какой-то угол, она попадает в полосу смутного света... Здесь почти можно различить предметы... свет падает из квадратного окна... и она гасит свечу, боясь, что там, снаружи...

Ей вдруг показалось, что за окном промелькнула чья-то тень!.. Несколько мгновений она оставалась неподвижна, встревоженная, жалея о том, что пришла сюда, находя свое поведение глупым или легкомысленным...

Но понемногу ее глаза привыкают к полутьме... ее глаза уже довольно хорошо различают кладку стен, а у этих стен — выстроенные длинными рядами бутылки, рассортированные по сортам вин и по годам...

Жак всегда был аккуратен...

Теперь ее глаза не могут оторваться от пола... как будто взгляд их прикован к нему...

Там, на глиняном полу, она видит бугор, который кажется ей неестественным. Если это действительно так, неужели он имел неосторожность ничем не прикрыть его?!

Да, разумеется, *в том месте* он навалил сверху целую кучу ящиков!.. Быть может, это там, в углу, под грудой старых ящиков из-под угля!..

Она не станет трогать всего этого!.. она сама едва решается двинуться с места!.. В самом деле! зачем она пришла сюда?..

Внезапно она испускает ужасный крик.

Она почувствовала движение за своей спиной.

Она в ужасе оборачивается:

— Кто здесь?..

Это Жак, и он бешено стискивает ее руки, так что причиняет ей безумную боль, и яростно повторяет:

— Что ты здесь делаешь?.. Что ты здесь делаешь?..

— Жак, Жак! — умоляет она... но он продолжает говорить суровым голосом, и его дыхание опалает ее лицо:

— Ведь ты пришла, чтобы увидеть его?.. Любопытная женщина!..

И он издает такое злобное рычание, что ею овладевает страх: не уложит ли он и ее труп рядом с тем, другим трупом, здесь, в темноте этого погребка...

— Жак!.. Жак!..

Он не слушает и не слышит! Охваченный безумием, он продолжает:

— Тебе непременно хотелось его видеть, не так ли?.. Ты не могла побороть в себе этого желания!.. Я видел, как любопытство зажглось в твоих глазах!.. Неужели ты считаешь меня слепым или идиотом?!.. С той минуты, как эта сумасшедшая произнесла слово «автомобиль», тогда, в тот вечер, я следил за твоими мыслями, я разгадывал их... Я знал, что ты захочешь увидеть... увидеть... захочешь узнать, куда девался сундук!.. Только ты одна знаешь про этот сундук, и ты могла бы позабыть про него!.. Но ты не сумела забыть... Глупое создание!.. И не сумела удержаться — нет, тебе непременно нужно было прийти сюда!..

— Хорошо, — прибавил он, вдруг оттолкнув ее, — ты получишь то, что искала...

— Что ты делаешь! Жак! Что ты делаешь?..

— Я хочу показать тебе сундук!..

— Молчи!.. О! Замолчи!..

— А потом ты оставишь меня в покое!.. Да?.. Ты никогда больше не вернешься сюда!..

— Жак! Жак! Умоляю тебя!..

— Говорю тебе, — ты увидишь сундук...

И вот он берет стоящую в углу кирку и так замахивается ею, что Фанни пугается... Она падает на колени: кто знает, хочет ли он ударить киркой по земле или нанести удар жене!..

Внезапно он опускает кирку... Хватает Фанни за руку...

— Молчи! — приказывает он. — Шаги на дворе...

И в самом деле, во дворе слышны приближающиеся шаги... кто-то шлепает около самой стены... ноги, очевидно, обуты в галоши. На мгновение шаги останавливаются у окна... затем им кажется, что они слышат те же шаги внутри гаража...

Жак приказывает полумертвой от страха Фанни:

— Оставайся здесь!..

Сам он оцупью направляется к лестнице...

Внезапно кто-то кричит сверху:

— Кто там?..

И Жак отвечает:

— Это я, любезный Ферран!... Я спустился вниз за парой бутылок вина...

— Хорошо, сударь, — отвечает сверху голос сторожа... — Я удивился, что дверь гаража приоткрыта. Обычно она всегда заперта на ключ... Помочь вам, сударь?

— Нет, не нужно! Ступайте, друг мой, продолжайте обход!..

— Слушаюсь, сударь!..

И он удалился...

Когда звук его шагов во дворе смолк, Жак сказал Фанни:

— Видишь, какой опасности ты нас подвергаешь!.. Ты даже не заперла за собой дверь и унесла ключ, а эта дверь плотно закрывается, только когда она заперта... Приди он на десять минут позже — и тоже увидел бы то, что так страстно желаешь видеть ты!..

Она была в состоянии только простонать:

— Уйдем! уйдем отсюда!..

— Подожди, нужно убедиться, что он достаточно далеко отошел от гаража... Не к чему ему видеть, как мы вдвоем выходим отсюда...

И они пробыли еще несколько минут в этом погребемогиле, не произнося ни слова. Слышно было, как стучат зубы Фанни. Наконец Жак сказал:

— Теперь идем! Возьми меня за руку!.. *если ты теперь*

со согласишься взять меня за руку!..

Она не ответила и лишь сказала:

— У меня есть свеча!..

— Зажги ее! Отчего ты задула свечу? Тебе удобней спускаться в погреб без огня?..

Она промолчала, попыталась зажечь спичку, но ей долго не удавалось это сделать. Он внезапно взял у нее из рук свечу и пошел впереди. Она со страхом следовала за ним. Когда они вышли из гаража, он спокойно и уверенно запер дверь на ключ и взглянул на Фанни:

— Я не могу отвезти вас в замок, — сказал он, — пока вы в таком состоянии!.. Подыдемся на минуту в нашу бывшую квартиру, навверх... это напомнит нам доброе старое время!..

И он втолкнул ее в темную переднюю их прежней квартиры в первом этаже. Она прошла в комнату, содрогаясь.

Он знал, что делал, когда привел на это разоренное пепелище нищенского жилья женщину, для которой роскошь была необходимостью.

В комнате, некогда служившей столовой, обои свисали со стен длинными клочьями. Здесь оставались только некрашенный стол и несколько стульев с соломенными сиденьями. Он предложил ей сесть и попросил разрешения закурить. Несколько раз затянувшись, он внимательно поглядел прямо перед собой, потом сел за стол. Лицо его было сурово.

Он пытался разглядеть ее лицо, но она забилась в темный угол и замерла там, совсем как мертвая.

Глава XV

РАССКАЗ КАИНА

Тогда он заговорил:

— Я убил его ради вас!..

И стал ждать ответа.

Но она не запротестовала. Она даже не вздрогнула, не тронулась с места. По-видимому, она тоже ждала...

Тогда он продолжал:

— Я хотел бы, чтобы вы никогда этого не узнали, чтобы вас не коснулись те муки, которые порой приходится переживать убийце!..

И он прибавил сухо и резко:

— *Мне ведомы эти муки!..*

И он нервно отбросил папиросу. Снова молчание. Потом:

— Вот как все произошло. Вы не могли не заметить, что, садясь в автомобиль вместе со мной, Андре был много спокойнее, чем после обеда, когда он впервые сообщил нам об отъезде. И я вам скажу, отчего он успокоился. *Он уже стал думать, что уезжать не к чему!..* Мы не успели добраться до Парижа, как он окончательно решил остаться!

— Пусть считают, что я уехал, — сказал он мне. — Это все, что мне нужно!.. Я передумал. Я сделаю вид, что уехал, а сам незаметно вернусь домой!.. И, покончив со всем, я буду спокойно смеяться над врагами...

И добавил:

— Я сумею постоять за себя!

— Тебе грозит опасность? — спросил я.

Он отвечал уклончиво:

— Мне... наплевать!.. Прости, что я говорю загадками, и не пытайся понять, — тут же добавил он. — Все это, в сущности, чрезвычайно просто, но тайна принадлежит не мне одному!

Я не настаивал, подумав, что здесь, должно быть, замешана женщина. Уверяю вас: в ту минуту я и не подозревал, что

он хотел так неожиданно бросить дом, детей и родину ради этой бедняжки Марты... Мне это пришло в голову много позднее... То, что мы знаем теперь, превосходнейшим образом объясняет события тех дней и слова Андре. Он собирался вернуться, чтобы вырвать ее из когтей мужа, а освободив ее, он мог сколько угодно смеяться над Сен-Фирменом!..

Но все это нисколько не интересовало меня. Я думал только об одном: Андре не уедет!.. Через несколько недель, самое большее, снова начнется прежняя жизнь, и в Героне, и в замке!.. Вы знаете, что это была за жизнь!.. И я тоже знал ее!.. Стены этой столовой могли бы многое рассказать... Вы уже переставали любить меня, Фанни, а я любил вас по-прежнему!..

Он перевел дыхание и подождал несколько мгновений... Но Фанни продолжала молчать... И он продолжал:

— Так значит, мы не поедем в Париж? — спросил я грубо, стараясь подавить злобу против Андре, кипевшую во мне.

— Что ты! Разумеется, поедем! — отвечал он. — Программа внешне останется без изменений!.. Мы приедем в Париж, я заеду в мою контору на рю Ассас, затем ты отвезешь меня на вокзал на набережной д'Орсей, где я возьму билет в Бордо. Мы попрощаемся. Я войду в вагон. Ты снова сядешь в автомобиль и будешь ждать меня у Аустерлицкого вокзала; все это чрезвычайно просто.

— Очень просто? — переспросил я. — А сундук?!..

— Ах да! сундук... Черт возьми! Я не подумал о сундуке!.. Послушай... его совсем не видать под брезентом. Поезд уходит так рано, что ни один носильщик не подойдет к автомобилю и не будет пытаться сдать сундук в багаж... К тому же, я быстро выйду из автомобиля, как будто у меня нет никакого багажа, кроме ручного чемоданчика!..

— Как хочешь! — сказал я.

— Сундук не имеет ровно никакого значения, — прибавил он. — Важно, чтобы все думали, будто я уехал, вот и все!.. и чтобы никто не видел меня в течение некоторого времени...

Он помолчал, погрузившись в свои мысли, а потом за-

говорил со мной о делах, но я не слушал... Мы прибыли в Париж и в точности выполнили намеченную им программу действий. Простившись с ним на перроне вокзала Орсей, я направился с автомобилем к Аустерлицкому вокзалу и стал ждать его. Я больше ни о чем не думал. Я действовал, как заводная кукла. Я совсем поглупел.

Вскоре он вышел из здания вокзала, сел рядом со мной в автомобиль и мы поехали в предрассветной мгле. Он заставил меня сделать громадный крюк и мы очутились в лесу. Он хотел, чтобы я высадил его неподалеку от Рис-Оранжеиса¹. Мною все сильнее овладевало чувство страха... я чувствовал себя уничтоженным... я спрашивал себя, как я скажу вам все это, вернувшись домой... я видел вас... я слышал вас... я знал, что, не будь маленького Жако, вы давно бросили бы меня... а Андре говорил только о делах, рассказывал о заказах, которые получил накануне, напоминал, что необходимо послать распоряжения в наши отделения в провинции... Я снова превратился в приказчика. Он больше не предлагал мне стать во главе дела — об этом и речи не было... Наконец, он сказал мне:

— Оставайтесь в вашей квартире в Героне... Я уверен, что все обойдется благополучно... Я напрасно перепугался!..

Короче говоря, все рушилось... и я вел машину с бешеной скоростью, как будто мечтая о катастрофе, которая закончит со всеми моими мучениями.

Внезапно во мне поднялась волна ужасной ненависти к этому человеку, даже не подозревавшему, в какое отчаяние повергло меня его решение.

— Ты бьешь нас обоих! — вдруг воскликнул он, заметив, что мы мчимся с опасной быстротой, и схватил меня за руку — поперек дороги лежал ствол громадного дерева. Стараясь избежать столкновения, я резко повернул руль. Мы сделали крутой поворот; в тот же миг я выровнял машину, но тут у нас лопнула шина.

¹ Городок под Парижем, в настоящее время пригород французской столицы.

Он выругался и мы быстро принялись за дело. Когда я поднялся на ноги, Андре еще стоял на коленях на дороге, внимательно разглядывая неподвижное колесо. У меня был в руке тяжелый гаечный ключ, каким пользуются в подобных случаях.

Что произошло во мне?.. Я думал о вас... Я не хотел убивать этого человека... по крайней мере, за секунду до этого я ни о чем подобном не думал... Но я не в силах был устоять против соблазна... Я нанес ему ужасный удар прямо в висок.

Вы слышали? Прямо в висок!.. Теперь вы можете понять, какое волнение охватило меня в тот вечер, когда эта безумная Марта рассказала про рану на виске у ее призрака!.. О ране, которая в течение пяти лет не переставала кровоточить!.. Это несколько успокоило меня, и я подумал, что во всех историях с привидениями и в народных сказках призраки всегда являются с раной на виске!.. О! это классическая рана, особенно, если ей полагается в течение многих лет сочиться кровью на голове у привидения... у призрака, звенящего цепями... Будем надеяться, Марта никогда не узнает, как забилось мое сердце от ее глупого рассказа!.. И потом эта история с автомобилем!.. О! теперь вы простите мне, Фанни, что я разрознил ваш превосходный богемский сервис? Проще говоря, я подумал, что она подозревает меня, что она рассказывает все это только для меня одного. Я принял определенное решение, и у меня хватило мужества сказать доктору, что я думаю... и он успокоил меня... Марта полагает, что Андре убил ее муж!.. Я испытал некоторое облегчение, хотя и предпочел бы, чтобы она вовсе не думала об убийстве!.. Ничего не может быть ужаснее, слышите, Фанни!.. ничего не может быть ужаснее, как постоянно слышать разговоры об убийстве человека, которого ты убил собственными руками!.. А я совсем не малодушен!.. вы сами увидите, что я не малодушен!.. Итак, я убил своего брата... Его крупное и сильное тело лежало у моих ног на дороге. Из раны на виске обильно текла кровь, и я боялся дела своих рук.

Но дело было сделано и надо было окончить начатое!
Вы не раз имели случай убедиться в том, что я человек дела.

У меня хватило храбрости убедиться, приложив ухо к его груди, что мой брат действительно мертв.

Что делать с трупом?.. куда перенести его? Прежде всего, я оттащил его в придорожные кусты: так тело было скрыто от взглядов людей, которые могли пройти по дороге. Действовать следовало быстро и решительно!.. Мне пришла в голову мысль положить труп в автомобиль, отвезти на берег Сены и бросить его в реку, привязав к нему соответствующий груз, чтобы тело не могло всплыть на поверхность.

С этой целью я накрепко перевязал лоб покойного носовым платком, так как из раны продолжала течь кровь, и надвинул ему на лоб фуражку. Из ран на голове обычно вытекает не очень много крови, но вы понимаете, что я боялся кровавых пятен!

Сделав это, я потащил труп к автомобилю. Куда положить тело?.. Внезапно я вспомнил о сундуке. Да, здесь имелся сундук, которому, здраво рассуждая, следовало бы исчезнуть вместе с его владельцем. Так вот! необходимо было спрятать труп в сундук и устроить так, чтобы сундук исчез.

Сундук был заперт на ключ. Я обыскал Андре, нашел ключи и отпер сундук. Он был полон доверху. Я освободил его до половины, вынув одежду и белье, перенес их внутрь автомобиля и накрыл их пледом. Потом я втиснул в сундук мертвое тело с такой силой и ловкостью, что сам удивился.

Мне хотелось воспользоваться уже начинавшим рассеиваться утренним туманом, который, к счастью, скрывал мои зловещие занятия. Засунув труп в сундук, я захлопнул крышку и запер замок на ключ — *навсегда!*..

Затем я прикрыл сундук брезентом. Я внимательно осмотрел свой костюм и автомобиль, смыл следы крови с гаечного ключа... и сел на свое место за рулем.

Я был уже почти спокоен!.. У меня было достаточно времени подумать, как поступить с трупом, поскольку я уже успел отказаться от мысли бросить его в реку.

Следовало спрятать сундук в такое место, где никто не стал бы его искать!.. Я вдруг вспомнил о винном погребе, куда никогда не спускался никто, кроме меня!..

Теперь все выглядело просто и ясно... Я вернусь в автомобиле. Если шофер будет уже в гараже, я отошлю его с каким-нибудь спешным поручением и сам займусь машиной. Я быстро пройду наверх, к себе, возьму ключ от погреба и снова спущусь в гараж. Затем я сниму сундук и перетащу его в погреб; туда же я перенесу остальные вещи Андре. Когда все окажется в погребе, я смогу выбрать наиболее удобное время, чтобы зарыть в землю и мертвеца, и его вещи.

Видение это во всех подробностях пронеслось в моем пылающем мозгу, и я совсем успокоился...

Все было кончено!.. Андре исчез!.. И никогда больше не вернется!.. А ты!.. ты!.. ведь все это было ради тебя... Фанни... ради тебя... почему ты не отвечаешь мне?.. Почему сидишь в своем темном углу, как каменная?.. Теперь ты знаешь все!.. Скажи что-нибудь!.. Вознагради меня за то, что я сделал!.. Ты сама знаешь, как мне это необходимо!.. Клянусь тебе!.. клянусь тебе, бывают дни, когда мне приходится прогонять воспоминания взрывами бешеной радости и веселья или безумной напряженной работой, как отгоняют опасное животное ударами кнута, чтобы оно не разорвало нас!..

— Это называется угрызениями совести, друг мой!..

Она стояла рядом с ним, подставляя ему свои губы. Он чуть не задушил ее в объятиях.

Она попросила пощады.

— Осторожнее, осторожнее, дорогой!.. Вы собираетесь пожрать меня, как то самое угрызение совести! Я любила бы вас немного больше, да, в самом деле, немножечко больше, будь у вас поменьше этих угрызений!... Пойдемте отсюда!.. Подальше от этого дома, от этих комнат... Вы видели внизу, в гараже, этот ужас!.. о, это отвратительно!..

— Что такое? — спросил он изумленно.

— Я говорю о нашей старой мебели из полированного ореха...

Глава XVI

ДОМИК НА БЕРЕГУ РЕКИ

На следующий день около полудня господин и госпожа де ла Боссьер были около небольшого домика на берегу.

Фанни обещала Марте навестить ее, и Жак решил, что ему лучше сопровождать жену.

Он, разумеется, прекрасно обошелся бы без галлюцинаций бедной больной, но с тех пор, как она прямо назвала убийцей старика Сен-Фирмена, было бы просто неразумно не считаться с ними.

С самого утра моросил мелкий дождик, который совсем скрыл солнце. Наступала осень, листва побледнела, побледнели и березы, росшие на самом берегу реки и серебристой стеной окружавшие домик.

Пейзаж навевал тоску, особенно, если идти по высокому берегу. Неподалеку от виллы, перед дорожкой, росла небольшая рощица высоких и печальных осин.

Жак сказал, что не любит осины, потому что это — грустные деревья: они вечно трепещут при малейшем дуновении ветерка и шелестят своими круглыми листьями в непрестанных жалобах и унынии.

Фанни была несколько удивлена подобными мыслями своего мужа; она никогда не думала, что он может быть столь впечатлителен и поэтичен.

Но она ничего не сказала ему. Она узнала его по-настоящему в течение последних суток. До сих пор она не знала его.

Несмотря на мелкий дождик, они пришли пешком; оба были в галошах и непромокаемых накидках. Им хотелось пройтись вдвоем по полям. С вечера предыдущего дня они не расставались.

До виллы они дошли за двадцать минут.

Это был небольшой четырехугольный двухэтажный домик с голыми выцветшими стенами и окнами, прикрыты-

ми серыми ставнями. Черепичная кровля. Никаких украшений, никаких балконов, нет даже карниза.

Высокая стена окружала сад, который тянулся до самой дорожки; на нее выходила калитка, почти всегда запертая на ключ. С этой стороны над стеной возвышались изъеденные червями стропила и высокая крыша древней и дряхлой беседки.

Жак позвонил у дверей дома. Им открыла старая служанка, которая узнала их и сказала:

— Госпожа будет очень рада видеть вас.

— Как она себя чувствует? — спросила Фанни.

— Она, кажется, очень устала и совсем ничего не ест! — отвечала служанка, освобождая их от накидок и галош и провожая в небольшую гостиную, где пахло затхлостью.

Они сели. Кресла были обиты утрехтским бархатом, перед каждым маленькая красная подушечка в форме торта ждала ног приезжих дам. На каминной полке с тремя шарами стояли черные мраморные часы и два серебряных подсвечника. Бронзовая фигурка на часах изображала римского воина. Маленькие круглые кружевные салфетки на мебели. Горка с большим количеством фигурок из слоновой кости, перламутровыми безделушками и страусиным яйцом.

— Весело, должно быть, жить здесь! — процедил сквозь зубы Жак.

— Особенно для той, кто мечтала сделаться хозяйкой замка Ла-Розере... — заметила Фанни.

— Верно, — пробормотал Жак. — Это, пожалуй, могло бы повредить и более крепкие мозги.

Они замолкли, услышав в коридоре шелест платья. Дверь отворилась.

Это была Марта. Она еще больше походила на привидение в белом платье, развевавшемся вокруг ее хрупкого тела; ее лицо было совсем восковое, а огромные черные глаза горели тревожным блеском. Она живо протянула им обе руки:

— Как я рада!.. как я рада вас видеть!.. Если бы вы не навестили меня, я сегодня же побывала бы у вас!.. Я снова бежала бы из дома, ведь вы — мои настоящие друзья, прав-

да?.. Доктор Мутье так сказал... и кроме того, необходимо, чтобы Жак... тише!..

Она подошла к двери и прислушалась, потом вернулась к ним и приложила палец к своим бледным губам...

— Нельзя доверять старой служанке!.. но теперь я смогу ухаживать, когда захочу... я открыла сегодня утром, что ключом от чулана можно отпирать и калитку... значит, мне не придется простирать к *нему* руки из беседки, когда *он* придет... Понимаете... Я сама пойду к нему... И он сможет сжать меня в своих объятиях, унести меня с собой в страну мертвых!.. Мне так хотелось бы теперь умереть, теперь, когда я знаю, что он умер!.. И я надеюсь, что мое желание скоро сбудется... Я уже говорила вам, месье Жак, и госпожа де ла Боссьер, я думаю, согласится со мной: вы должны отомстить за вашего брата!.. Его убийца не должен разгуливать на свободе, разгуливать безнаказанным, — вы должны положить этому конец. Подумайте только, что я каждый день обедаю с ним, ужинаю с ним, завтракаю с ним!.. Одна надежда на это и поддерживает меня... и только об этом я молюсь каждый вечер... А по ночам приходит Андре и сообщает мне необходимые сведения... так что скоро мы будем знать все... все... и очень скоро... Он вернулся сегодня ночью и... тише!.. старая служанка бродит по коридору... ей нельзя доверять... Быть может, она соучастница убийцы... все возможно... Она подслушивает у дверей!..

Марта приоткрыла дверь и произнесла совсем громко, с аффектированной любезностью, которая казалась ей естественной:

— Дождь перестал! Не хотите ли пройтись по саду?..

У двери, ведущей в сад, они встретили старую служанку. У нее было доброе и хорошее лицо. Ее звали Натали, она служила еще при первой жене Сен-Фирмена и никогда ничем не обижала вторую его жену. Она была чрезвычайно незначительным существом и сейчас все ее внимание было поглощено бельем, которое она развешивала в чулане. Тем не менее она, в качестве хорошо воспитанной служанки, спросила, не угодно ли гостям выпить чаю.

— Нет! нет!.. ничего не нужно!.. — с живостью восклик-

нула Марта... — Откажитесь, непременно откажитесь!.. Бисквиты заплесневели!.. Не станете же вы отрицать, Натали, что бисквиты заплесневели!..

Натали за спиной хозяйки пожалала плечами и прошептала:

— Бедняжка! Ах!.. бедняжка!!!

А Марта увлекла за собой гостей в сад.

— Я не сказала, — продолжала она, — что бисквиты могут быть отравлены... Почему знать!.. Я-то ем все, что мне дают, потому что хочу умереть... Но вы — о, это совсем другое дело...

Они следовали за ней. Она надела на свои маленькие ножки глубокие галоши и все трое пошли теперь по гладкой аллее сада, по обеим сторонам которой росли кусты и фруктовые деревья. Последние были так стары, что побелевшая кора их падала сама собой. О! это был очень печальный сад!.. Дождь прекратился, но со всех веток, со всех последних неосыпавшихся листьев, точно слезы, падали капли, словно сад оплакивал навек исчезнувшую молодость и свежесть, которые никто и не думал ему вернуть.

Марта набросила на плечи шаль и зябко куталась в нее, идя впереди гостей. Господин и госпожа де ла Боссьер сразу же поняли, куда она их ведет.

За двойным рядом лип они вскоре заметили ту самую беседку, где Марта проводила несколько часов каждую ночь.

Это была простая деревенская беседка, полусгнившая и разваливающаяся. Крыша была обильно увита ползучими растениями и напоминала украшение на старомодной шляпе. Ступени лестницы, которая вела на площадку, сгнили от времени и сырости; перила тоже наполовину сгнили и рассыпались под руками.

Марте, по-видимому, не терпелось.

Когда все трое очутились в беседке, она тотчас заговорила:

— Здесь я могу спокойно все рассказать... здесь нас никто не потревожит... Вот, видите, — внезапно прибавила она, — вот отсюда он приходит!..

За оградой, в полутьме уже нависших над рекой и сгу-

щающихся сумерек, можно было различить рожицу плакучих ив. У подножия их был привязан старый челнок. Этот уединенный уголок берега как бы покрывала мрачной тенью вздыхающая и стонущая вблизи осиновая роща.

— Какое печальное место! — не удержавшись, воскликнула госпожа де ла Боссьер.

— Да, да!.. Но если бы вы знали, как красиво здесь, когда светит луна... когда он приходит по воде, как некогда Иисус шел — *по воде, яко по суху*... да, да! он идет по воде... и это кажется вполне естественным... он выходит на берег...

— Послушайте, дорогая, он наверняка приплывает в этом старом челноке! — объяснил ей Жак. — А звон, который вы слышите — это лязганье цепи, которой он привязывает челнок к стволу ивы...

— Не мешай госпоже Сен-Фирмен рассказывать!.. Если бы все было так просто, госпожа Сен-Фирмен сама давно бы догадалась...

— Вы правы, сударыня, я не слепа, не глуха и не безумна, что бы ни говорил мой муж.

— А в котором часу призрак обычно появляется? — спросила Фанни.

— Около четырех часов ночи... Но теперь, когда я знаю, что он приходит или может прийти ко мне, я жду его влюбое мгновение... и не устаю ждать... Однако он, по-видимому, не может являться каждую ночь... О чем я говорила? Ах, да! обычно он выходит на берег в этом месте, но не всегда... иногда он появляется неведомо откуда и неожиданно становится видимым... Он направляется ко мне, протягивая обе руки... молча... Я никогда не слышала звук его шагов... слышно только легкое позвякивание цепей... которое, как говорят, всегда сопровождает привидения, когда они являются живым...

— Бедное дитя! Бедное дитя!.. — снова прервал ее Жак. — Где вы вычитали все это?.. В каком бреду вам все это приделось?..

— Оставь! прошу тебя, Жак!.. — с явным неудовольствием вмешалась Фанни.

— Раньше мне казалось, что я грежу... но теперь я уве-

рена, что он приходит ко мне, что он ждет меня, что он любит меня по-прежнему!.. — настаивала Марта. — О! так жаль ее, эту несчастную душу бедного... убитого... И на виске у него все еще сочится кровавая рана!.. И он надеется, что я отомщу за него, я знаю... но я так слаба... так слаба... и без вашей помощи мне это никогда не удастся!..

Она схватила их за руки и стиснула с такой нервной силой, какой они в ней и не подозревали.

— Обещайте, что вы можете мне, и я расскажу вам, что он сказал мне прошлой ночью...

— Вы знаете, как мы любим вас, милая Марта, — сказала Фанни.

— Нет! нет! — мне нужно не это... скажите: «Мы вам поможем!»

— Ну хорошо! Мы вам поможем...

— Вот! вот!.. благодарю вас!.. Теперь мне будет спокойнее. Он доверил мне большую тайну... и она нам может очень помочь... Он сказал мне так печально, так печально: «Марта! Марта! Мне хотелось бы спать в освященной земле... разыщи мой труп, Марта!..»

Тогда я спросила его: «Скажите мне, Андре, где находится ваше тело?»

И он ответил мне: «Он спрятал мое тело в сундук!..»

Затем он сразу исчез, как дым... Что вы скажете об этом?.. Теперь мы знаем, где спрятано его тело... нужно только узнать, где находится сундук... Быть может, это будет очень трудно... Случалось, что трупы, спрятанные в сундуках, искали месяцы, даже годы... Вспомните историю, что рассказывал нам доктор Мутье... дело Гуффе...¹ Нужно действовать крайне осмотрительно... Сен-Фирмен, не сомневаюсь, принял меры предосторожности!.. А теперь идемте скорей

¹ Реальный судебный процесс, проходивший во Франции в 1889-1890 гг. и связанный с убийством судебного исполнителя Т. Гуффе авантюристом М. Эйро и его любовницей Г. Бомпар. Труп Гуффе был перевезен из Парижа в Лион в сундуке, а затем спрятан в мешке в сельской местности близ Лиона. Дело считается этапным в судебной медицине и криминалистике.

в дом, — муж, должно быть, скоро вернется... Он должен застать нас троих в гостиной за спокойным разговором о дожде... как будто ничего не случилось!

Но, вернувшись в гостиную, Фанни через несколько мгновений попрощалась с ними, и они спаслись бегством. Иначе назвать это было нельзя.

Жак был не в состоянии произнести ни слова.

Фанни с трудом выдавила из пересохшего горла банальную любезность.

Она первой несколько оправилась и пришла в себя.

— Необходимо узнать, — сказала она, — что все это значит... Теперь уже не приходится смеяться над этой бедной малюткой...

— Она никогда не казалась мне смешной! — пробормотал Жак, пугая Фанни своей бледностью.

— Успокойся, — бросила она. — Не время бояться, как ребенок...

— Это ужасно! — продолжал Жак. — Когда она рассказала о сундуке, я подумал, что вот-вот рухну на месте... Эта малышка и ее видения! Кончится тем, что я поверю в рассказы Мутье...

— Молчи! Мутье смеется над нами!.. Надеюсь, ты никогда не станешь таким, как бедняжка Марта... Андре здесь ни при чем!.. *Если бы Андре в самом деле являлся ей, если бы он был в состоянии что-нибудь делать... он давно уже отнял бы у нас своих детей...* А он и не думает о них!..

— Ты права!..

— Знаешь, что мне пришло в голову?.. Я думаю, что она на самом деле видит кого-нибудь... не тень, не призрак, не привидение, а живого человека, который, возможно... да, возможно... присутствовал при... при том деле... во всяком случае (она наклонилась к его уху) видел, *как ты там, в лесу, спрятал труп в сундук!*.. Вот что я думаю... Этот кто-то не хочет скомпрометировать себя, не хочет заявить в полицию, но хорошо знает Марту и мистические наклонности ее характера... и таким образом пытается навести ее на след. Вот что я думаю, и это намного страшнее всех историй с привидениями...

— О! — воскликнул Жак, внезапно остановился и оперся о ствол ближайшего дерева — ноги отказывались держать его. — Если это так...

— Необходимо узнать, так ли это!.. И если это действительно так...

— Что тогда?..

— Нужно действовать... действовать, не теряя ни минуты...

Фанни взяла мужа под руку и потащила его за собой, стараясь вдохнуть в него хоть частицу своей отваги. Но воля Жака совсем ослабела.

Глава XVII

В ЧЕТЫРЕ ЧАСА УТРА

В четыре часа утра две неподвижные тени прятались неподалеку от маленького домика на берегу реки.

Им был виден весь берег до самой рощицы ив, а слева тянулась стена сада и шумели осины, почти невидимые в мраке безлунной ночи.

В стене имелась небольшая калитка, запертая на ключ. Но в беседке они не заметили никакой тени, опиравшейся на перила в ожидании ночного таинства.

— Может, сегодня ночью они не назначили друг другу свидание, — прошептал Жак на ухо Фанни.

Фанни закрыла ему рот рукой.

И они продолжали ждать... терпеливо... они хотели знать... знать...

Половина пятого...

Внезапно калитка тихонько приоткрывается и в ней появляется светлая фигура.

Это Марта.

Она совсем такая же, какой они видели ее днем, на ней то же белое платье, та же шаль наброшена на зябко вздрагивающие плечи.

Как во сне, она делает несколько шагов. Она движется медленно и походит на сомнамбулу.

Она стирает руки. Она смотрит вокруг себя, останавливается перед неопределенным и темным пятном, в которое слились ивы, и зовет тихо и страстно: «Андре!.. Андре!..»

— Она грезит наяву, — говорит Жак.

Фанни до боли стискивает его руку.

— Молчи!.. Разве ты не слышишь звон цепей?..

— Слышу... это дребезжит цепь челнока...

— Погоди!..

— Но Марта упадет в воду...

— Что нам до того? — сухо возражает Фанни.

Но Марта не упала...

Она пошла вдоль берега, потом склонилась над водой и, едва удерживая равновесие, простерла руки, продолжая повторять нежным и умоляющим голосом: «Андре!.. Андре!..»

На мгновение она застыла в полной неподвижности, словно в состоянии экстаза; казалось, она с кем-то говорила, подавала кому-то знаки... потом, склонив голову набок и беспомощно свесив руки, она с плачем пошла к калитке...

Наблюдая за ней, Фанни и Жак вышли из своего укрытия. Они были уверены, что имеют дело с сомнамбулой, и потому больше не скрывались.

Фанни сказала Жаку:

— Ты видел... и слышал ее.. А завтра она снова скажет, что видела своего покойника и что он говорил с ней!..

— А самое ужасное — она, вероятно, снова расскажет нам, как сегодня, что он ей отвечал...

Он произнес эти слова совсем тихо, но вдруг они с ужасом увидели, как светлый силуэт Марты внезапно остановился и повернулся к ним.

— Нет! нет!.. — сказала Марта. — Сегодня ночью мертвец ничего не сказал!.. мертвец не пришел сегодня... хоть я и звала его изо всех сил... обращалась к нему!.. Я сказала ему все, что лежало у меня на сердце... но он не пришел!.. Что поделаешь! он придет в другой раз...

И она вытерла рукой слезы, блестевшие на ее глазах. Потом, успокоившись, продолжала:

— Что же до вас, друзья мои, я вас ждала!.. О, я знала, что вы придете!.. Когда госпожа де ла Боссьер спросила вчера: «А в котором часу появляется ваш призрак?», я сейчас же догадалась, что вы непременно придете... Вы хотели узнать... хотели убедиться, не грежу ли я наяву... О! это вполне естественно!.. Все несчастье в том, что как раз сегодня он не пришел! А если бы пришел, мы вчетвером могли бы поговорить друг с другом!..

Она произнесла все это весьма рассудительно, не как сомнамбула, а как вполне бодрствующий человек; затем она пожала им руки, точно добрым знакомым, которых повстре-

чала по дороге домой, вошла в калитку и тщательно заперла ее за собой.

— Необычайней всего в этой истории... — начала Фанни, когда они остались одни.

— Это, что мы очутились здесь, — отвечал Жак. — Скорее уйдем отсюда!..

— Марта еще никогда не рассуждала так здраво!.. И она тоже не видела сегодня свое привидение...

— Уйдем отсюда!..

Вдруг они оба задрожали с ног до головы — во мраке ночи вновь явственно послышался звон цепей...

Они тотчас спрятались за выступом стены и стали ждать.

Вскоре они увидели склоненную фигуру, скользившую над поверхностью воды. Мгновение спустя фигура эта скрылась среди ив. Несколько секунд они слышали только слабое позвякивание металла, потом фигура снова появилась на берегу и пошла дальше, странно дергаясь и приплясывая.

— Да это Проспер — юродивый... — воскликнул Жак.

— Глухонемой!.. — прошептала Фанни. — Смотри, он подцепил костью и тащит за собой сеть, полную рыбы.

— Он занимается браконьерством, — объяснил Жак. — Наверное, он наловил рыбу с челнока.

— Готова держать пари, что это он является Марте, что это его она видит!.. — воскликнула Фанни.

— Глухонемые не говорят, — сказал Жак.

— *В самом ли деле он глух и нем?*

На вопрос жены, всю важность которого он оценил не сразу, Жак ничего не ответил.

Они молчали. Они поняли друг друга.

Прихрамывая и таща за собой сеть, в которой поблескивала чешуя пойманной рыбы, Проспер быстро подвигался вперед, пока не исчез в лесу, где находилось его таинственное жилище.

— Теперь мы можем пойти домой, — сказала Фанни... — Здесь мы больше ничего не узнаем... — И они вернулись к себе, пройдя через парк и открыв захваченным Жаком ключом потайную дверь в башне Изабеллы. Даже собаки —

и те не лаяли.

Они заранее условились, что если их заметят у прибрежной беседки, они расскажут все до конца старому Сен-Фирмену и потребуют, чтобы он получше следил за женой — или отправил ее в такое место, где на ее выдумки и затеи никто не будет обращать внимание и где она перестанет быть опасной для окружающих.

Несчастный идиот, считавшийся глухонемым и живший в какой-то пещере в лесу, теперь намного больше занимал их мысли, чем госпожа Сен-Фирмен.

Глава XVIII

ОПАСНОСТЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Весь следующий день Жак не выходил из замка. Он не мог заставить себя что-либо делать с тех пор, как услышал от Марты слова мертвеца: *«Он спрятал мое тело в сундук!»*.

Слова эти всю ночь не давали ему сомкнуть глаза и преследовали его весь день, мысленно перенося его в дальний угол погребца, где он зарыл тело своего брата.

Либо Марта видела и слышала привидение в сомнамбулическом трансе, и в таком случае этот странный сомнамбулизм становился крайне опасным, либо ей и в самом деле кто-то рассказал — и тогда, быть может, их окончательная гибель близка...

Что касается Фанни, то она призывала все силы своего ума, чтобы предупредить опасность, отвратить ее, разгадать.

С исключительной твердостью духа она исполняла обязанности хозяйки дома. Внешне она была спокойна, и никто ни на мгновение не заподозрил бы, что ее гложет страшная тревога.

А между тем, и она думала лишь об одном!..

Она не сомневалась, что *кто-то знает...*

Юродивый? Гадальщик? — так его называли в народе. Неужели удар направил этот идиот? Она не могла в это поверить... Несчастное, незаметное существо... к тому же все знали, что он глухонемой...

Она решила приглядеться к нему поближе, как только ей сообщат, что Проспер появился в Ла-Розере или в Героне — но тут вспомнила, что именно в Героне видела его в то зловещее и памятное утро всего за несколько минут до возвращения Жака. Значит, он не мог быть свидетелем «события» в лесу. Она побежала рассказать это Жаку, которого нашла распростертым в глубине кресла перед письменным столом.

Она заставила его точно вспомнить, где свершилось «событие». Глухим голосом он пояснил, что оно произошло за милую с лишним от замка, *у поворота на Френе*. Это определенное указание успокоило их в отношении Проспера. Вдобавок, случилось нечто такое, что придало им уверенности. Было около пяти часов; уже темнело. В комнату постучался один из сторожей, который желал поговорить с Жаком и просил разрешения войти. Сторож рассказал, что нашел в лесу силки браконьеров, устроил засаду и открыл виновника. Им оказался не кто иной, как юродивый. Увидев сторожа, тот бросился бежать — и так неудачно, что, по видимому, сломал ногу...

— Что же вы сделали с ним? — спросила Фанни.

— Мы с сыном принесли его на двух ветках и на наших ружьях. Он не переставал стонать. Хлопот он доставил нам немало, но было бы не по-христиански бросить его в таком состоянии в лесу.

— Вы хорошо сделали, что принесли его, — сказала Фанни. — Бедняга! Доктор Мутье взглянет, что с ним такое. Где вы его положили?

— В привратницкой!..

— Я сейчас схожу туда...

Она увлекла за собой Жака:

— **Darling**, прошу вас, не падайте духом... Будьте сильны, продолжайте повелевать судьбой, что вот уже пять лет балует вас... *Если же кто-нибудь знает...* рано отчаиваться... Ведь он уже пять лет знает и в течение пяти лет ничего не сказал... *а может быть, никто ничего не знает и только хочет узнать!..*

Но Жак покачал головой.

— Во всем этом, — сказал он, — есть много такого, что я не могу понять!..

— Молчите, дорогой!.. всему виной помешанная, *которую необходимо заставить замолчать*, или очень умная девочка, *которая строит из себя дуру* и все-таки, клянусь вам, *будет молчать!*

Она стояла перед ним, восхитительная в своей решимости... и такая грозная... что он несколько успокоился... и ус-

тыдился своей слабости.

— Посмотрим на нашего глухонемого, — решил он.

Доктора Мутье они оторвали от работы над статьей о «роли внушения при употреблении вытяжного пластыря». Врач с ворчанием последовал за ними. Он хотел закончить статью к приезду профессора Жалу. Из всех гостивших в Ла-Розере доктор Мутье оставался в замке последним. Он усердно пользовался этим отшельничеством, чтобы привести в порядок первый выпуск «Астральной медицины». Жалу, член Академии наук, чей приезд доктор ожидал с минуты на минуту, должен был бросить на журнал взгляд маэстро.

Мутье еще больше пожалел о потерянном времени, когда с первого взгляда увидел, что его побеспокоили по пустякам... простой вывих... очень болезненный, правда — Проспер, стоило к нему прикоснуться, издавал нечленораздельные крики.

— Его нельзя трогать брезгливому человеку, — ворчал доктор, поднимаясь и трепуя мыла и воды, чтобы вымыть руки.

— Возьмите щетку, зеленого мыла и теплой воды и соскоблите с него всю грязь, — сказал он сторожу и привратнику, указывая на несчастного. Тот пытался приподняться на локтях, будто хотел убежать, и беспорядочными жестами выражал очевидное желание получить костыли, брошенные в угол.

— Затем, — продолжал Мутье, — я перевяжу его и... он сможет отправляться хоть к черту!..

Жак и Фанни не переставали разглядывать идиота, пытаясь проникнуть в тайну его безумия. Но напрасно ожидали они хоть проблеска разума, хоть тени какого-нибудь намерения в его зверином взгляде. Искривленный рот Проспера издавал непрерывное ворчание: «Гм!.. Гм!.. Гм!.. Гм...»

Господин и госпожа де ла Боссьер отвернулись от него с отвращением, но несколько успокоенные — и были немало изумлены при виде бегущей к ним девицы Геллье. Очень бледная и крайне взволнованная, она, казалось, потеряла дар осмысленной речи:

— О, сударыня... сударыня...

— В чем дело, мадемуазель Геллье?.. Ну, говорите же!..
Боже мой! Что-то случилось с Жако?..

— Нет, мадам... нет, не с Жако, а с маленьким Франсуа...

— Ах, вот оно что!.. Как вы меня испугали!..

— Что случилось с Франсуа? — с живостью спросил Жак.

— О, к счастью, ничего особенного...

— Отчего же вы так разволновались?..

— Это из-за госпожи Сен-Фирмен...

— Что?.. Что?.. Госпожа Сен-Фирмен? Что же она сотворила, эта госпожа Сен-Фирмен?..

Фанни встала перед мужем, дрожавшим, как осиновый лист, и повторила враждебным тоном:

— Да, что сотворила госпожа Сен-Фирмен?

— Она лишилась чувств, сударыня!

— Лишилась чувств?.. Где это?..

— В вашей комнате!..

— В моей комнате?.. Что все это значит?..

Доктор и Жак уже бежали впереди, а девица Геллье на ходу давала объяснения Фанни. Хозяйка замка осыпала ее вопросами и пыталась понять, но ничего, решительно ничего не понимала во всей этой истории...

Случилось же следующее. После полудня маленький Франсуа стал жаловаться на головную боль, и девица Геллье уложила его в постель, намереваясь предупредить доктора, если ребенок вновь станет жаловаться. Но он почти мгновенно заснул, и она оставила его отдыхать, убежденная в том, что легкое недомогание вызвано излишним пылом во время утренних игр.

Затем преподавательница удалилась в учебную комнату и принялась за свою корреспонденцию. Здесь она могла услышать первый же зов ребенка.

Это был ее свободный день. Жермена и Жако ушли гулять с Лидией. Ничто не нарушало глубокого молчания замка, и девице Геллье был слышен малейший шорох.

Учебная комната отделялась от комнаты Франсуа только детской.

Чтобы не беспокоить ребенка, девица Геллье закрыла дверь в учебную комнату, но широко раскрыла дверь в дет-

скую. Так прошло около двух часов. Удивляясь продолжительному сну ребенка, девица Геллье наконец встала, открыла дверь и вдруг громко вскрикнула. Сильный запах газа ударил ей в нос.

Собравшись с мужеством, она бросилась в комнату ребенка. Каково же было ее удивление, когда она обнаружила, что ребенка нет в кроватке и что окно в комнате открыто!

Она заметалась, как сумасшедшая, очутилась на половине госпожи де ла Боссьер и в спальне ее нашла ребенка. Тот протирает глаза в кровати госпожи, а на полу у кровати лежала без сознания мадам Сен-Фирмен!..

Она, впрочем, так и осталась в обморочном состоянии — несмотря на все старания, девице Геллье и прибежавшей прислуге не удалось привести ее в себя.

— По-моему, — закончила преподавательница, с трудом поспевая за госпожой де ла Боссьер, — мадам Сен-Фирмен спасла ребенка. Она вошла в его комнату, почувствовала запах газа, открыла окно, перенесла Франсуа в вашу спальню и тут упала без чувств!..

— Возможно! — пробормотала сквозь зубы торопившаяся Фанни, — но каким образом мадам Сен-Фирмен оказалась в замке и спасла ребенка *вместо вас*?!

— О, сударыня!..

Девица Геллье поняла упрек. Она обиженно вздохнула, подумав: «Господин Андре, *будь он жив*... Он знал мою преданность и никогда не сказал бы мне такое!..» И, волоча ноги, она заковыляла за Фанни.

Для девицы Геллье отец ее питомцев теперь действительно был мертв. С тех пор, как стол сказал свое слово, она уже не сомневалась. Запершись в своей комнате в башне Изабеллы и положив руки на стол красного дерева, она проводила ночи напролет, призывая его, взывая к нему: «Дух, здесь ли ты?». Она рассказывала ему об успехах детей. Иногда она запиралась с детьми и духом, и тогда происходили сеансы, чрезвычайно интриговавшие Лидию — впрочем, девица Геллье боялась фрейлейн, как огня. Правда, дух не отвечал ей, хоть она и пыталась говорить с ним до самого рассвета.

Она завидовала госпоже Сен-Фирмен, которая, по-видимому, непосредственно сносилась с духом Андре. Девушка Геллье не сомневалась, что сама душа покойного чудесным образом привела жену нотариуса в комнату ребенка, наполненную светильным газом.

Зачем было духу так далеко идти за мадам Сен-Фирмен, когда она, девушка Геллье, была так близко! Но с тех пор, как девушка Геллье занялась спиритизмом, она не переставала удивляться капризам мертвецов.

Она много дала бы за то, чтобы услышать из уст Марты подтверждение своих предположений! Увы! К ее величайшему огорчению, Фанни решительно захлопнула дверь перед ее носом. Тогда она осталась за дверью и стала подслушивать.

Благодаря энергичным стараниям доктора Мутье госпожа Сен-Фирмен постепенно пришла в себя и начала высказывать суждения, которые и в самом деле наполнили бы священным восторгом такую правоверную спиритку, как девушка Геллье. Однако слова бедняжки все больше беспокоили рассудительный ум госпожи де ла Боссьер, волновали темную и растревоженную совесть Жака и заставляли сильно призадуматься доктора Мутье: врач всегда поражался, сталкиваясь с явлениями, так или иначе подтверждающими его *астральные* теории.

Прежде всего, Марта осведомилась о здоровье ребенка, а потом рассказала следующую странную историю:

— В сумерки я, как обычно, прогуливалась вдоль берега, как вдруг из тумана, уже поднимавшегося с реки, совсем близко от меня появился образ Андре.

— Значит, прошло не больше часа с тех пор, как вам явился этот образ? — перебила Фанни.

— Думаю, было еще не так поздно, около... да, без четверти пять, вероятно...

— Продолжайте, милая!

«Это не мог быть юродивый — сторож и его сын поймали идиота в лесу более часа назад», — подумала Фанни. Очевидно, она рассуждала правильно.

— Итак, я увидела Андре, — продолжала госпожа Сен-

Фирмен. — Я не слишком удивилась, хотя он и появился в необычное время. Но я напрасно прождала его предыдущей ночью, и душа моя призывала его с такой страстностью и с таким нетерпением, что я была убеждена — он не захочет больше мне *противиться*.

Я сказала ему:

— Андре, я ждала тебя, — отчего ты не пришел прошлой ночью? Где ты был? Почему ты не останешься со мной? Ты же видишь, как мучительно мне жить без тебя. Что ты делаешь вдали от меня?

Тогда видение, — ибо он казался мне видением, призрачным и настолько невесомым, что я все время боялась, как бы он не растворился в окружавшем нас тумане, — тогда видение ответило мне:

— Марта, надо оберегать детей!

И голос его, когда он произнес эти слова, был полон бесконечной грусти и холодом пронзил мое сердце: с этой минуты я начала предчувствовать, что детям грозит несчастье.

— Боже мой! — воскликнула я. — С ними что-нибудь случилось?

Андре ответил:

— Пойдем!.. *Мертвый не всегда может быть здесь!.. Не всегда я могу делать то, что хочу!..*

— Так значит, ты очень несчастен, Андре?

И он мне ответил:

— Это — тайна смерти! Я ничего не могу сказать тебе... Пойдем!..

— Куда же ты хочешь повести меня?

Но он мне не ответил. Я только почувствовала, что холодная, как мрамор, рука опустилась на мою руку! Никогда, никогда я не думала, что пожатые руки мертвеца так тяжело! А моя рука казалась такой хрупкой в этой каменной длани! Даже если бы я захотела сопротивляться, я бы не смогла. Он увлек меня в осиновую рощу и привел к парку.

Только рядом со мной белый образ его становился в надвигавшейся мгле почти черным. Он ни слова больше не сказал. Он толкнул калитку, ведущую в парк, и мы прошли

через парк в молчании.

Странное дело — меня все это очень занимало, но не испугало. Мне лишь было жаль его и я с дрожью думала о том, что несчастный умер без покаяния.

Мы никого не встретили в парке, никого не увидели на лестнице, никого не было и в вестибюле... Почти весь замок был погружен в темноту и вскоре я уже была не в состоянии разглядеть призрака, но все еще чувствовала его руку.

Двери раскрылись перед нами во мраке... и закрывались за нами. Я явственно слышала, как они открываются и закрываются.

Так мы пришли в комнату, где еще брезжил свет... о, только еле-еле! Но света было достаточно, чтобы я разглядела спящего в постели маленького Франсуа... Призрак снова стал видим. Он отпустил мою руку и я увидела, как он наклонился над кроватью. Он вздохнул и сказал:

— Береги его!

Больше я его не видела... Но я слышала, как раскрылась и затворилась дверь в детскую.

Можно было подумать, что лишь присутствие призрака поддерживало меня. Как только он ушел, я почувствовала, что силы оставляют меня и я падаю на ковер...

— Ведь я действительно так слаба... так слаба... мне кажется, что я живу только тогда, когда он со мною... лучше мне было бы совсем умереть!.. Я рассказала вам все, что знаю, все, что видела и слышала... Пусть это послужит вам предостережением!.. Андре предупреждает вас через меня, что детям угрожает опасность. Он хочет, чтобы я их оберегала, но у меня нет на это сил, *и я тоже не могу делать то, что хочу!*.. Мой муж сейчас вернется из конторы и будет всюду меня искать! Он приедет сюда. Он увезет меня домой!.. Обещайте мне, что будете хорошенько присматривать за детьми... это воля умершего!..

Фанни не слышала последних слов госпожи Сен-Фирмен — она вышла, чтобы расспросить маленького Франсуа, которого перенесли в детскую. Но ребенок объявил, что ничего не заметил и лишь очень удивился, проснувшись в ее спальне. Тогда Фанни расспросила прислугу, осмотрела по-

мещение и убедилась, что в уборной соскочила резиновая трубка, подающая газ в горелку; когда она вернулась, мнение ее уже сложилось.

Она прервала бессвязный разговор доктора, Жака и Марты.

— Дитя мое, — сказала она Марте, взяв ее за лихорадочно дрожащие руки, — вы очень больны. Если ваш муж немедленно не заставит вас лечиться, и притом не отправит как можно дальше отсюда...

— О, я бы очень хотела уехать... я уверена, что Андре всюду последует за мной...

— Вы хотите сказать — мысли о нем. Вы так сжились с мыслями об Андре, что не можете и шагу ступить, не вообразив, будто он рядом... И вы так мало отдаете себе отчет в ваших поступках, как будто их совершает кто-то другой... Вы даже не вспомнили, что это вы спасли маленького Франсуа от грозившей ему смертельной опасности!..

— Я?!

— Да, вы!.. Слушайте, я расскажу вам, что вы сделали... выслушайте меня внимательно и соберитесь с мыслями... Сделайте над собой усилие... Вот как все произошло... Вы пришли сюда по той же причине, по какой приходили в последние дни: вас снедало желание увидеть места, где жил Андре, и говорить с нами о нем.

— А призрак?..

— Оставьте в покое ваш призрак!.. Всем слабонервным людям, вроде вас, знакомы видения!.. Итак, вы пришли в замок... в нем вы никого не нашли: мы в самом деле были в другом конце парка, у привратника. Вы поднялись по лестнице, рассчитывая найти меня в будуаре... двери были, очевидно, открыты... вы вошли... позвали меня... и, вероятно, услышали стоны, доносившиеся из комнаты Франсуа. Ребенок, задыхающийся во сне, мог хрипеть, не так ли, доктор?.. Вы открыли дверь в комнату Франсуа... Вы почти обмерли от запаха газа, но все же бросились к окну, распахнули его, взяли ребенка на руки, пришли сюда, положили его на постель... После силы покинули вас и вы потеряли сознание!..

— Так значит, Франсуа чуть не сделался жертвой несчастной случайности с газом! — воскликнула Марта.

— Вам это должно быть известно лучше, чем нам, раз вы спасли его, — заметила Фанни.

— Как же можете вы теперь сомневаться в том, что *сам Андре меня посещает!* — продолжала несчастная в полной экзальтации. Дрожая всем телом, она вышла на середину комнаты... и стала искать взглядом маленького Франсуа, которого давно унесла фрейлейн.

— Ах, берегите их! Хорошенько следите за ними!.. Я теперь отвечаю за них!.. Недаром Андре своей ледяной рукой привел меня сюда!.. Андре знал!.. Андре сказал: «Время пришло!». Андре уже спас своего ребенка... он уже был здесь... мертвые слышат плач своих детей!.. Франсуа, наверное, звал его во сне!.. И Андре поспешил на помощь к нему!.. *Это он открыл окно...* он отнес ребенка в постель... Это он отправился за мной и привел меня сюда, сказав мне: «Береги их»! Верите ли вы теперь? Верите ли вы?.. Если не Андре приходил за мной, то кто же это мог быть?.. Кто?.. Но я твердо знаю, что это был он!..

Она упала в кресло, и слезы тихо орошали ее бледное и грустное лицо.

— Разумеется, это был он!.. — бормотала про себя в это же время и девица Геллье, поспешно покидая свой пост. Она боялась, что ее застигнут, и торопилась вернуться к столику красного дерева.

Она скрылась как раз вовремя — у двери спальни появился лакей. Он постучался и доложил госпоже де ла Боссьер, что внизу ее ожидает месье Сен-Фирмен и просит принять его.

— Пойдемте к нему... Идемте, доктор, — сказала Фанни. — Надо убедить его полечить бедняжку!..

И, увлекая за собой д-ра Мутье, который пребывал в полном недоумении пред лицом столь ясно выраженного случая «манифестации потустороннего мира», она сказала:

— Должны же существовать санатории для лечения болезней такого рода!..

Что касается Жака, не покидавшего Марту, то он казал-

ся почти таким же бледным и расстроенным, как она...

Он смотрел на нее, не произнося ни слова.

Эта женщина, так часто видевшая призрак его брата, внезапно ужаснула Жака...

Вдруг она громко заговорила сама с собой, как будто его не было рядом:

— Я знаю, что это ты, мой Андре!.. — говорила она. — Когда ты должен прийти, ты заранее даешь мне знать!.. Я чувствую, что ты на краю света... за миллиарды миль, быть может, но *мысль* летит! Мысль предшествует тебе, стучится у моего порога... говорит мне: «Отпри дверь... я возвещаю его приход!..». И я выполняю то, что повелевает мне мысль... Я не могла бы спокойно остаться дома, внимая этой мысли, что предшествует моему Андре!.. Я встаю, и следую за ней, и не чувствую холода окружающего меня мира, потому что сердце мое пылает, и я задыхаюсь, думая о том, что ты идешь издалека, чтоб увидеть меня, чтобы со мной говорить...

Я чувствую, как что-то наполняет меня всю... и подкапывается к горлу... да, что-то поднимается во мне... мне кажется, что сердце хочет выскочить из груди... упасть к твоим ногам... когда ты появляешься... когда я вдруг вижу тебя, твои печальные глаза, кровавую рану и бледные губы, с которых срываются стоны...

Как бы хотела я умереть и излечить твою рану!.. Утереть кровь, что постоянно точится из нее!.. Остановить ее губами, о любовь моя!.. Ты все еще страдаешь от раны, которую он тебе нанес, я это знаю! Я чувствую! и я страдаю от твоей раны... словно это меня поразил убийца!..

Она еще продолжала говорить, когда вошла Фанни. Но на сей раз она нашла без сознания не Марту, а Жака — тот без чувств лежал на ковре.

Она отправила домой госпожу Сен-Фирмен и одна стала ухаживать за Жаком, хотя ей могли бы оказать помощь два князя науки: доктор Мутье и только что приехавший профессор Жалу.

Г л а в а XIX

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ДЕВИЦЫ ГЕЛЛЬЕ

— Не оставляй меня одного... Не оставляй меня!..

Пробило полночь и Фанни сделала движение, заставившее Жака подумать, что она хочет отойти от его изголовья.

Он чувствовал себя бесконечно слабым. Он боялся — так боялся, что, останься он в одиночестве, пожалуй, не удержался бы от крика!

Мрак и тишина ужасали его. Он заставил ее зажечь все лампы в спальне, в будуаре, в туалетной, в ее спальне.

Преступление поднялось с илистого дна его совести, где покоилось все эти годы. Смертельная тоска сжала его сердце. Обморок стал для него спасением от призрака Андре с раной на виске! С первых часов этой долгой ночи, в течение которой Фанни ухаживала за ним, как за ребенком, она тщетно пыталась его успокоить. Она постоянно сталкивалась со следующим доводом:

— Все равно, видела Марта его или нет, но только Андре или его *действенная мысль* привели ее сюда, чтобы спасти Франсуа!.. Настоящее привидение не могло бы сделать большего.

— Нет, — возразила Фанни, — оно бы сделало больше.

— Что же? Ты находишь, что оно сделало мало?..

— Настоящее привидение уже давно назвало бы ей имя убийцы!..

Это возражение, казалось, произвело благоприятное впечатление на расстроенный ум Жака, но впечатление это было недолговременным. Жак не верил в призрак Андре, но странное душевное состояние Марты заставляло его невыносимо трепетать. Он понимал, какая опасность в нем таится. Экстаз, в котором пребывала Марта, наделил молодую женщину необычайным ясновидением и толкал ее на поступки, грозящие непоправимыми последствиями.

Разумеется, всегда ходило много рассказов о зарытых

где-то в сундуках трупах жертв преступлений; ужасно то, что она в данном случае говорила именно о подобном преступлении... И кроме того — автомобиль!... А затем, эта рана на виске... Это начинало уже переходить границы воображения и совпадений... И потом, это появление Марты в замке вместе с *призраком Андре*, имевшее целью защитить маленького Франсуа как раз в то мгновение, когда он подвергался величайшей опасности!..

— Однако, она помнит все, — сказал Жак, — все, за исключением того, как проникла в комнату ребенка, открыла окно и перенесла его на вашу кровать!..

— Мой Жак, я справилась у слуг... никто, слышишь ты, никто не заметил, что случилось — первой была мадемуазель Геллье...

— Это-то и беспокоит меня...

— Напротив, это должно было бы тебя успокоить... кроме Марты, никто не входил в комнату... как ты можешь еще сомневаться?..

— Я не сомневаюсь! Я и не сомневаюсь!.. Я не хочу сомневаться... ведь любые другие предположения бессмысленны... да... да... разумеется... но это сильнее меня — с тех пор, как я услышал голос Марты, обращающейся к Андре, *как будто он здесь... я боюсь!.. да, боюсь... словно он здесь... словно она его здесь оставила!.. Это глупо!.. Это глупо!.. И я форменный идиот, я дурак... но... у меня зубы все же стучат от страха...*

— Бедный мальчик!.. Я говорила с Жалу...

— И что же говорит Жалу?

— Он хоть и спирит, но когда Мутье рассказал ему о происшедшем, у него нашелся только один ответ: «Она больна!»

— А он знает, что я заболел и лежу в постели?

— Нет, но я не скрыла от него, что все эти рассказы, в которых постоянно фигурирует имя твоего любимого брата, настолько опечалили тебя, что ты нуждаешься в одиночестве... Я просила извинить тебя... впрочем, они оба были в восторге, и он и доктор... они смогли сейчас же приняться за работу... за свою «Астральную медицину»... для проста-

ков... Они сами не верят в нее!.. Ах, вот уж кому привидения не мешают спать!.. В самом деле, разве вам не стыдно, my dear?

Фанни смотрела на него с нежным упреком. Наступило длительное молчание. Она будто напрягала свой обворожительный взгляд, пыталась вернуть ему утраченные душевные силы... Наконец, он прошептал:

— Да, мне стыдно! простите меня...

И провел по лбу рукой, как бы отгоняя осаждавшие его мрачные видения...

— Да, — простите мою слабость, Фанни! любимая!.. вся моя былая энергия словно рассеялась... В течение стольких лет я все натягивал, натягивал пружину... молча, тайно, один... И вдруг я почувствовал, что я больше не в силах!.. что пружина сопротивляется, ускользает, лопается... Пружина моей души, которую я натягивал целых пять лет!.. Пять лет прожить с такой тайной!.. Я совсем разбит!.. И сокрушила меня Марта... Ты говорила с Сен-Фирменом... Что он сказал? Убедила ли ты его, по крайней мере, что его жена помешана?.. Избавит ли он нас от нее?..

— Доктор сказал ему, что знает санаторий, где за ней будет превосходный уход и где лечат подобных больных!.. А Сен-Фирмен ответил со знакомой тебе улыбкой, что не покинет жену *до последнего ее вдоха!*

— О, он так и сказал: «до последнего ее вдоха?»

— Так и сказал! И я убеждена, что он ничего не делает, чтобы отдалить последний вздох этой женщины!.. После признания Марты и этой ужасной фразы все стало ясно, мой дорогой! Поверь мне, нам недолго придется страшиться видений маленькой жены нотариуса!.. Старик Сен-Фирмен ничуть не верит в смерть Андре... он воображает, что его жена и твой брат все еще продолжают видеться!.. Он верит, что они обручились друг с другом *на случай его смерти!*.. Ну, а он спокойно смотрит, как она умирает... вот и все!.. Взгляни на его улыбку, вдумайся в его отношение к этой умирающей женщине, и ты поймешь все!.. Вспомни, что она сказала во время нашего последнего визита: «Не ешьте бисквиты, они заплесневели и, быть может, отрав-

лены!» Она тоже... она тоже знает, что старик ничего не сделает, чтобы отсрочить ее смерть!.. Она знает, что доставит ему высшее удовольствие, если умрет раньше него!.. И она знает, что он этого ждет... Можно ли надеяться, что женщина, живущая в таких условиях, сохранит здравый рассудок?.. Она и так уже одной ногой в стране мертвецов!.. И она не может и шага ступить, не волоча за собой своих призраков... Верь мне, сюда она их больше не приведет!.. Да, я отдала распоряжения, дорогой... парк и замок будут отныне охраняться, как крепость... Больше мы ее не примем!.. Пусть лечится где-нибудь в другом месте!.. Тем не менее, тебе следует завтра же принять меры и освободиться на несколько недель. Хорошее путешествие пойдет нам на пользу, дорогой!..

— Да! да!.. Ты права!.. Ты права!.. Я не решался это предложить! Уедем! Уедем отсюда!.. Эта мысль возвращает мне мужество!.. Чудесная мысль!.. Я сейчас же встану!.. Говорю тебе, я сейчас встану!.. Займусь бумагами!.. Нам необходимо уехать завтра же под вечер... После того, как она притащила сюда своих призраков, я не хочу больше ни единой ночи провести в этом замке... Уедем!..

И он встал, надел халат и обнял Фанни — перспектива отъезда вернула ему все его мужество и душевное равновесие... Он даже начал подшучивать над роскошью освещения.

— Мы и в самом деле сошли с ума! — сказал он. — Эта история с «покойником в сундуке» слишком потрясла нас... У меня разом точно отнялись и ноги и сердце... Сказать правду, это довольно глупо!.. Она двадцать раз слышала от Мутье рассказ о сундуке из дела Гуффе... Неделью назад в газетах снова писали о найденном в поле сундуке с трупом внутри... Вполне понятно теперь, почему она нам все это выложила!.. Ну, не дураки ли мы?.. Вот я и совсем успокоился... Ты устала?.. Нет... нет... Оставь меня... Тебе нужно лечь!.. Отдохнуть!..

Но она покачала головой:

— Мне не заснуть!

Настала его очередь удивляться:

— Что такое? и ты тоже?

— Что ты хочешь сказать этим «и ты тоже»? Вы должны понимать, дорогой, что я-то нисколько не верю в эти бредни... Но признаюсь, что мои нервы... да, нервы не дают мне сегодня уснуть... и виной этому вы...

Они вдруг замолчали. Им почудились шаги в коридоре... паркет закрипел и застонал, словно под тяжестью тела!..

Они застыли с мгновенно пересохшим горлом, напрягая слух...

Не успели они перевести дух, как снова послышался треск...

На этот раз Фанни решительно двинулась к двери, распахнула ее и выглянула в коридор, освещенный ночником под зеленым абажуром.

Никого не увидев, она прислушалась, ничего больше не услышала и закрыла дверь.

— Не глупо ли? — сказала она Жаку с улыбкой. — Боюсь пустого треска... Нас теперь будет пугать всякое поскрипывание мебели?

Он нашел в себе силы пошутить:

— Тем более, что привидения передвигаются совершенно бесшумно...

Но едва он договорил, как ужасный крик разбудил дремлющее эхо замка — крик ребенка, которого душат!..

Они кинулись в детскую, а ужасный крик перешел в невыразимые вопли. Как сумасшедшие, бросились они в комнату маленького Франсуа и нашли ребенка, стоявшего с поднятыми кулачками и с выражением ужаса на лице...

Луна освещала его бледным светом, проникавшим через окно. Он стоял во весь рост на постели в своей длинной рубашонке.

Одновременно с ними прибежала и фрейлейн Лидия, чья комната находилась рядом. За ней последовали маленькая Жермена и маленький Жак. Они тоже плакали, так как шум прервал их мирный сон.

— Боже мой! В чем дело? В чем дело? — в страхе спрашивала Фанни, пока Жак дрожащими руками зажигал свет.

Лидия бросилась к ребенку и охватила его руками, трогательно выражая свою преданность и путая французские слова с немецкими возгласами и упреками, чем еще больше увеличивала шум и смятение.

Вскоре прибежали перепуганные слуги, — горничная, дворецкий... потом появились доктор Мутье и высокий господин с белобрысыми, сильно напомаженными волосами, очень худой и очень шикарный, в черной визитке и с плотно сидевшим в глазу моноклем. Несмотря на волнение окружающих, он казался очень спокойным. Это был профессор Жалу.

Ученые еще не ложились. Их оторвали от любимой работы ужасные крики, разбудившие весь замок. Они одни сохранили спокойствие, заставили всех замолчать и стали расспрашивать ребенка, который перестал кричать и смотрел на всех с каким-то отупением.

— Что с тобой, малыш? — спросил доктор Мутье. — Тебе приснился дурной сон?

После некоторого колебания Франсуа тихо ответил:

— *Я видел папу!*

Фанни и Жак переглянулись. Они были одинаково бледны.

— Ты видел папу во сне? — спросил доктор Мутье, беря ребенка за руку. Лидия уже успела вновь уложить его и подоткнуть одеяло.

— О, нет, месье, — ответил Франсуа, покачав головой. — Нет, нет... не во сне... я на самом деле видел... Нет, я не спал — я слышал, как били часы в замке и как лаяли собаки...

— Отчего же ты не спал?..

— Я не знаю...

— А я знайт! — взволнованно воскликнула Лидия. Но ее возглас не встретил поддержки, и ей велели замолчать.

— Как же ты увидел папу?..

— Я лежал с открытыми глазами, как сейчас... и вдруг я увидел его в свете луны... Он был большой-большой, и такой бледный и страшный, *с раной на виске, откуда текла кровь...* тогда мне стало страшно, страшно... очень страшно, и мне показалось, что я умираю, и я закричал!.. И как

только я закричал, я перестал его видеть!..

Пока ребенок рассказывал это, все его маленькое тельце содрогалось. Всех глубоко потрясли его слова.

Стоило Жаку услышать слова о *ране на виске*, как у него зазвенело в ушах, и он упал на стул... даже Фанни прислонилась к стене...

Наступило молчание. Все как будто собирались с мыслями.

Жалу не произнес ни слова. Он ограничился тем, что внимательно оглядел ребенка. Франсуа снова принялся плакать, повторяя: «*Папа меня испугал!..*»

Доктор Мутье тихонько похлопал его по руке.

— Все это тебе приснилось, дружок!.. Может быть, это последствия отравления... хотя он, как будто бы, не пострадал от газа, — добавил врач, обращаясь к Фанни. — Что ел ребенок вчера вечером?..

— О, это не то, што он покушал, застафиль ефо бретить. Я карашо знайт, што физвал этот брет. Смотрийт, фот што застафил ефо бретить...

И Лидия, которую ничто не могло больше остановить, повернулась в сторону входившей в комнату девицы Геллье.

Сухопарая старая дева прибежала последней, так как ей потребовалось время, чтобы прикрыть свой ночной туалет приличным костюмом, и получила целый град полу-французских, полу-немецких упреков, брошенных в ее бесстрастное лицо — что-то о призраках, вертящихся столах, привидениях и духах.

Пока она выслушивала фрейлейн, Фанни собиралась с мыслями, а к Жаку возвращалась жизнь. Из всей этой тарбарщины становилось ясно, что преподавательница в последнее время привлекла детей к своим странным и смехотворным занятиям и сажала их за столик красного дерева в надежде, что *дух отца* не откажется им отвечать. Она сказала им, что он уже «говорил» посредством стола с другими людьми и что, если они умные дети и любят папу, он не преминет побеседовать с ними. Жермена и Франсуа сперва не хотели верить в смерть папы, но старая дева объяснила им, что он сам рассказал при помощи стола о своем убий-

стве! Словом, она поведала чудовищную историю, смутившую детские головки, и эту историю дети пересказали Лидии, несмотря на приказание девицы Геллье молчать.

Лидия и раньше рассказала бы обо всем, но решила «предупредить» мадам, когда вся эта комедия возобновится, а с такой старой душой, как девица Геллье, этого не пришлось бы долго ждать.

Рассказ возмутил всех. Даже профессор Жалу не мог удержаться от выражений порицания:

— Заниматься спиритизмом с детьми! Да это преступление!..

Доктор Мутье прямо закричал:

— Это негодяйка!.. Негодяйка!..

Фанни, чьи глаза метали молнии, дрожа от гнева, заявила, что она выгонит девицу Геллье за дверь!

— Завтра!.. Она уберется завтра же утром!..

Наконец, когда все успокоились, девица Геллье удостоила их словом.

— Хорошо! я уйду. Я была неправа, раз дух не явился, но я не негодяйка и не преступница!.. Преступление совершила не я!.. Я надеялась, что бессмертная душа их отца сама придет, чтобы назвать своим детям имя убийцы!..

— Она сумасшедшая, сумасшедшая!.. — закричали все. — Она сумасшедшая... старая идиотка!..

— Она слабоумная!.. — изрек профессор Жалу. — Я не стану защищать ее, ибо такие люди — наши худшие враги... Это они подрывают доверие к научному спиритизму!..

Вдруг послышался глухой голос Жака, который все это время молчал:

— Вы рассказали детям, что у их отца рана на виске?

— Я, сударь? Я ничего не говорила им об этом!.. Не надо приписывать мне то, чего не было!.. Откуда я могла знать, есть ли у духа рана на виске?!.. Дух никогда мне не являлся!..

Фанни обратилась к детям за подтверждением. Она поняла все значение вопроса, который задал муж. Очевидно, Жак предполагал, что девица Геллье подслушала признания Марты и внушила детям образ призрака. Но Жермена

и Франсуа подтвердили, что девица Геллье никогда не говорила им о *ране на виске*.

Тогда Жак вышел из комнаты и с трудом, шатаясь и придерживаясь за стены, поплелся на свою половину.

Глава XX

ЖАК МЕРТВ

Несколько позднее, когда все разошлись по своим комнатам, оставив Лидию с маленьким Франсуа и дав ребенку успокоительного, Фанни присоединилась к мужу.

Она нашла Жака в его комнате. Он сидел в кресле, положив голову на руки, и взгляд его был неподвижен.

— Не предавайтесь унынию, *darling*, — сказала она, трогая его за плечо. — Ну же, Джек! Пробудитесь от этого дурного сна. Я расспросила маленькую Жермену и теперь знаю всю правду о «ране на виске»!..

— Ну, и что же?.. — вздохнул Жак, поднимая к ней такое испуганное лицо, какого она у него никогда еще не видела.

— Так вот, оказывается, о ране рассказала брату Жермена. Сама же она подслушала эту подробность, когда вернулась с прогулки с Лидией. Она поднялась сюда, чтобы справиться о здоровье брата и услышала, как г-жа Сен-Фирмен рассказывала нам про свои видения. Она не утерпела и вечером сообщила все это Франсуа, ведь подслушанный ею разговор подтверждал бессмысленные рассказы этой второй сумасшедшей — их преподавательницы. Стало быть, покойник говорил и являлся госпоже Сен-Фирмен! и это госпожа Сен-Фирмен рассказывала, что у мертвеца была рана на виске!.. Понимаете теперь?!..

И она добавила:

— Когда видишь, какое действие оказывают выдумки госпожи Сен-Фирмен на такого человека, как вы, Джек, то не удивляешься, что маленький мальчик, чуть было не отравившийся в течение дня светильным газом, видит вечером кошмары, воображает, будто ночью ему являются призраки и кричит так, как будто его режут!.. Но теперь, к счастью, все снова вошло в норму!..

— И все-таки мы завтра же уедем! — взмолился Жак, выслушавший объяснения Фанни с видом человека, который

чуть не задохнулся и вновь обрел способность дышать.

— Да, мы уедем и заберем с собой не только Жако, но и Франсуа с Жерменой. Необходимо отвлечь детей от этих нелепых воспоминаний!.. Когда они избавятся от девицы Геллье и будут подальше от госпожи Сен-Фирмен, они позабудут о всех привидениях и, будем надеяться, мы последуем их примеру. Тут мы все сделали кандидатами в дом умалишенных. Даже на меня все это начинает действовать. Я становлюсь похожа на вас, Джек: малейшая вещь, которую я не могу сразу же объяснить, принимает сверхъестественные размеры... вроде этого шума в коридоре, того треска, что мы услышали...

— Слушай!.. Ради Бога, слушай!..

Он снова вскочил и схватил ее за руку. Он удерживал ее на месте и, казалось, был в ужасе от того, что слышал он и чего не слышала она.

Она попыталась успокоить его.

— Но я ничего не слышу! Жак, умоляю тебя, успокойся!.. Я ничего не слышу!.. Ничего!..

Он еще мгновение продолжал прислушиваться, потом его рука разжалась и Фанни отдернула онемевшую кисть. Тогда он взглянул на нее и она испугалась, прочтя в его глазах невыразимый ужас. Он еле слышно спросил:

— *Разве ты не слышала звон цепей?*

Она покачала головой.

— Звон цепей, — продолжал он, — которые тихо волочатся по паркету?

— Где?

— Где?.. Я сам хотел бы знать, где... Звон цепей где-то неподалеку!..

— Тебе послышалось, Жак!.. О, берегись!.. берегись!.. Марта сведет с ума и нас, если это будет продолжаться! Берегись, Жак!..

— Ты права, — сказал он, проведя рукой по лбу, — необходимо следить за собой... Нельзя сходить с ума!..

Но он вздрагивал при каждом шорохе, и звук маленьких часов Буля, пробивших в будуаре два часа утра, заставил его задрожать.

— Думаю, ты услышал звук пружины. Она всегда потрескивает за несколько минут до боя часов!.. — сказала Фанни.

— Возможно, — ответил он. — Но это совсем не походило на звук пружины, а было похоже на лязг цепи... цепи, надетой на ногу... Да, да, я знаю, ты опять скажешь мне, что это галлюцинация... весьма возможно!.. Согласен, что это очень даже возможно! Теперь все возможно... теперь, когда я не могу избавиться от мысли, что она привела призрак а в замок вместе с собой и, *уйдя сама, оставила его нам!*.. Да, мне кажется, что он здесь, что он нас видит, слышит, и что он забавляется, пугая нас звоном своих цепей!..

— Боже мой! что же будет!.. Как можешь ты верить в призраков? — вздохнула Фанни.

— Я не сказал, что верю в призраков... до этого я еще не дошел... но мысль о призраке, мысль, от которой нельзя отделаться, не менее реальна, чем сам призрак!.. Ведь я уже слышу его!.. И я безумно боюсь его увидеть!.. И что мне до того, что призрак нереален, если я его вижу! Если я действительно вижу его своими глазами! Для меня нет большей реальности... Говорю тебе, Андре больше не покидает меня... Я слышал звон цепи на его ноге... слышал так же явственно, как могла бы услышать Марта... Уверяю тебя, дорогая, клянусь тебе, если я увижу Андре таким, каким она его описывает, с раной на виске... я не переживу этого!.. Я не смогу это вынести!.. Нет, нет, не смогу!..

Фанни даже не ответила ему — так потрясена была она, увидев его в таком состоянии духа... В комнате воцарилось жуткое молчание, в котором ощущалось присутствие мертвеца.

И вдруг где-то далеко, в темноте, собаки завывали, словно к покойнику...

Вой этот был таким заунывным и зловещим, жалоба такой отчаянной, а боль такой человеческой, что даже у Фанни на лбу выступил пот!.. Они схватили друг друга за влажные от ужаса руки и разомкнули их, только когда собаки утихли..

Жак заговорил первым:

— Если бы собаки увидели призрак Андре, проходящий по парку или скользящий вдоль окон коридора, они и то не смогли бы залаять ужаснее. Как бы я хотел, чтобы эта ночь миновала... Я больше не могу... Только свет дня излечит меня...

— Встряхнись немного, скоро настанет день!.. Ты хотел поработать!.. У тебя, наверное, много дел, раз мы хотим завтра уезжать... Хочешь, спустимся вниз к тебе в кабинет? — предложила она.

— Нет! нет!.. Ни за что!.. Я не хочу проходить до света по коридорам замка... Ты испугаешься того, что я тебе сейчас скажу: *я боюсь его встретить*. Слушай!.. Ах, слушай же!.. слышишь?.. Теперь ты слышишь?..

На этот раз и она задрожала и тихо ответила:

— Молчи... Я слышу!

На несколько мгновений они замерли, неподвижные, как статуи... Когда звуки утихли, она сказала:

— В самом деле, *как будто где-то бряцает цепь*...

— Вот видишь, видишь!..

— Да, но я не совсем уверена... звук не повторяется... к тому же, он может быть вполне естественным... мы завтра выясним причину... и, вероятно, посмеемся, когда узнаем ее... Этот звук может доноситься снаружи, — быть может, дверь скрипит на петлях или ветер раскачивает цепь от висячего замка...

— Ветра нет, — отвечал он.

Небеса, казалось, решили сразу опровергнуть его слова: мгновенно поднялся ветер и они с изумлением слышали печальное завывание за окном и в глубине дымоходов. В то же время собаки снова принялись выть к покойнику! Это был такой печальный концерт, что Жак заткнул уши. Вдруг Фанни оторвала его руки от ушей.

— *Я слышала звон цепей!* — сказала она. — Этот звук слышится в комнатах, — говорю тебе, что в твоей комнате что-то двигалось...

— Вот теперь и ты тоже, и ты тоже! Вот видишь, я не сумасшедший!.. Это бродит привидение!.. Оно в моей комнате!..

— Где твой револьвер? — резко спросила Фанни, у которой пересохло в горле.

— Ах да, револьвер!.. Ты права!.. Если увижу привидение, я буду стрелять!.. Я пристрелю его, как собаку!..

— Теперь ничего больше не слышно! Но только, — продолжала Фанни, поверившая теперь в реальную опасность, — только кто-то ходил по твоей комнате.

— погоди, я схожу за револьвером... Он в гардеробной, в ящике стола. Револьвер оставил там Андре! Я выстрелю в привидение из его собственного револьвера! А? Что ты на это скажешь?.. Может быть, это заставит его убежать! — и он усмехнулся, словно разум уже покинул его.

Он внезапно распахнул дверь в гардеробную. Комната, освещенная лишь луной, была погружена в полумрак. Помешкав мгновение, Жак двинулся в темноту, нащупывая руками стол, где надеялся найти револьвер.

Некоторое время Фанни слышала, как он шарит в темноте, открывает ящик... а потом... потом в маленькой комнате раздался оглушительный выстрел и страшный крик, упало чье-то тело...

Одним прыжком молодая женщина очутилась в гардеробной. Она наткнулась на мертвое тело — и это тело было телом Жака.

Глава XXI

МЕРТВЕЦ ОЖИВАЕТ

Она была убеждена, что он покончил с собой.

Но доктору Мутье и профессору Жалу, прибежавшим вместе со слугами, она объяснила все несчастной случайностью.

— По-видимому, Жак хотел достать револьвер из ящика стола, — сказала она. — Револьвер выскользнул у него из рук и пуля попала в него.

Оружие действительно было найдено на полу рядом с телом Жака.

В то время, как она взволнованным голосом рассказывала им все это, прерывая свои объяснения отчаянными рыданиями, слуги перенесли тело на постель Фанни и врачи, разрезав ножницами рубашку Жака, стали осматривать его рану.

Они увидели, что рана смертельна и что несчастный уже испустил последний вздох.

Пуля попала ему в сердце.

Когда Фанни услышала, что нет больше никакой надежды, ее горе и отчаяние дошли до последней степени. Она бросилась на еще теплое тело, называя мужа самыми нежными именами.

Но он не отвечал.

Он был мертв, мертв, вполне, окончательно мертв!...

И все же она не могла в это поверить.

Ломая руки, она умоляла двух «князей науки», чья судьба чудом соединила в эту ночь под ее кровлей, совершить невозможное и вернуть ей мужа.

Она вспомнила, что говорил ей недавно доктор Мутье, припомнила также странные слова д-ра Тюффье: *Мы можем теперь возвращать жизнь мертвым, если вовремя за них возьмемся!*

Отослав плачущих детей и снова выставив за дверь де-

вицу Геллье, которая в столь необычайных обстоятельствах хотела оказаться полезной и не пропустить ничего из происходящего, она начала умолять обоих врачей испробовать операцию. Но они, казалось, не понимали ее; видя смущение доктора Мутье, которого она в этот трагический момент столь необычайным образом «приперла к стене», она крикнула ему с яростным бешенством:

— Шарлатан! Шарлатан!.. Все вы шарлатаны!.. Вы не верите ни слову из того, что говорите!

Мутье, выслушивавший сердце покойного в стетоскоп, поднялся, побледнев:

— Хорошо, сударыня!.. Ваш муж умер!.. Мы попробуем его воскресить!..

В это время принесли ящик с инструментами, за которым доктор на всякий случай послал в свою комнату.

Жалу посмотрел на инструменты и пробормотал:

— Отчего бы нет, в самом деле?

Перспектива операции уже занимала его: он видел всю пользу, которую могла бы, в случае удачи, извлечь из нее «Астральная медицина».

Но сперва следовало убедиться, что тот, кого они собираются оперировать, действительно мертв!.. Пока доктор готовил все необходимое, раскладывал свои пинцеты и инструменты и, согласно асептическому ритуалу, тщательно мыл руки, Жалу также прослушал сердце покойного.

Он поднялся и сказал, откладывая в сторону стетоскоп:

— Несчастный мертв, вне всякого сомнения! Последний отмирающий орган — это сердце. Когда сердце перестает биться, наступает смерть! Значит, он умер!.. Вы заметили, Мутье, что пуля должна была попасть в правый желудочек?..

— Скорей, скорей, скорей! — умоляла Фанни, чье волнение их стесняло... Они хотели было удалить ее. Но она обещала им вести себя спокойно и в самом деле сразу же успокоилась, поклявшись, что убьет себя, если докторам не удастся вернуть Жака к жизни.

Операция началась. Перепуганная прислуга разбежалась. Мысль о том, что их хозяин умер и что доктора попробуют его воскресить, превосходила их понимание; горничная,

Лидия и кухарка крестились, как будто в эту ночь замком завладел дьявол.

Вонзив скальпель для первого надреза кожи, Мутье прикинул в уме, что с того момента, как его «клиент» испустил последний вздох, прошло не более пяти минут.

— Если я окончу операцию в течение десяти минут, — шепнул он Жалу, — выйдет толк!

Жалу, который светил ему, держа лампу над грудью Жака, ответил:

— Постарайтесь закончить за пять минут. У вас большой хирургический стаж.

— Да, но все зависит от того, где засела пуля...

И они умолкли. Жалу, видя, что Фанни невероятно спокойна, вручил ей лампу и приготовился помогать товарищу.

Надрезав кожу и «отвернув» ее, как переворачивают страницу книги, Мутье обнажил ребра.

Жалу передал ему зажимы для кровеносных сосудов, предназначенные для остановки кровотечения. Доктор Мутье, вооруженный хирургической пилой, принялся пилить второе, третье, четвертое и пятое ребра и, соорудив таким образом вторую дверцу, отвернул ее, как и первую.

Сейчас же вслед за этим он вскрыл сердечную сумку, окружающую сердце, открыв саму сердечную мышцу.

Как и полагал Жалу, пуля попала в толщу стенки правого желудочка, повредив по дороге нерв, иннервирующий сердце.

Сердце перестало биться от того, что нерв этот, вызывающий поочередное расширение и сокращение обеих половин сердца, перестал действовать.

Не забывая пока о пуле, доктор занялся сначала более срочным делом, то есть деятельностью самого сердца. Он погрузил руку в сердечную сумку и, захватив рукой сердце, как сделал бы это с грушей пульверизатора, стал массировать его, поочередно сжимая и распрямляя пальцы.

Этот миг был так значителен для людей науки, готовящихся смертью обратить в жизнь, что трое живых, находившихся в комнате, затаили дыхание... Они не смели вздохнуть,

пока мертвый не начнет дышать!.. Оба врача ждали его первого вздоха с трепетом не менее острым и мучительным, чем страстное томление женщины, ожидавшей воскресения любимого человека.

Массаж сердца был делом крайне затруднительным, но доктор Мутье был неутомим; таким же неутомимым он бывал, сталкиваясь с некоторыми случаями асфиксии, когда ему приходилось вызывать ритмические движения языка... но какая разница между этими двумя операциями: там он вырывал у смерти живого, здесь возвращал к жизни мертвеца!..

И вдруг ему показалось, что кровообращение восстанавливается!.. восстанавливается!..

Жалу восторженным восклицанием отметил биение пульса!..

А у Фанни вырвался дикий крик надежды — *лицо мертвеца порозовело!..*

Все остальное произошло с изумительной быстротой: кончиком пинцета Мутье извлек пулю из ее мышечной темницы, потом зашил сердечную сумку и, наложив последний шов, стал прикрывать заслонки из мяса и костей, смыкая их с математической точностью, обещавшей быстрое, почти мгновенное заживление...

А мертвец продолжал дышать!..

— Сударыня, — сказал дрожащим голосом Мутье, — ваш муж оживает!.. Если не случится никаких осложнений, наш воскресший окончательно поправится через неделю, а через две недели будет в состоянии гулять!

Глава XXII

СЛУЧАЙ, ЧРЕЗВЫЧАЙНО ИНТЕРЕСНЫЙ ДЛЯ НАУКИ

В результате всех этих необычайных событий Фанни заболела нервной горячкой и пролежала три дня в постели в комнате мужа, а тем временем в ее собственной комнате «мертвец» постепенно приходил в себя.

Оба врача, Мутье и Жалу, из научного любопытства продолжали наблюдать воскрешенного ими пациента — и опасались, что болезнь владелицы замка окажется весьма серьезной.

Но этого не случилось. Фанни была от природы одарена «сопротивляемостью», значительности которой врачи и не подозревали. На третью ночь она почувствовала себя достаточно бодрой, чтобы подслушать, и не без пользы, происходивший в соседней комнате разговор обоих представителей науки. Дверь была полуоткрыта и ученые обменивались мнениями по поводу *здоровья мертвеца*.

— Он внушает мне страх, — говорил Мутье. — Я боюсь, что он вернулся оттуда безумным. Его упорное молчание, расширенные зрачки, ужас, с каким он глядит на людей и вещи, дрожь, что охватывает его при малейшем шуме, при малейшем прикосновении, его испуг при виде открывающейся двери — все это свидетельствует о неслыханном расстройстве нервных функций!

— О! дорогой мой! Подумайте о том, что он возвратился *издалека*. И, что касается нас, мы поистине не знаем, откуда именно. *Но он-то это знает. Он-то помнит*, наверное! — с большим напором произнес профессор Жалу. — Я смотрел ему в глаза... В них словно сохранились образы, которых мы не в состоянии увидеть, но видел он... Что удивительного, если ему нужно время, чтобы снова привести свои чувства в равновесие!

— Если это так, дорогой мой, его нужно оставить в покое, пока он не обретет должное равновесие.

— Ни в коем случае! То, что вы предлагаете, может быть, очень гуманно в узком смысле слова, но совсем не научно! Упомянутое вами жизненное равновесие он обретет лишь тогда, когда все, что он видел в состоянии смерти, изгладится из его памяти, будет вытеснено новыми впечатлениями жизни! И тогда, понимаете, он ни о чем не будет помнить, или воспоминание покажется ему *бесплотным сном*. И с точки зрения науки мы будем обкрадены!.. Этого нужно избежать во что бы то ни стало. Необходимо добиться того, чтобы этот человек заговорил, пока его впечатления свежи!.. Я не уйду отсюда, пока он не заговорит!..

— А если он будет продолжать молчать? Мне кажется, он весь во власти какого-то ужаса!.. — вздохнул Мутье. — Вы жестоки...

— Вот как! Но, дорогой мой, чего же вы хотите?..

— Я считаю, что мы должны подходить к этому вопросу практически и не обременять себя надеждами и гипотезами, излишними для дела *астральной медицины*.

— Но вы ведь верите в загробную жизнь личности? Отвечайте: да или нет?

— Да, верю. Я верю в нее, как верил Крукс...

— В таком случае, если личность продолжает жить после смерти, нет никаких оснований для того, чтобы человек, который *провел четверть часа в загробной жизни*, не мог рассказать нам о том, что он видел.

— Ясно! С его стороны это глупое упрямство! — насмешливо сказал Мутье.

— Но, мой дорогой — вы, кажется, довольны тем, что он молчит. Это ни на что не похоже! — ворчал Жалу, не скрывая своего дурного настроения.

— Поговорим серьезно, — снова начал Мутье. — Происшествие столь значительно, столь невообразимо...

— Невообразимо? Ничуть! — прервал его Жалу. — Оно необычно, вот и все!

— Необычно, согласен. И так, это происшествие настолько исключительно, что научные посредственности и верить

не захотят словам какого-то выжившего человека, который станет рассказывать, как устроена смерть! Вот почему я ничего не имею против его молчания. Проведенная нами операция от этого только выиграет.

— Хотел бы я знать, почему?

— Почему? Потому что, если бы он подробно отвечал на все ваши вопросы касательно царства мертвых и мы бы осмелились воспроизвести эти вопросы и его ответы... нас сочли бы шарлатанами, *играющими на слабоумии больного*. Разве для нашей славы недостаточно уже того обстоятельства, что мы с помощью хирургического вмешательства оживили мертвеца?

— Нет! Для меня этого недостаточно! Начнем с того, что операцию проводили вы... А я берусь, во имя науки, извлечь из этой операции все, что возможно. Я никогда не думал, что вы так нерешительны! Как! вы оживили человека и отворачиваетесь от него, как будто просто заштопали ему ногу? Человек, которого вы вернули к жизни, слышите вы меня... *этот человек обязан открыть нам тайну смерти!*

— Вы уже приставали к нему с вашими расспросами, но он вам ничего не ответил. Повторяю — я боюсь, что этот человек сойдет с ума, и в его безумии обвинят нас... Во всяком случае, поскольку он еще ничего не сказал, а мы даже не знаем, помнит ли он, что происходило с ним в то время, когда он лежал мертвым...

— Полноте! Он только об этом и думает!..

— Дайте же мне сказать! Прежде, чем он заговорит, я хочу показать вам отчет об операции, который я написал для «Астральной медицины». Необходимо подробнее осветить некоторые нюансы. Пойдемте ко мне...

Фанни слышала, как они ушли. Она тихонько встала, накинула на себя пеньюар и, несмотря на слабость, направилась в комнату, где лежал ее муж.

Она открыла дверь и сейчас же услышала глухой стон, привлечший ее внимание к постели, на которой лежал выздоравливающий мертвец.

Слабый свет озарял комнату. Фанни увидела два глаза, широко раскрытые и устремленные на нее.

Ужас, отражавшийся в этих глазах, заставил ее поспешно броситься к несчастному. Он глядел на нее, приподнявшись на постели.

Он узнал ее и, когда она протянула к нему руки, он со вздохом облегчения прижался к ней.

По всей вероятности, он ждал ее давно.

Он указал на дверь гардеробной и Фанни послушно встала и подошла к этой двери. Хотел ли Жак, чтобы эта дверь была закрыта, потому что именно в той комнате произошла драма? Быть может, он боялся, что спящая там сиделка потревожит их внезапным появлением?

Сиделка спала. Фанни закрыла дверь и вернулась к мужу.

Тогда Жак крепко обнял Фанни и шепнул ей слова, смысл которых она поняла сразу:

— *Я его видел!*

Она обняла его бедную голову своими нежными мягкими руками, прижала эту преступную, многострадальную голову к своей груди и сказала совсем тихо:

— Молчи! Молчи!! Ты был очень болен. Тебе нужно выплакаться. Плачь, мой дорогой, мой любимый, плачь, тебе станет легче. Не думай ни о чем. Если хочешь выздороветь, не думай ни о чем!..

Но он продолжал, дрожа всем телом, как ребенок в объятиях матери:

— Ты знаешь?.. Ты ведь знаешь?.. Зачем ты делаешь вид, что не знаешь! *Ты ведь знаешь, что я был мертв!*

— Ты был болен! Очень болен! Молчи!.. Если ты меня любишь, молчи!.. Не слушай докторов... Они идиоты, они глупцы, мой дорогой, мой любимый... они настоящие глупцы... они помешаны! Я так им и скажу!.. И я потребую, чтобы они не смели тебя мучить. Да! я только что подслушала их разговор. Они тоже не верят, что ты был мертв!.. Если ты не хочешь умереть на самом деле, ты должен прогнать эти глупые мысли, Жак... Обещай мне это! Мы оба сойдем с ума и умрем, если ты не пообещаешь мне это... Ведь я же все видела. Верю ли я, что ты был мертв?.. Они просто подоспели *вовремя и вовремя* сделали необходимую операцию!..

Вот и все! Вот и все!.. Молчи, молчи...

— Если бы ты знала! Если бы ты знала! — стонал живой мертвец. — Ты не говорила бы так! Не покидай меня, не покидай меня никогда! Ах, как я тебя ждал, как я ждал, как ждал!.. *Теперь, когда я знаю все, слышишь... я не хочу умереть... я не хочу видеть их всех снова.* Я не хочу умереть прежде, чем раскаюсь, прежде, чем искуплю все... прежде, чем он меня простит!.. Я сделаю все, чтобы этого добиться; у меня одна надежда, одна мысль! Когда я снова увижу его, пусть он скажет мне: «Я прощаю тебя». Если бы ты знала, как он страшен!! Как он страшен! *Из его раны все еще идет кровь!..*

— Мой любимый! Мой дорогой! Я все сделаю. Все, что ты захочешь!.. Мы уедем!.. мы уедем далеко отсюда!.. Так далеко, что ты его больше не увидишь. Ты никогда не услышишь о нем, и он не станет тебя мучить.

— О! Только бы мне не видеть его кровавую рану!.. Каждый раз, когда открывается дверь... когда колышется занавеска... или кто-нибудь ступает по паркету, каждый раз мне кажется, что я сейчас снова увижу его, его и эту кровавую рану. Теперь я уже видел его, когда был мертв, и я знаю, что он не перестает бродить здесь, вокруг живых. Он никуда не ушел отсюда. Он в замке, он у Марты... или у детей. Но мы не видим его. Чтобы его увидеть, нужны чистые глаза, как у Марты или у детей. Дети видели его, маленький Франсуа сказал правду!.. Это отец спас его от удушья!.. И Марта говорила правду... Все они видят его, а мы, мы не можем увидеть. Это потому, что наши бедные глаза ничего не замечают. И это счастье! Счастье!.. Пусть он бродит вокруг нас!.. Пусть охраняет детей, это его право!.. Но только пусть не показывается. Нет!.. Нет!.. Или пусть спрячет свою рану!.. Слушай, что я тебе скажу, — нет, нет... мы не должны были смеяться над этим, когда я жил еще преступной жизнью. Мертвец может явиться живому в минуту смерти, даже если живой не заслужил этого!.. Я и видел его перед тем, как умер... видел несколько мгновений — ровно столько ему понадобилось, чтобы *достать из ящика мой револьвер и убить меня.* Он убил меня, подумав, что я хочу причинить зло

его детям! Ах! Слушай, слушай же, как все случилось! Я одновременно увидел его грозное лицо с кровавой раной на виске и услышал выстрел, и упал, — *я был мертв!*..

Фанни твердо верила, что Жак бредит, но уже не пыталась остановить этот бред. Она прижимала его бедную голову, его горящий лоб к своей прохладной щеке и плакала навзрыд. Она не сомневалась, что он потерял рассудок. Ее муж сошел с ума!..

Она попробовала было объяснить ему, что он сам выстрелил в себя, чтобы избавиться от воспоминаний об убийстве и, быть может, от призрака, — призрака, созданного его собственной совестью. Но он поклялся ей страшной клятвой, что и не думал кончать с собой: его убил Андре!..

— Бывают такие обстоятельства, когда мертвые могут прикасаться к предметам, брать их в руки, обращаться с ними так, как живые... все это знают; это знают даже живые! Даже наука этого не отрицает. *Уильям Крукс и не то предельвал со своими мертвецами!*

Сказав это, он тяжело уронил голову и задремал, прижавшись к Фанни. Фанни осталась сидеть и почти час просидела неподвижно. Никогда еще она так не любила этого человека, как сейчас, когда сама стала виновницей его ужасных мучений.

Он убил из-за нее. Из-за нее он испытывал угрызения совести, раздиравшие его мозг и сердце. Но она вылечит его. Да, она найдет для него исцеление в любви и бегстве. Они будут любить друг друга под лучезарным и радостным небом, где нет места для призраков туманного Севера. Она спасет его от нравственной пытки, которой подвергали его эти чудовища-врачи, от одержимой Марты, и от девицы Геллье с ее вертящимися столами, и от всего остального... от всего, она увезет его далеко... подальше от... сундука!

В глубине души она была уверена, что причина всех этих необычайных происшествий — сундук... Сундук был слишком близко... его соседство действовало на всех... на замок... на парк... на всю местность на берегу реки... вплоть до маленького прибрежного домика... Жак, находясь поблизости от сундука, должен был постоянно чувствовать его влия-

ние... его притягательную силу...

Иногда он отпраплялся в гараж или спускался в подвал без всякой надобности, просто так... оттого, что он испытывал потребность быть ближе к сундуку, чувствовать его и труп в нем в земле, под своими ногами...

Фанни понимала это. Она сама часто думала о сундуке и иногда на нее находило странное желание, желание, с которым она упорно боролась — желание спуститься в подвал... и наступить ногами на землю, на мертвеца!.. Ну, так вот! Они уедут от этого сундука, от туманов, в которых водятся привидения, далеко, в теплые края, в Неаполь, на Капри, в Сорренто, туда, где растут апельсиновые деревья. Там к ним вернется здоровье. Там не боятся мертвецов... там можно гулять по цветущим могилам. Там мертвецы дружелюбно относятся к живым и оставляют их в покое... не то что здесь, на Севере, где они только и делают, что запугивают людей...

Она посмотрела на Жака. Он, казалось, спал, но мало-помалу его дыхание делалось хриплым и неровным, и наконец он проснулся с криком, хватая горячечными руками руки жены и глядя на нее безумными глазами:

— Фанни! Фанни! Ах! Боже мой! Посмотри... посмотри на занавеску у окна... я тебе говорю, что она шевелится. Слышишь звон цепей за занавеской? Говорю тебе, это он! Смотри! Смотри!.. вот он двигается... Я вижу его руку! Я вижу его руку, она поднимает занавеску. Андре там, за занавеской!

Фанни напрасно старалась заставить его замолчать. Он стучал зубами от ужаса и повторял:

— Говорю тебе, что я видел его руку. Умоляю тебя, пойдди посмотри. Пойди, посмотри!.. Подыми занавеску. Он прячется за занавеской!..

Он повторял это так настойчиво и с таким ужасом, что Фанни была потрясена до глубины души и направилась к занавеске; *она делала это не только ради него, но и ради себя!*.. Ей действительно показалось, что занавеска колыхнется, что она шевелится...

Вздрагивая, она шла вперед с протянутыми руками... когда вдруг, по странному стечению обстоятельств, маленькая лампочка, единственная свидетельница их общего ужаса, внезапно погасла, словно ее кто-то задул, и комната погрузилась во мрак.

Жак отчаянно вскрикнул, а Фанни, не понимая сама, что она делает, стала метаться по комнате, ударяясь о стены и мебель и, наткнувшись на маленький столик с хрустальным сервизом, опрокинула его. Сервиз разбился о пол с неопишваемым звоном и грохотом. В ту же минуту молодая женщина почувствовала, как порыв ледяного ветра коснулся ее волос. А окно открылось само собой с такой силой, что рама ударилась о стенку.

Жак хрипел, дверь комнаты отворилась, и в ней появилась испуганная сиделка. Слабый свет, проникший из гардеробной, озарял эту фантазмагорическую картину, когда появились оба врача.

Несмотря на сквозной ветер, гулявший по комнате, сиделке удалось снова зажечь лампу.

Тогда Фанни, которую возвратило к действительности свежее дуновение ночи, за минуту до того напугавшее ее до смерти, поняла, что причиной всех сверхъестественных явлений было плохо закрытое окно и подойдя к нему, собственноручно его закрыла.

Что касается Жака, то он забился в самый дальний угол кровати и, натянув дрожащими руками одеяло на голову, громко умолял врачей, чтобы они *избавили его от мертвецов!*

— Сделайте так, чтобы я их больше не видел...— стонал он. — Зачем вы спасли меня от смерти, если не можете избавить от мертвецов?.. *О! они существуют! Они существуют!..* О! Вы хотите знать, видел ли я их!.. Ну, так вот! Я их видел. Я видел их, как вижу вас, я и сейчас их вижу. Они наполняют весь дом!.. и лес!.. и долину!.. Вы воображаете, что мертвецы уходят и оставляют живых в покое?.. Они сторожат вас за каждой дверью! Они стоят за окном!.. Они поджидают вас на пути!.. Вы и не подозреваете об этом!.. Вы и не подозреваете!.. Но я-то их видел, я видел их, когда был мертв, видел, как они нашептывают живым на ухо,

как они дают живым советы, злые и добрые!.. а живые и не подозревают этого. Мертвецы направляют живых, они ведут их за руку, а живые даже не подозревают! Нет!.. Нет!.. Если бы они знали, они остерегались бы их! Живые говорят о предчувствиях... Предчувствий не существует!.. Это мертвец шепчет вам на ухо!.. Это рука мертвеца ведет вас к счастью или к гибели!.. Говорю вам... Мертвецы!.. Мертвецы вмешиваются в жизнь живых!.. Они любят и ненавидят!.. Среди них есть такие страшные, от которых живым никогда не спастись. *Живые должны внимательнее вглядываться в тени!* Они увидели бы вещи, которые видел я... Они остерегались бы!.. О! они бы не были так беспечны, клянусь вам... О! Умоляю вас! Умоляю!.. прогоните мертвецов! Прогоните мертвецов! прогоните мертвецов...

— Уходите! Уходите! — резко заявила Фанни врачам. — Разве вы не видите, что он бредит? Вы преступники. Вы воскресили его, чтобы подвергнуть пытке. Вы измучили его! Уходите!..

И Фанни вытолкала обоих спиритов из комнаты, осыпая их ругательствами. Затем она вернулась к Жаку. Тот, видимо, несколько успокоился и сказал ей:

— Я, наконец, избавился от этого! От всего того, что засело у меня в голове. Чего только я им не наговорил... Но я рассказал им только то, что видел!.. Только и всего! Я старался не говорить им про Андре. Об этом я не могу говорить. Пусть это останется на моей совести, ради крошки Жака, который ни в чем не виноват, и ради тебя, дорогая...

А в это время, сидя у себя в комнате, Мутье говорил профессору Жалу:

— Дорогой друг, нам нельзя здесь оставаться. Этот несчастный, несомненно, очень интересный больной, но еще два таких сеанса, и нам придется сдать его в сумасшедший дом, если только мы не отправимся туда сами. К тому же наше присутствие нежелательно для хозяйки и нам следует по возможности избежать скандала. Лично я выхожу из игры. Скажу вам больше: у меня форменные угрызения совести... Подумайте также о том, что издание «Астральной медицины» требует нашего скорейшего возвращения в Париж.

— Хорошо, мы уедем, — задумчиво сказал Жалу, — но мне жаль уезжать. Дело становится интересным...

— Вы верите?.. Вы действительно верите, что он видел то, о чем нам рассказывал?..

— Но, дорогой мой, это как раз соответствует нашей системе...

— Это-то и кажется мне подозрительным...

— Послушайте, — фыркнул Жалу, — не воображаете же вы, что человек, вернувшийся из страны смерти, придумал весь свой рассказ исключительно для нашего с вами удовольствия?..

— О нет! Он ничего не придумал!.. Он вспомнил!..

— То, что видел, когда был мертвым...

— Нет, то, что он читал *до своей смерти!*..

Жалу вздрогнул.

— Если следовать вашим принципам, — воскликнул он, — мы не подвинемся вперед ни на йоту!

— Что делать, дорогой мой! Сомневаться — право науки и, поверьте, наши слова покажутся более вескими, если мы не станем скрывать нашу неуверенность... Во всяком случае — это прекрасный материал для целого номера «Астральной медицины».

— И для блестящей лекции, — прибавил Жалу. — Что ж, едем. Но как оставить этих больных без присмотра?

— Я отвечаю за Жака, — сказал Мутье, — но мы можем по дороге заехать в Жювизи и я пришло к нему оттуда знакомого доктора. Светает... Пора и укладываться!

Перед отъездом они написали госпоже де ла Боссьер прощальное письмо, выдержанное в весьма достойном тоне. В конце концов, не будь их здесь, Жак де ла Боссьер так и *остался бы мертвым*. Фанни велела шоферу, чуть свет, предоставить автомобиль в распоряжение медиков.

Когда машина подъезжала к Жювизи и оказалась не-п-далеку от маленького домика на берегу реки, Мутье велел остановиться. На опушке небольшой кленовой рощи он увидел тонкий силуэт Марты Сен-Фирмен. Казалось, она ожидала их и была уверена, что они проедут мимо.

— Кто это? — спросил Жалу.

— Та самая Марта, о которой я говорил вам... Марта, ви-

дящая призраков... Выходите!..

Оба подошли к ней. Она кивнула им головой и сказала без всякого волнения:

— Значит, вам в самом деле удалось оживить его? С тех пор я не видела Андре... и мне хотелось бы узнать новости!

Врачи переглянулись.

— Это правда, мы имели счастье спасти жизнь господину де ла Боссьеру. Но откуда вы знаете, что нам удалось оживить его?

— Андре сказал мне...

— Вы, значит, видели «привидение»?

— Да, спустя несколько минут после несчастного случая, при котором Андре присутствовал. Он сказал, что профессор Жалу и вы пытаетесь оживить мертвеца.

— Уверены ли вы, что вам сказал это именно Андре? — мягко спросил доктор Мутье. — Дитя мое, я уже говорил, что вам, учитывая состояние вашего здоровья, нужно остерегаться собственных ушей и глаз!.. Я лично думаю, что слух об операции дошел до вас... ну, хотя бы через прислугу... может быть, ваша старая служанка...

— Я с ней не разговариваю... я не разговариваю с мужем... я говорю только с Андре, когда Андре этого хочет... Он рассказал мне обо всем, обо всем, что видел и слышал... Он пришел ко мне, зная, что я его жду... Он рассказал, как вы, доктор Мутье, шепотом сказали доктору Жалу: «Если я окончу операцию в течение десяти минут, выйдет толк!». Это правда? Да или нет?..

Они переглянулись, остолбенев от удивления. Марта повернулась к ним спиной и медленными шагами направилась к маленькому домику на берегу реки.

В этот четверг (профессор Жалу читал свои лекции по четвергам) небольшая улица, на которую выходит величе-

ственный парадный подъезд «Высшей школы общественных наук», была с раннего утра запружена густой толпой студентов-медиков. Они беспрестанно обменивались грубыми шуточками по адресу *теории манифестации мертвых*, а также «*Философических и экспериментальных докладов о врачевании души*» Жалу.

— В «душу» мы не верим, — говорили они. Не верили они также в воскрешенного доктором Мутье мертвеца. Они были убеждены в том, что молодчик был еще жив, когда его начали резать. Стетоскоп ничего не доказывает.

— Существует лишь одно верное доказательство смерти, — говорили они, — и это — трупное окоченение!.. Ну, так вот! Этого окоченения не было налицо! Да его и не могло быть!.. Не могло — по той простой причине, что для успеха операции нужно, чтобы труп был еще теплым!

— В общем, — заключали они под дружный смех, лай и мяуканье всех присутствующих, — в общем, по способу Мутье можно воскресить только тех мертвецов, которые еще живы!..

Такое недружелюбное отношение студентов к модному лектору не было новостью. Нимфа Эгерия¹ профессора Жалу, прекрасная мадам де Битини, приняла со своей стороны все необходимые предосторожности. Она посетила администратора Школы и добилась того, что парадный вход остался закрытым.

Что касается ревностных слушательниц, так называемых жалузисток, то они будут предупреждены и попадут на лекцию через боковой вход.

Мадам де Битини предупредила также кое-кого из журналистов из числа друзей — светских хроникеров, оракулов благомыслящей части прессы.

Зато мелкие репортеры вкуче со студентами-медиками продолжали разглагольствовать на улице, пока наконец не

¹ В древнеримской мифологии — спутница и наставница царя Нумы Помпилия; имя стало нарицательным для обозначения мудрой женщины-покровительницы.

убедились в том, что прекрасные дамы в мехах и перьях, пышные ливреи и богатые выезды, появляющиеся обычно у подъезда Школы задолго до начала лекции модного профессора, на сей раз отсутствуют.

Студенты разбрелись по кафе и аудиториям, но репортеры решили проникнуть на лекцию во что бы то ни стало — и проникли, разумеется.

В то мгновение, когда они, наконец, достигли зала высокого собрания, профессор Жалу громогласно произносил следующие достопамятные слова:

— Милостивые государыни и милостивые государи, вы понимаете, конечно, что мы с доктором Мутье сами выдвинули те же возражения, что теперь исходят от разных научных листков. В самом деле, нам говорят, что единственным доказательством смерти являются трупное окоченение и разложение. Да, в данном случае этого не было. Но нуждаемся ли мы в подобном доказательстве? «Нет!» — отвечаю я... «Нет!» — отвечаю я и ссылаюсь при этом на доктора Тюффье и многих других, на всех тех, кто считает, что человек, у которого не бьется сердце, у которого нет кровообращения, действительно мертв! Безусловно, трупное окоченение на самом деле представляет собой не столько доказательство, сколько последствие *предшествующей* ему смерти. Милостивые государи и милостивые государыни, со стетоскопом в руке мы убедились в смерти этого человека — и здесь находится тот, кто вернул его к жизни!

С этими словами профессор Жалу сделал свойственный ему одному грациозный и убедительный жест рукой, указывая на стоявшего рядом с ним Мутье, который в свою очередь покраснел и стыдливо потупил глаза.

В ту же минуту все ревностные жалузистки, словно по сигналу, приветствовали главного редактора «Астральной медицины». Они кричали: «Браво! Браво!», помахивали перьями, кивали пышными султанами и яростно рукоплескали маленькими, затынутыми в перчатки ручками.

— Милостивые государыни и милостивые государи, — продолжал Жалу, отставив мизинец и помешивая ложечкой в стакане с подсахаренной водой, — чувство человек-

ности воспрепятствовало нам извлечь из данного случая все заключающиеся в нем практические уроки. Наш пациент побывал в стране мертвых. Что же он там увидал? Чтобы узнать это, нужно было добиться его ответа. Но ужас, который больной испытывал после подобного путешествия, и слабость его здоровья, происходящая от того, что рана еще не зарубцевалась — все это вместе взятое принуждало нас к осторожности.

Лишь по истечении нескольких дней мы получили, наконец, свидетельство о потустороннем мире, которое потрясло и меня, и моего коллегу.

Милостивые государыни и милостивые государи, не может быть сомнения в том, что обстоятельства заставляют нас быть очень осторожными в выводах, тем более, что этот опыт окончательно подтверждает некоторые теории, основанные до сих пор на гипотезах.

И однако, если мы обратим внимание на то, что пациент, о котором идет речь, был скептиком и светским человеком, что он к тому же был человеком образованным, коммерсантом, всегда смеялся над нашими трудами и называл нас «старыми дуралеями», а вас, милостивые государыни, «юными сумасбродками», если мы примем все это во внимание, не покажется ли нам разительной та перемена, которая произошла в этом человеке после операции, — нет! я должен сказать это, ибо таково мое глубокое убеждение, — после *смерти*.

Первое, что сказал нам воскрешенный, и эти слова долгое время не сходили с его уст, до такой степени он был потрясен ужасом смерти, первое, что он сказал нам, было: *«Я видел мертвых»*.

При этих словах трепет пробежал по залу. Восклидания, свидетельствующие о приятном испуге, то и дело срывались с прелестных уст. Такая значительная новость наполняла всех слушательниц истомой. Каждая из них чувствовала, что умирает и воскресает вновь от одного лишь сладостного голоса божественного профессора. Ах, ради него одного и в его обществе каждая из них согласилась бы посетить и небеса, и подземные страны. Вбирая в себя его ок-

ругленную и благолепную речь, они мысленно уже совершали прогулку по царству мертвых в ожидании часа воскресения.

— Да, милостивые государыни, — продолжал Жалу (он уже не упоминал «милостивых государей», ибо «милостивые государи», — охотники сомневаться и любят выказать себя скептиками: что пользы от них в день подобного торжества?) да, милостивые государыни, этот человек, прежде всего, дал нам трагическое описание долины, где он жил, и в том именно виде, в каком она представилась ему после смерти. Он лицезрел мертвых, которые невидимыми вереницами окружали со всех сторон живых; это были души неправедных, обреченные на пребывание среди любимых ими некогда предметов, но утратившие память, — души, отягченные узами плоти, так как их земная жизнь прошла в плотских побуждениях, души, неспособные возвыситься до высших духовных сфер, что покоятся в равновесии под стопами божественной красоты!

Окинув взором собрание, Жалу сразу почувствовал всю силу своего успеха. Подобно архангелу, он одним только словом возносил горé души своих прекрасных жертв. *«Высшие сферы, что покоятся в равновесии под стопами божественной красоты!»* Ах! Душечка!..

— Да, милостивые государыни, вот что нам, доктору Мутье и мне, удалось уловить в том потоке стонов, проклятий, жалоб и криков, что исходил из уст современного Лазаря, этого человека, которому было дано *увидеть и не забыть*.

Но, дорогие мои ученицы, мы не должны чрезмерно гордиться тем, что наконец получили доказательства существования потустороннего мира, вполне соответствующие тому описанию этого мира, что мы, еще в точности не знакомые с ним, осмелились изложить в нашей теории *Предчувствия, Предостережения и Испытания*. Мы должны построить наши понятия о мире невидимом, основываясь не только на измышлениях разума; они вытекают также из всех спиритических опытов наших знаменитых предшественников и откровений, полученных нами от духов через посредство медиумов! Ныне, после всего, что произошло и че-

му доктор Мутье и я были свидетелями, никто уже не вправе говорить о научных наблюдениях и фотографических снимках Крукса так, как если бы они были галлюцинациями или шарлатанством.

Милостивые государи и милостивые государыни, мертвые продолжают жить!

Мы с доктором Мутье не теряем надежды на то, что вы скоро услышите эти знаменательные слова из собственных уст нашего ожившего мертвеца. Это произойдет, когда он немного успокоится и станет более способен к общению с людьми. Когда мы видели его в последний раз, он пребывал в бешенстве и, смею вас уверить, не выказал ни малейшей благодарности за оказанную ему услугу. Но он светский человек; и я убежден, что наступит час, когда он вспомнит, чем обязан спиритической науке в целом и доктору Мутье с его астральной хирургией в частности!

В этом месте оратор сделал передышку, чтобы дать собранию поаплодировать. Маленькие, затянутые в перчатки ручки весело и нестройно зашлепали, а в самом конце залы некая старая дева, которую притиснули в угол, громогласно заявила, что пришла сюда не ради удовольствия и потребовала слова. Жалюзистки, оскорбленные подобным требованием, стали кричать, что это лекция, а не диспут, и попытались было выставить ее из залы, но старая девица с ожесточением отбивалась.

Даже модного профессора в конце концов встревожил этот необычайный шум, а доктор Мутье повысил голос и весьма строго спросил:

— Что там случилось?.. В чем дело?..

Тогда все услышали тоненький и визгливый, полный отчаяния голос старой девы, притиснутой в самый дальний угол:

— Это я, господин доктор!.. Я, мадемуазель Геллье!.. Я приехала из Ла-Розере. Я видела Марту, госпожу Сен-Фирмен. Мертвец появился снова!..

— Молчите! Говорят вам, молчите!..

— Нет! Нет! Я больше не могу молчать! Мертвец наконец заговорил! Оказывается, его убили!..

— Выгоните эту старую дуру, — распорядился возмущенный доктор Мутье. Он едва сдерживался, чтобы не броситься к ней и не задушить ее на месте.

Недоставало еще, чтобы эта идиотка начала рассказывать о своих вертящихся столах и привидениях. Это окончательно бросило бы тень на блестящую хирургическую операцию, которую ему и так приходилось оберегать от профессора Жалу и полета его фантазии.

Да, доктор Мутье был не совсем доволен рассказом своего коллеги об этом происшествии.

Он уже сказал профессору: «Умоляю вас, стройте какие угодно гипотезы, но только ничего не утверждайте... Операция достаточно интересна сама по себе и не требует, чтобы из нее делали специальные спиритические выводы. Пусть верующие спириты придут к надлежащим умозаключениям, а что касается неверующих, им во всяком случае придется *призадуматься*».

И вот ему не удалось помешать Жалу использовать этот случай и показать себя во всей красе со своим царством мертвых.

К счастью, Жалу ничего не говорил о *привидении*, которое присутствовало при операции и рассказало обо всем женщине, жившей на берегу реки!..

Только этого не хватало! Жалу верил в призраков, как в каменную стену! Подумайте только! Призрак повторил ей фразу, которую он, Мутье, сказал Жалу на ухо и *посторонние якобы не могли слышать!*.. Скажите на милость!.. Разве сама госпожа де ла Боссьер не могла услышать ее, а потом повторить? А прислуга, просто созданная для того, чтобы подслушивать у дверей?..

О, этот Жалу! Превосходный оратор, но только оратор! Никак не научный деятель!.. Нет!..

Мутье успокоился лишь после того, как сухопарую дылду Геллье удалили из зала. Теперь ему нечего было бояться, что ее фантастические бредни получат огласку. Он не заметил, что в ту минуту, когда старая дева с несколько нежелательной для нее поспешностью покидала зал, все репортеры срочно очистили предоставленную им скамью.

Глава XXIII

ДЕВИЦА ГЕЛЛЬЕ ДАЕТ СВЕДЕНИЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Самолюбие девицы Геллье было оскорблено; ее возбуждение требовало выхода. Репортеры догнали ее на улице и предоставили ей возможность излиться.

Она не скрыла от них ни одного из событий, потрясших ее жизнь, а возмущалась так сильно, что даже не обратила внимание, до чего ее разоблачения были приятны собеседникам.

— Ну так знайте, что *человек, возвратившийся из царства мертвых*, как они его называют — это Жак Мунда де ла Боссьер. Он родной брат того самого Андре де ла Боссьера, который исчез пять лет тому назад столь странным образом, бросив на произвол судьбы своих детей, замок Ла-Розере, квартиру в Париже и фабрику газовых горелок «Герон». Как вы помните, следствию так и не удалось раскрыть тайну его исчезновения и власти отказались от поисков. Но, рано или поздно, им придется взяться за это дело, потому что истина вопиет на всех перекрестках: Андре де ла Боссьер был убит!..

— Откуда вам это известно? — немедленно спросили репортеры. Ни одно слово девицы Геллье не пропало даром, каждое из них попадало в многочисленные записные книжки.

— Сам господин де ла Боссьер явился жене нотариуса из Жювизи, госпоже Сен-Фирмен, и объявил ей об этом!

— Объявил ей, что его убили?

— Ну да!..

— Быть не может!..

Услышав это неожиданное заявление, кое-кто фыркнул и позволил себе дурного тона шутку, но остальные немедленно зашикали, чтобы водворить порядок.

Тут-то девица Геллье и пустилась в рассказы о призраках, поскольку, по ее мнению, это было единственной темой, достойной внимания слушателей. Она, прежде всего, рассказала о том, какую важную роль играла во всех событиях последних лет, имевших место в замке Ла-Розере; она не скрыла от них фантастических происшествий, которые предшествовали ее уходу и послужили его причиной. За историей вертящегося стола последовала история поразительных видений госпожи Сен-Фирмен, ее обмороков, история привидения, рассказанная самой госпожой Сен-Фирмен и, наконец, прогулки упомянутого привидения по замку.

Если верить ее словам, призрак являлся всем желающим в коридорах замка и рассказывал о преступлении, жертвой которого стал.

Более того. Он спас от отравления газом младшего из детей, он открыл окно и перенес спящего ребенка в постель госпожи де ла Боссьер; на следующую же ночь, за несколько минут до «несчастливого случая», а следовательно, и до знаменитой операции, призрак Андре явился крошке Франсуа, и тот при виде его закричал таким страшным голосом, что разбудил всех обитателей замка!

Никогда еще репортеры так не веселились, как во время этого интервью.

— В общем, — заметил молодой Дарбуа из «Эксцельсиора», — в этом замке все поголовно возвращаются из царства мертвых. Замок этот самой судьбой предназначен для операции доктора Мутье. Но вы-то сами, мадемуазель, присутствовали при операции?..

— Нет, сударь, меня выставили за дверь. Я успела видеть труп господина де ла Боссьера, но я не видела его *после того, как он ожил*. Меня «поблагодарили» заранее, и я уже не служила в этом доме.

— А по какой причине?

— Потому что меня очень взволновали появления Андре де ла Боссьера и его встречи с госпожой Сен-Фирмен, и я предложила детям сесть вместе со мной за стол, чтобы вызвать дух их отца и спросить у него, при каких обстоятельствах он умер. Когда госпожа де ла Боссьер узнала об этом,

она назвала меня сумасшедшей старухой!

— Это с ее стороны совершенно непростительно, — заявил молодой Дарбуа из «Эксцельсиора».

— Непростительно? Это преступно! Я действовала в данном случае не из ложно понятого любопытства; мной руководило пламенное желание узнать истину!

— Не может быть сомнения, — продолжала она тоном, не допускающим возражений, — что состояние *медиумичности*, в котором продолжает пребывать госпожа Сен-Фирмен, притягивает дух покойного к этой местности, к замку и прилегающим местам. Что же удивительного, если человек верующий, подобно мне, — а я человек верующий и не скрываю этого, и уже много лет принадлежу к последователям Аллана Кардека¹, — что же удивительного в том, что я пыталась с помощью детей покойного заставить говорить его дух?

Меня изгнали; но я знаю все, что случилось в замке с тех пор. Я прочла первый номер «Астральной медицины»; я явилась на лекцию профессора Жалу. Почему же эти господа не пожелали выслушать меня? Ведь я говорила очень простые вещи: «Если вы вернули Жака де ла Боссьера из царства мертвых, допросите его о смерти брата, это ваш долг!». *Он должен был встретиться со своим братом!* Зачем ему скрывать от нас то, что сказал ему брат? В конце концов, господа, мы не можем на этом успокоиться! Правосудие должно снова заняться этим делом. Пусть произведут следствие! Пусть допросят покойника. Пусть допросят госпожу Сен-Фирмен. Ведь были же случаи, когда судьи допрашивали сомнамбул и ясновидящих, и результаты были не так уж плохи!..

Девушка Геллье еще долго продолжала бы в том же духе, но внезапно заметила, что ее слушатели испарились.

Репортеры гурьбой поспешили на поезд в Жювизи.

¹ А. Кардек (И. Ривай, 1804-1869) — французский педагог, философ, исследователь психических явлений, основатель современного спиритизма.

Глава XXIV

ПРИСУТСТВИЕ ДУХА! ПРИСУТСТВИЕ ДУХА!

Хорошая вышла пожива для репортеров: настоящее исчезновение, вероятность преступления, замок с привидениями, дама с призраком, сногшибательная операция, ребенок, который видит тень покойного отца, человек, вернувшийся из царства мертвых, учительница, занимающаяся столоверчением — и все это в самом шикарном свете, да еще вдобавок сегодняшний скандал на лекции профессора Жалу!

Веселая ватага высадилась на станции Жювизи и, наняв экипажи, направилась в замок Ла-Розере.

Но здесь репортеры наткнулись на закрытые ворота и безжалостного привратника.

Госпожа де ла Боссьер приняла меры предосторожности; она уже была начеку вследствие появления нескромных статей в местных газетах и благодаря любопытству некоторых лиц из местной гуляющей публики, которые в прошлое воскресенье не замедлили посетить парк в надежде встретить «человека, который вернулся из царства мертвых».

После безуспешных переговоров с привратником, репортеры отправились в ближайший поселок с целью проинтервьюировать крестьян из числа поставщиков замка. Они желали также получить указания относительно домика на берегу, где живет «жена нотариуса», испытывающая видения.

Они не собирались возвращаться в Париж с пустыми руками.

Что же касается молодого Дарбуа из «Эксцельсиора», то он сбежал по-английски от всей «музыки», а именно от шумной стаи собратьев, обошел парк, перелез через стену, прокрался между изгородями, скрылся от садовника во рву, выбрался оттуда в сумерках, прошел через башню Изабеллы, пробежал наудачу по нескольким коридорам и внезап-

но очутился в какой-то комнате лицом к лицу с госпожой де ла Боссьер. При виде его она громко вскрикнула.

— О, сударыня, — сказал молодой Дарбуа, кланяясь самым изысканным поклоном, — клянусь вам, что я не привидение. Я просто Дарбуа из «Эксцельсиора», и я почтительнейше прошу у вас извинения за то, что предлагаю вам свои услуги столь развязным образом.

Фанни смерила его глазами с ног до головы.

— Я сказала слугам, что для журналистов меня нет дома, — заявила она сухо. Она чувствовала, что поступает неловко, но спокойная наглость, с которой этот юный нахал проник в ее комнату, выводила ее из себя.

— Вы были правы, сударыня, — продолжал юный нахал, нисколько не смущаясь. — Если бы вы не приняли эти предосторожности, сюда вломились бы пятьдесят человек, а пятьдесят человек, разумеется, испортили бы дело. Но теперь, когда нас только двое и мы разговариваем с глазу на глаз, мы сумеем договориться о таком интервью, которое все прояснит и положит конец нелепым слухам...

— Сударь, о каких нелепых слухах вы говорите? Уверяю вас, что я не понимаю ваших слов и мне нечего вам сказать!

— Сударыня, я только что с лекции профессора Жалу. На этой лекции, осмелюсь вам сообщить, говорились совершенно абсурдные вещи, но вам следует опровергнуть их немедленно, если вы не хотите, чтобы о них заговорила пресса всего мира. Дело таково, сударыня, что если вы не обратите на него внимание, оно получит громкую огласку...

Тогда она сразу поняла, что вопрос действительно серьезен, и решила по возможности использовать молодого репортера.

— Вот как! Жалу рассказал... Он обещал мне, что будет молчать, — вскричала она. — Он шарлатан и фокусник! Ну хорошо, в таком случае и я буду говорить... Садитесь, сударь, я хочу покончить с этим раз и навсегда!..

— Сударыня, я человек честный, — заметил молодой Дарбуа, — и это заставляет меня сказать вам, что, хотя профессор Жалу в своей лекции и упомянул о сопровождав-

ших некую операцию странных обстоятельствах, он не назвал никаких имен, ни одного имени!..

— Как же вы попали сюда?..

— На лекции присутствовала некая девица Геллье. Она стала скандалить и ее вывели из зала. После этого, будучи в состоянии понятного раздражения, она принялась трепать языком...

Такого госпожа де ла Боссьер не ожидала. Ей, видимо, придется отбиваться сразу на всех фронтах, бороться со всеми!.. Но она не отчаялась и сделала выпад:

— Наемная прислуга, которую я рассчитала... И вы, сударь, не брезгуете подобными сведениями!.. Что же она вам сказала? Расскажите мне все подробно!..

Дарбуа охотно стал рассказывать. Фанни внимательно слушала. Когда он, наконец, окончил свой рассказ, она сказала:

— Это все?..

— Все!..

— Ну, а Жалу? Что же он говорил в своей лекции, этот великий Жалу?

— Сударыня, он поведал нам, что пациент по возвращении из царства мертвых подробно рассказал ему обо всем, что там делается!..

— А доктор Мутье?

— Сударыня, он ничего не говорил, но в «Астральной медицине» напечатана его статья.

— Благодарю вас, я ее читала. Ну, а вы сами, господин газетчик? Что вы обо всем этом думаете?

— Сударыня, я пришел сюда, чтобы задать вам тот же вопрос.

— Разумеется. Но будь вы на моем месте... что бы вы ответили?..

Маленький Дарбуа посмотрел на эту красивую разъяренную женщину и сказал вежливо, подыскивая слова, которые могли бы ей понравиться:

— Я полагаю, что ответил бы себе самому: все это бредни!..

— Сударь, вы попали в точку, все это бредни!.. Это профессорские бредни!.. Это бредни полоумной... Это бредни

старой девы, которая занимается тем, что вызывает мертвых, потому что живые не желают с нею разговаривать! Но знаете, что я скажу вам, сударь? Если слушать их слишком долго, они и всех нас сведут с ума. Бывали минуты, когда я хваталась за голову и лишь твердила себе: «Присутствие духа! Необходимо присутствие духа!» Да, сударь, если бы я не сохранила хладнокровие, мы все давно оказались бы в сумасшедшем доме, клянусь вам!

К счастью, мне удалось одержать победу и я выгнала отсюда всех тех, кто говорил о привидениях, кто призывал их и думал о них. Одним махом мы избавились от призрака!.. По крайней мере, он перестал здесь появляться, а с меня этого достаточно!..

Я очистила дом, сударь, я выставила за дверь всех сумасшедших, и призрак оставил нас в покое... Мой муж поправляется под наблюдением доброго старого сельского врача; доктор сам здоров душой и телом и ничего не рассказывает мужу, кроме смешных анекдотов! Когда муж сказал ему, что был мертв, этот добряк расхохотался и так долго хохотал, что муж стал смеяться вместе с ним. У всех нас чуть животы не заболели от смеха! Да, сударь! А когда дошло до рассказа о мертвых, *наполняющих долину*, которых будто бы видел мой муж... это было лучше всего!.. Доктор сразу заявил: «Не может быть! Не может быть, чтобы вы придумали это сами! Это буквальное заимствование! Вы это, наверное, где-нибудь прочитали!» И он стал искать в библиотеке, в письменном столе... Он обыскал комнату, которую занимал мой муж до несчастного случая, и в конце концов нашел с полдюжины спиритических книжек, в которых выпреним библейским стилем подробно говорилось обо всех псевдонаучных выдумках Жалу, Мутье, Крукса и прочей компании.

Вот до чего дошел мой муж! Под впечатлением сверхъестественных рассказов доктора Мутье, он поддался подобным сказкам, раздобыл книги и тайком зачитывался ими. Нужно ли удивляться, что после тяжелой операции, находясь в обществе ученого, злоупотреблявшего его слабостью и стремившегося заставить его говорить, он поддался на всю

ту чепуху, которую мы позже нашли в печатном виде в его собственном ночном столике! Но теперь с этим покончено! Муж мой здоров умом и телом... Нужно только сохранять присутствие духа, сударь!.. только присутствие духа!

Глава XXV

ФАННИ НЕ РАЗЛУЧАЕТСЯ С ЮНЫМ ЖУРНАЛИСТОМ

Госпожа де ла Боссьер говорила с такой верой в свои слова, что ее приятно было слушать, и юный журналист, делая все время заметки в записной книжке, с восторгом любовался физическим и духовным здоровьем хозяйки дома. Он подчеркнул вечным пером слова «женщина с головой на плечах», улыбнулся и сказал ей:

— Сударыня, все ясно. Все здравомыслящие люди будут на вашей стороне. А остальные окажутся в положении дураков. Не угодно ли вам будет теперь сказать мне несколько слов по поводу самого главного вопроса, того, что мог бы объяснить все события последних дней: я подразумеваю столь длительное отсутствие Андре де ла Боссьера. Что вы думаете об этом, сударыня?

— Думаю, что отсутствие это ненормально и наводит на всяческие опасения, так что мой муж первым был им чрезвычайно взволнован и обратился в сыскную полицию. Но расследование это не дало, к сожалению, никаких результатов, и мы до сих пор продолжаем ждать, не случится ли что-либо, что даст бы нам какую-нибудь нить в наших поисках и выведет нас из состояния, близкого к отчаянию. Мой муж обожал своего брата...

— Не полагаете ли вы, что Андре де ла Боссьера убили?

— Это возможно, если принять во внимание, сколько времени у нас нет от него известий.

— Должен вам объяснить, сударыня, почему я задал вам этот вопрос. Из всей дурацкой истории с призраками, которую мы услышали от девицы Геллье, у меня в памяти осталось только одно — *сомнамбулическое состояние некоей госпожи Сен-Фирмен...*

Не следует забывать, сударыня, что в наше время суд

пользуется услугами сомнамбул. Вспомните дело Кадиу¹: убитого удалось найти с помощью сомнамбулы. Я, разумеется, не верю в привидения, но в наши дни мы должны считаться с внушением, с магнетическим и сомнамбулическим состоянием свидетелей и с целым рядом других обстоятельств, которые в былые времена вызывали смех или нагоняли страх, а в наши дни наводят на размышления! Суд больше не боится видеть в ясновидении могучее средство, каким его считает изучающая это явление наука. Если госпожа Сен-Фирмен в самом деле ясновидящая, как про нее говорят, нельзя пренебрегать ее свидетельскими показаниями, и я сам не премину, сударыня, выйдя от вас, посетить ее.

— Но это сумасшедшая!..

— Простите меня, сударыня, я не знаю госпожу Сен-Фирмен...

— Послушайте, — начала госпожа де ла Боссьер, пытаюсь подавить клокотавшую в ней злобу, которая охватила ее при словах нескромного репортера. — Когда вы познакомитесь с госпожой Сен-Фирмен, вы увидите, что ее слова имеют так же мало значения, как слова девицы Геллье!.. Они обе сумасшедшие, вот и все!.. Состояние здоровья госпожи Сен-Фирмен вызывает опасения, и она часто бредит! Сам доктор Мутье смеялся над ее видениями и доказывал их бессмысленность. Он говорил, что она воображает, будто ночью видит то, о чем ее больной мозг не перестает думать в течение дня! Ведь она видит — и она, разумеется, первым делом вам об этом расскажет, — она видит труп моего несчастного деверя, спрятанный в сундук!

— О! Чрезвычайно интересно! — прервал ее юный Дарбуа. — Сомнамбулы всегда были очень чутки к мертвецам, скрытым в сундуках.

¹ Так и оставшееся нераскрытым дело об убийстве фабриканта Луи Кадиу близ Ландерно в декабре 1913 г. В деле действительно фигурировала ясновидящая, которая указала, что тело убитого было спрятано в лесу за фабрикой под тонким слоем земли.

— А знаете, почему это так, сударь? Да потому, что доктор Мутье, который выступал экспертом во время процесса Эйро и Габриэль Боннар, много раз рассказывал в присутствии этой малютки (госпожа Сен-Фирмен почти девочка) историю сундука Гуффе!

— Сударыня, с вашего разрешения, не видеv и не выслушав саму госпожу Сен-Фирмен, я не могу принять столь... столь категорические утверждения!.. Вы заговорили о сундуке, где находилось тело несчастного судебного исполнителя Гуффе; но я невольно вспоминаю, что именно сомнамбула, настоящая сомнамбула, госпожа Оффингер, указала местоположение этого сундука, о чем поведал мой друг Эдмон ле Рой, милейший редактор «Журналь». После исчезновения исполнителя, которое наделало столько шума, один из моих коллег припомнил, что мадам Оффингер не раз оказывала крайне полезные услуги по розыску пропавших предметов и спрятанных трупов, и решил обратиться к этой даме.

Здесь молодой репортер спохватился, что уже поздно, и прервал рассказ.

— Простите, мадам, я здесь не для того, чтобы рассказывать вам истории. Ваше время драгоценно, как и мое. Разрешите мне откланяться, сударыня...

Госпожа де ла Боссьер удержала его. Ей внезапно захотелось, чтобы журналист пояснил ей, каким образом сомнамбуле удалось навести полицию на след трупа. В свое время, когда доктор Мутье рассказывал ей об этом, она почти не слушала. Она попросила репортера продолжать.

— Мой коллега, — с улыбкой выпрямился молодой Дарбуа, — взял перчатку и галстук, принадлежавшие судебному исполнителю, и дал эти предметы мадам Оффингер. Последняя, введенная в магнетическое состояние своим сыном, заявила, что Гуффе заманили в ловушку и убили в Париже, неподалеку от Мадлен. Затем тело положили в объемистый сундук и перевезли в провинцию, в окрестности большого гарнизонного города. Тело, сказала она, будет найдено 23-го августа. Это было 12-го августа. На следующий день в газете появилась статья журналиста, а вскоре тело

было обнаружено близ Мильери, под Лионом.

Тело, однако, было сильно разложившимся, и никто не мог определить, Гуффе ли это. Вмешательство мадам Оффингер вновь оказалось решающим. Мадам Ландри и мадемуазель Гуффе, сестра и старшая дочь жертвы, принесли ей головной убор покойного. В сомнамбулическом состоянии мадам Оффингер вспомнила, что с ней уже консультировались по этому вопросу, а затем официально заявила, что тело из Мильери является трупом Гуффе. У Гуффе, сказала она, отсутствовал третий коренной зуб справа, и тот же зуб должен отсутствовать у трупа. Так и оказалось.

Но магнетическое расследование мадам Оффингер этим не ограничилось. Задолго до того, как об этом написали газеты, она сообщила, что Гуффе плохо видел одним глазом и страдал болезнью сустава, вызывавшей некоторую хромоту. Наконец, она объявила, что виновные отправились в Америку и будут арестованы в течение трех месяцев после консультации.

Все это подтвердилось, сударыня, — сказал репортер, вставая. — Вы должны понимать, что если мне удастся добиться успеха с госпожой Сен-Фирмен, как моему коллеге с мадам Оффингер, мы все будем в выигрыше: вы узнаете, что случилось с вашим деверем, а я обеспечу свой журнал отличным материалом. Благодарю вас за вашу любезность, сударыня....

— Вы даже не знаете, как пройти к дому госпожи Сен-Фирмен... Я сама покажу вам дорогу...

— Сударыня... право, не знаю, как и благодарить вас!..

Госпожа де ла Боссьер позвонила, приказала подать пальто и шляпу и отправилась вместе с молодым человеком.

— Мы пойдем пешком, — сказала она, — это совсем близко.

Журналист не знал, что и думать. Фанни, несмотря на волнение, овладевшее ею вследствие непредвиденных задержек этого чертова журналиста, заметила его удивление. Она сообразила, что ей необходимо объяснить свое поведение, и сразу же сказала ему:

— Видите ли, я устала от всех этих историй. Говоря

между нами, я буду очень рада, когда вы сами убедитесь, что выдумки госпожи Сен-Фирмен совершенно того же порядка, что и бредни девицы Геллье. Когда вы увидите ее, когда вы удостоверитесь, что все ее слова — это бред больного воображения, вы напишете об этом, и тогда, будем надеяться, никто больше не станет говорить о призраках и видениях Ла-Розере... Вы рассказали мне о замечательных открытиях настоящей сомнамбулы. Вы молоды и впечатлительны, и ваше дело, верить во все это или не верить. Лично я не верю, тем более что госпожа Сен-Фирмен не сомнамбула... Повторяю вам, она больна, и но ночам ее помутившийся разум мучают бредовые видения!..

О! если бы она могла отправить к черту этого юного репортера вместе со всеми призраками, интервьюировать которых он явился!.. Но вместо этого она сопровождала его... стала его проводницей! Она была уверена, что Дарбуа сумеет проникнуть к Марте, как пробрался к ней; госпожа де ла Боссьер желала присутствовать при их беседе и, по правде сказать, действительно имела для этого все основания!

Хотя она и утверждала, что не верит в сомнамбулизм, она прекрасно знала, что напрасно была столь категорична в своих высказываниях. Рассказ о мадам Оффингер глупо взволновал ее, и она не могла без содрогания думать о странных совпадениях в откровениях и видениях госпожи Сен-Фирмен... *Автомобиль!.. Сундук!..*

Когда они добрались до домика на берегу реки, она с удивлением увидела, что окна гостиной освещены, передняя дверь открыта, а на пороге стоит старая служанка и громко причитает. Немного поодаль в темноте вырисовывались экипажи. Узнав госпожу де ла Боссьер, служанка тотчас сказала ей:

— О! сударыня... вы не видели хозяина? Поскорее бы он вернулся... Их здесь человек двадцать, и они все пристают с расспросами к бедной госпоже!.. Они все журналисты из Парижа, и они задают ей целую кучу вопросов...

— Черт побери! — воскликнул юный Дарбуа, — я пропал!.. Сударыня, прежде всего — не говорите им, кто вы такая,

иначе они заставят вас рассказать все, а вы потом не узнаете собственные слова! Давно они здесь?..

— Минут десять! Я не хотела их пускать, но они проشمыгнули у меня перед носом!.. А один из них даже поцеловал меня!.. Такие нахалы!..

Фанни, узнав, что человек двадцать журналистов проникли к Марте, пришла почти в такое же отчаяние, как и юный Дарбуа, но только по другой причине. Она последовала за репортером, который вошел в гостиную, проформы ради постучавшись в дверь.

Здесь они нашли журналистов, которые стоя и сидя записывали, как школьники, слова Марты. Та стояла у камина и спокойным голосом диктовала им нижеследующее:

— Напишите, что девица Геллье посещала меня, когда я была совсем больна и очень слаба, и что в то время я была целиком во власти тяжелого бреда, который не отпускал мой разум в течение нескольких месяцев вследствие слабости моего здоровья. Если бы она посетила меня теперь, она нашла бы меня намного более спокойной и убедилась бы, что я не придаю никакого значения болезненным проявлениям своей фантазии. Но девица Геллье, которой я напрасно, считая ее другом, поверила свои страдания, больна куда серьезней, чем я! Она склонна повсюду видеть сверхъестественное и, вероятно, соответствующим образом исказила мои слова... У меня могли быть видения... то, что она называет видениями... но я сама всегда считала их только бредом...

— Простите, сударыня, — прервал ее юный Дарбуа, — разве вы не говорили, что труп Андре де ла Боссьера находится в сундуке?..

Марту, казалось, несколько удивил неожиданный вопрос; но она почти сразу ответила:

— Я сказала и это, как могла сказать многое другое... Незадолго до того был найден труп в сундуке, и об этом много писали в газетах... Доктор Мутье рассказывал нам про сундук Гуффе. Это произвело большое впечатление на мой рассудок... Поверьте, сударь, — все это не имеет ровно никакого значения, и я сама смеюсь над этими бреднями... Вот

и все... Я не могу ничего больше вам рассказать... Я немного утомлена... Если разрешите, я уйду...

— Не раньше, чем мы выразим вам нашу признательность, сударыня, — начал было расшаркиваться один из журналистов. Другой дернул его за рукав:

— Скорей!.. Не то мы опоздаем на поезд...

И в мгновение ока гостиная опустела. Исчез даже юный Дарбуа, наскоро попрощавшись с госпожой де ла Боссьер.

— Вот видите! — сказала ему Фанни, — что я вам говорила?.. Теперь она сама признает...

— Да! да!.. все это так...

— Во всей этой истории повинна одна сумасшедшая, и эта сумасшедшая, — девица Геллье!.. Так и напишите!..

— Разумеется!..

И он убежал, оставив ее с глазу на глаз с госпожой Сен-Фирмен. Фанни побледнела от радости.

Глава XXVI

РАДОСТЬ ФАННИ ДЛИТСЯ НЕДОЛГО

Госпожа де ла Боссьер двинулась было к госпоже Сен-Фирмен, протянув к ней обе руки, но жест ее пропал даром — Марта не заметила его или притворилась, что не заметила. У нее был совершенно мертвенный взгляд, а в глазах ее, казалось, не отражался ни один из окружающих ее предметов. Какие неведомые нам края видели ее глаза? Кто мог бы ответить на этот вопрос?

— Она снова впала в экстаз! — подумала Фанни. — Слава Богу, что это не случилось при журналистах! А я еще собиралась поздравить ее с тем, что она вела себя так разумно!..

Она уселась на стул, твердо решив ждать, пока госпожа Сен-Фирмен ее наконец не заметит. Но, подняв случайно глаза, Фанни вдруг заметила остановившийся теперь на ней взгляд Марты, необычайно суровый и пристальный.

Ей показалось, что ее резко кто-то толкнул, и впечатление это было таким неприятным, что она заерзала на стуле.

— Почему вы так смотрите на меня?.. — выдавила она.

Марта помедлила, словно не сразу поняла вопрос.

Затем ее губы зашевелились, и несколько слов, которые она произнесла, заставили госпожу де ла Боссьер вскочить со своего места в неопишемом смятении.

— Почему я так смотрю на вас?.. *Потому, что это вы во всем виноваты!.. Потому, что он убил ради вас!..* Андре все рассказал мне шесть дней назад, когда я в последний раз видела его. Он не хочет, чтобы я продолжала подозревать мужа... В Жаке де ла Боссьере течет кровь Каина!.. Но вы направили его руку... Уходите!.. Уходите!.. Уходите же!.. О! только бы ничего не случилось с детьми!.. Я видела девицу Геллье!..

Услышав это имя, Фанни немного оправилась.

— Это она нашептала вам все эти ужасные вещи! Она хочет отомстить мне за то, что я прогнала ее... О! Марта! Марта! Придите в себя! опомнитесь! Как можете вы так говорить о нас! Ведь вы всегда находили в нас друзей, преданных друзей. Подумайте, что случилось бы, услышь кто-нибудь все эти жуткие обвинения!.. Какой ужас!..

И Фанни опустила на ближайшее кресло и закрыла лицо руками, словно ее охватило самое подлинное и самое искреннее отчаяние!..

Но госпожу Сен-Фирмен все это нисколько не тронуло. Она подошла к Фанни невесомой походкой призрака и положила ей на плечо свою прозрачную руку.

— Успокойтесь, — сказала она, — об этом никто не узнает. Я ничего не говорила девице Геллье и она тоже ничего не знает... Но вы должны вернуть ее на прежнее место, рядом с детьми... Такова воля покойного!.. Вы видели, как разумно я говорила с журналистами... *Покойник не хочет, чтобы кто-нибудь узнал!.. Ради детей!..* Андре скоро даст нам знать, какова его последняя воля... Он достаточно страдал даже после смерти и вскоре освободится от земли, где пребывал закованным его призраком... и тогда я больше его не увижу!.. По меньшей мере, здесь, на земле!.. Уходите, сударыня!.. Я передала вам его волю... Я жду его сегодня ночью... Подумайте, я не видела его целых шесть дней!.. И если он узнает, что вы здесь, он уж точно не придет!...

Фанни взглянула на нее. О, если бы она только посмела, с каким наслаждением она стиснула бы своими судорожно сведенными пальцами эту хрупкую шею! Долго сжимать не пришлось бы... последний вздох отлетел бы быстро... слабый вздох... И все было бы кончено!.. И никогда больше этот бледный рот не произносил бы ужасные слова...

Какими только бреднями не набиты бедные головы Марты и барышни Геллье!.. Что только они не выдумали!.. и как смеялась бы над ними Фанни, *не будь то, что они выдумали, самой настоящей правдой!..*

Госпожа де ла Боссьер прижала к своим красивым ресницам тонкий батистовый платочек.

— Дорогая Марта, мне так жаль вас... так жаль.. Вы так

больны... вам теперь хуже, чем прежде... Я заеду к вам завтра!..

— Не к чему!.. Я не хочу вас видеть, разве что это будет действительно необходимо либо покойный мне прикажет!.. К тому же, я чувствую, что вы ненавидите меня!.. И я, я тоже ненавижу вас, хотя это нехорошо... но я не в силах забыть, что Жак убил Андре ради вас!.. Не пытайтесь отрицать!.. Андре сам сказал мне... вам хотелось сделаться хозяйкой Ла-Розере...

— Вы сами хотели стать ею, и когда вам это не удалось, вы сошли с ума!.. —воскликнула Фанни.

Она повернулась, желая увидеть, какое впечатление произвела ее выходка, но перед ней была все та же бесплотная фигура, чьи глаза смотрели только внутрь собственной души...

— Андре знает, что я думала только о нем, — произнес слабый и задумчивый голос...

Произнося эти слова, она, казалось, в самом деле видела Андре... и голос ее вдруг стал особенно нежен и как-то скорбен, когда она добавила фразу, как удар молнии поразившую Фанни:

— *О! сударыня, зачем он убил его на перекрестке Ла-Френе?*

Глава XXVII

НА ПРЕДЕЛЕ

Слегка приоткрыв дверцу шкафа, Жак поставил в него заряженное ружье, потом запер шкаф и спрятал ключ в карман.

Теперь он был уверен, что никто не украдет у него ружье, и знал, где искать его, если в нем случится нужда. Кроме того, он уже несколько дней усердно запирает за собой двери, и его карманы оттопыривались от лежавших в них ключей.

Он думал, что поступает вполне разумно, принимая во внимание его душевное состояние — так ему было легче не поддаваться страху с наступлением темноты.

Он держался настороже, другими словами, не позволял себе пугаться при стуке упавшего стула или при виде колеблемой ветром занавески.

Самые что ни на есть земные заботы и советы добродушного доктора из Жювизи принесли ему большую пользу и, если он не убедился окончательно в том, что не умирает, то, во всяком случае, склонен был верить, что приключившееся с ним не было столь необычным, как полагали Жалу и Мутье. Он попросту вернулся к жизни, не лишаясь ее, причем все случившееся с ним раньше было только дурным сном.

Тем не менее, всегда бывает полезно заранее принять меры предосторожности; пользуясь новообретенным душевным равновесием, он старался оградить свою душу от возможных опасностей.

Он принял эти меры на случай, если привидения, которых он видел, когда был мертв, захотят вдруг явиться ему при жизни, дабы доказать, что они не являлись лишь вымышленными образами.

И лучше всего ему удалось защититься от одного привидения, больше всего пугавшего его!

Жак не переставал думать о нем, даже когда чувствовал, что его нет поблизости... Но он перехитрил его! да! да! он поймал его!..

Это случилось однажды вечером... да! да! шесть дней назад... в первый раз, когда он поднялся с постели после того случая... Врач из Жювизи заявил, что все идет превосходнейшим образом и что Жак сможет прожить до ста лет! (Доктор сказал это вполне серьезно, но поставил одно условие — Жак должен раз и навсегда изгнать всех призраков из своей головы, ибо в противном случае привидения утащат его к себе, и на сей раз бесповоротно, он умрет и уже никогда не вернется к жизни!.. И Жак обещал, что будет слушаться и *не станет выдумывать глупости!*) Итак, в тот вечер, шесть дней назад, его отвезли в кресле — он был еще очень слаб — в гардеробную Фанни.

Его оставили одного в этой небольшой комнате и сейчас же позабыли о нем, так как в доме происходила большая уборка.

Через эту комнату необходимо было пройти, чтобы попасть в детскую, и в ней произошел достопамятный «несчастный случай».

Здесь он искал в ящике стола револьвер в тот самый вечер, когда его слух поразило позвякивание цепей. Увидев снова эту комнату, этот стол, Жак, разумеется, вспомнил все, что *привиделось ему за мгновение до несчастного случая...* вспомнил, как перед ним внезапно предстал призрак с револьвером в руке и выстрелил в него!.. К чему было выдумывать это, если все объяснялось простой случайностью? Почему ему повсюду мерещится этот призрак? И Жак мысленно ответил себе: *потому что он видел его!.. видел собственными глазами!..*

Галлюцинация?.. Быть может... Но теперь, когда его лечил добрейший и такой положительный врач из Жювизи, он не мог, не должен был думать, что видел что-либо и что это была не галлюцинация!..

И все же эти галлюцинации были столь же ужасны, как действительность! А принимая во внимание, что галлюцинации эти, сверх всего остального, могли убить человека,

Жак задал себе вопрос, способны ли настоящие привидения на что-либо большее!..

В то самое мгновение, когда он задался этим вопросом... *он почувствовал, что привидение вернулось!..*

Да! да! ошибиться было невозможно... призрак стоял у него за спиной... почти склонился над его креслом...

Жак видел в зеркале его бледное и прозрачное отражение...

Но он не сделал ни малейшего движения, и призрак, по видимому, не подозревал, что Жак заметил его!..

Это был Андре, и на его виске зияла все та же невыносимая рана!..

О! Случись это в другое время, как бы вскочил Жак! какой шум он бы поднял!.. Но, наученный опытом, он научился также скрывать свой страх и оценивать свои поступки...

Призрак мог оказаться только галлюцинацией... этого не следовало забывать!.. Благодаря этой вполне разумной мысли Жаку нашел в себе силы тайком следить за призраком, не выдавая себя, и хитрить с ним!..

Жак твердо решил на сей раз избавиться от призрака.

Будь то привидение или галлюцинация, он решил попытаться попросту запереть его в этих четырех стенах....

Андре все еще опирался о спинку кресла и не двигался с места, и Жак тоже оставался неподвижен в своем кресле... Он делал вид, что погружен в чтение журнала, лежавшего у него на коленях.

Стоявшая на столе в подсвечнике одинокая свеча освещала эту немую сцену.

Жак продолжал обдумывать: дверь позади призрака была закрыта и вела в комнату, которую в это время убирали. Ключ находился в замке, но с другой стороны, в той комнате... Итак, первым делом нужно будет броситься в ту комнату и дважды повернуть этот ключ в замке!.. Самое главное — выбежать отсюда через дверь, ведущую в детскую, выбежать так быстро, что захваченный врасплох призрак не успеет пошевелиться!..

Если он выполнит этот план, он в два прыжка окажется за дверью комнаты... за этой приоткрытой дверью... А когда он будет за дверью, он захлопнет ее перед самым носом призрака... и дух Андре будет навсегда заключен здесь... и никогда больше его не потревожит!..

А гардеробная Фанни?.. Отныне она будет залятой комнатой, куда не войдет ни один человек... что же до платьев, — Фанни закажет себе другие...

Хорошенько взвесив все это, Жак решил, что выполнить затею будет совсем нетрудно...

Лишь бы у него хватил сил, вот и все!..

И вот, в тот миг, когда призрак решил, что он совсем заснул над журналом (Жак сидел с закрытыми глазами)... он внезапно вскочил, мгновенно выбежал из комнаты, и хлоп! дверь закрылась за ним!..

Поворот ключа... Жак блаженно вздохнул полной грудью... у него выросли крылья... Он бросился в коридор, пробежал в соседнюю комнату, бросился к двери гардеробной и дважды повернул ключ в замке!.. На этот раз он победил!.. Привидение здорово влипло!.. попало в западню!.. и никогда не освободится!..

Тем временем, слуги окружили Жака, который весело смеялся в ответ на их расспросы... Подросла и Фанни, сразу же отослала из комнаты всех любопытных, и Жак в нескольких ясных и восторженных словах рассказал ей все...

Сказать по правде, Фанни была слишком серьезна для своих лет!.. Фанни не смеялась, хотя он осторожности ради сказал ей: «Я наконец избавился от него! Кто бы он ни был — *призрак или галлюцинация!*..» Тем не менее, Фанни обещала ему не открывать двери в гардеробную, а он взамен пообещал ей, что у него никогда больше не будет никаких галлюцинаций!.. И он сдержал слово!..

В последние шесть дней Жак не видел ничего необычного... казалось, он снова стал разумным и спокойным человеком, ведущим совершенно нормальную жизнь.

Это не мешало ему, ничего не говоря Фанни, принимать свои меры предосторожности... Не стоило скрывать от себя самого, что привидение должно было пребывать в

состоянии бешеной злобы в этой запертой комнате; призрак наверняка придумывает тысячи различных способов, чтобы вырваться на свободу...

Когда Жак чувствовал, что за ним никто не следит, он прикладывал ухо к двери гардеробной и явственно слышал, как привидение вертелось в комнате, подобно волчку!.. Оно то скреблось в стекла окна, и звуки, которые оно производило, напоминали жужжание бьющейся о стекло мухи... то с яростью потрясало своей цепью...

Эти звуки совсем не нравились Жаку... он предпочел бы, чтобы попавший в плен призрак переносил свое заточение более терпеливо!..

Но скоро Жак перестанет его слышать!.. Они с Фанни уговорились наконец привести в исполнение давешний план путешествия. Они позабудут все эти ужасы!.. Италия!.. Италия!.. Блаженный покой!.. Лазурь!.. Санта-Лючия!.. Где расписание поездов?..

Сильный сознанием того, что его ружье, заряженное ружье, находится в двух шагах, Жак не боится в этот вечер один войти в комнату Фанни, чтобы отыскать расписание поездов... Ах! вот оно, там, на комод... Экспресс... не поехать ли через Венецию?.. Осенью Венеция так красива...

Что?.. Что там такое?.. Кто зовет его?..

И он, задыхаясь, поворачивается к запертой двери гардеробной...

Голос! он услышал чей-то глухой голос, звавший его: «Жак! Жак»!

Теперь голос умолк... но Жак явственно слышит, как кто-то царапается в дверь!..

Тут он теряет самообладание. Довольно с него!.. Необходимо покончить с этим призраком! Этот призрак, запертый в гардеробной, слишком громко дребезжит своей цепью!

Жак отправляется за своим ружьем, потом отважно, героически достает из кармана одну из тяжелых связок ключей, с которыми он теперь не расстанется... вставляет ключ в замок и сразу распахивает дверь — отважно, героически!..

Если только призрак здесь, он будет уничтожен!.. И Жак бросается в комнату, положив палец на курок ружья... При-

видения нет!.. Нет!.. Небольшая комната, которую так легко охватить взглядом, пуста...

Будь призрак здесь, он сразу заметил бы его — гардеробная освещена только светом, проникающим из соседней большой комнаты. В ней царит полумрак, а в полумраке, как всем известно, призраки и привидения, — если они имеются, — прекрасно видны: ведь их легче увидеть в темноте, чем на полном свету...

И однако, минуту назад призрак Андре был здесь... Жак сам слышал, как призрак двигался в комнате, слышал его голос!.. Куда же он подевался?.. Каким образом бежал?..

Ага! Там что-то движется у окна!.. Окно полуоткрыто. Призрак только что открыл окно и скрылся, и в воздухе, колеблющем занавеску, еще слышен звон цепей...

Жак бросается к этому окну, старается закрыть, но окно не поддается: с оконной рамы спускается стальная цепочка, которая обычно удерживает ее, чтоб створки окна не могли слишком широко распахнуться, и эта цепочка непрерывно позвякивает...

Внезапно Жак начинает смеяться, громко и радостно хочется... Смех освобождает его от всего безмерного груза, от тяжести всех привидений, существующих на земле!.. Он смеется... Смеется!.. до тех пор, пока не замечает на столе, стоящем в этой небольшой комнате, обыкновенную свечу, накрытую серебряным колпачком!

Эта свеча светила Жаку, когда он шесть дней назад делал вид, будто читает журнал... журнал еще здесь... вон там, на полу... никто не поднял его... но свеча... свеча, еще горевшая, когда Жак шесть дней тому выбежал в дверь и запер ее за собой... *кто погасил ее?.. Кто надел серебряный колпачок?..*

Глава XXVIII

УЖАСНАЯ ТАЙНА СВЕЧИ И СЕРЕБРЯНОГО КОЛПАЧКА

Фанни покинула виллу на берегу реки в состоянии духа, не сулившем ничего хорошего бедной госпоже Сен-Фирмен.

Другая на ее месте не так легко бы оправилась от удара, нанесенного Мартой. Но госпожа де ла Боссьер была, по формулировке юного Дарбуа, «женщиной с головой на плечах». Вскоре она обрела свойственную ей ясность мыслей и решила лицом к лицу встретить неминуемую опасность.

По дороге она обдумывала поведение Марты (это она делала уже не раз) и пыталась выстроить отдельные факты в систему (на это она решилась впервые).

Способность ясновидения, которой обладала госпожа Сен-Фирмен, становилась с каждым днем все более очевидной и постепенно усиливалась; мало-помалу событие, терзавшее разум ясновидящей, выступало перед ней все более отчетливо.

Все это, как думала теперь Фанни, было сомнамбулизмом... обычным и нормальным сомнамбулизмом... даже научно признанным, и это невозможно было продолжать от себя скрывать.

Наука признала наличие у некоторых индивидов, впадающих в определенное состояние экстаза, способность видеть прошлое.

Марта видела преступление!

Сперва она только что-то смутно почувствовала... едва различая дорожное для нее лицо убитого... потом она увидела автомобиль... потом сундук... труп в сундуке... И наконец, она увидела само преступление, само преступное деяние на перекрестке Ла-Френе — и лицо преступника!..

Нет! Дело не в расстроенном воображении и отдельных,

случайных совпадениях.... Это было самое настоящее ясно-видение... и это ясновидение, без сомнения, завтра укажет Марте место, где был спрятан труп! Так случилось уже не раз! Юный Дарбуа привел несколько примеров... Тогда в дело немедленно вмешается сыскная полиция... сыскная полиция, которая теперь не стесняется, как сказал тот же юный Дарбуа, прибегать к помощи сомнамбул наподобие Марты. И госпожа де ла Боссьер сделала необходимый вывод.

Она решила, что у Марты больше не должно быть видений!..

Она сказала это вслух, совсем громко, и на пустынной дороге, по которой Фанни возвращалась в Ла-Розере, ее слова прозвучали, как приговор суда.

У Марты больше не будет видений!.. Сегодня призраки приказывают ей молчать... завтра они могут велеть ей заговорить... Она больше не увидит их...

Фанни нисколько не жалела бедную Марту! Она слишком ненавидела ее за то, что та нарушала их спокойную, их чудесную жизнь! Если бы Марта не сунула свой нос, Фанни до сих пор не знала бы, что случилось на перекрестке Ла-Френе. Она пользовалась бы благами, полученными в результате преступления, и никто не говорил бы об этом. Ее муж не стал бы несчастным существом, терзаемым угрызениями совести, которое она не узнавала и начинала презирать... ведь не к чему обладать силой, способной подвигнуть на убийство, занести вооруженную руку, если ты не в состоянии повелевать своими мыслями и стереть воспоминания...

Призраки Андре воплощали для Фанни только многообразные виды угрызений совести. И эти призраки являлись из маленькой виллы на берегу реки!.. Марта наполняла ими каждый вечер всю окрестность!.. Когда исчезнет Марта, с ней вместе исчезнут и призраки!.. О! как Фанни ненавидела эту женщину, которая хоть на одно мгновение могла мечтать сделаться владелицей Ла-Розере и, казалось, дала обет погубить ту, что заняла ее место!

Пробило семь часов, когда Фанни вошла в замок.

Она знала, что время до трех часов ночи будет тянуться

очень медленно, особенно, если она останется одна с неотступной мыслью о преступлении... Ее пальцы горели с тех пор, как она совсем близко увидела шею Марты... ненавистную шею... такую хрупкую...

Только немного стиснуть ее! Она уже ощущала эту шею под своими пальцами!.. и ее пальцы судорожно, с дикой радостью стискивали шею этой женщины, не умевшей молчать...

Лакей доложил, что в гостиной ждет господин де ла Мариньер. Он приехал на автомобиле осведомиться о состоянии здоровья господина де ла Боссера.

— Прекрасно! — подумала Фанни. — Я оставлю его к обеду и он поможет мне скоротать время!

— Вы доложили хозяину?..

— Катерина постучалась в дверь хозяина, а он велел ей проваливать, и к тому же таким грубым голосом, что Катерина испугалась и спустилась вниз в слезах. Катерина не может больше здесь оставаться... а так как я намерен жениться на Катерине...

— Хорошо! Хорошо! Мы поговорим об этом завтра...

И Фанни стала поспешно подниматься по лестнице на второй этаж, с большим трудом сдерживая гнев. Она гневалась не на лакеев, по вполне понятным причинам не желавшим больше служить в этом сумасшедшем доме (некоторые из них заразились той же болезнью и утверждали, что видели призраков), но на Жака — как видно, ему снова что-нибудь почудилось...

Она нашла мужа в гардеробной с ружьем на изготовку. Он глядел безумными глазами на свечу, накрытую серебряным колпачком.

Фанни вырвала ружье у него из рук. Она была вне себя от гнева. Он не сопротивлялся.

— Что еще случилось? — спросила она суровым голосом...

— Клянусь, если вы будете продолжать безумствовать... я не стану больше за вами ухаживать!.. Мне это начинает надоедать!.. Да, да!.. Мне это начинает надоедать!.. Где вы взяли ружье?.. Оно заряжено?..

Жак не отвечал; тогда она уверенно и спокойно разря-

дила ружье. Он не сводил глаз со свечи.

— Скажете вы мне наконец, что с вами случилось?.. Чего вам нужно от этой свечи?.. Почему вы так смотрите на нее?..

Тогда он отрывисто и судорожно, совсем тихо и не отрывая глаз от свечи, поведал ей ужасную тайну... Ужасную тайну свечи и серебряного колпачка!..

Когда он запер гардеробную, свеча *горела!*.. Ключи от комнаты были все время у него в кармане... и вот, войдя сюда через шесть дней, он нашел свечу не выгоревшей, а погашенной, и погасили ее вот этим серебряным колпачком!.. *Кто же погасил свечу?*..

Сказав это, Жак так испуганно поглядел на Фанни, что ее охватил страх: как бы рассудок на сей раз навсегда его не покинул... И она поторопилась успокоить мужа...

— Кто?.. Вы спрашиваете: кто?.. Бедный друг мой, это сделала Катерина, только и всего!

— Не может быть!.. Ты лжешь мне!.. Ты говоришь неправду, считая, что мой рассудок помутился!..

— Угодно вам будет выслушать меня?.. Катерина сама мне это сказала. Разве что-нибудь может быть проще и естественнее?.. Когда я шесть дней назад пришла в соседнюю комнату, вы безумствовали и вас пришлось уложить в постель. Я стала расспрашивать Катерину, и та сказала мне следующее:

— Мы убрали комнату, а хозяина мы оставили в кресле в гардеробной рядом. Внезапно мы слышали стук захлопнувшейся двери. Я тотчас же вошла в гардеробную. Там никого не было! Я хотела открыть дверь в детскую, но она была заперта на ключ. Я вышла из гардеробной и закрыла за собой дверь; конечно, я предварительно погасила свечу. Тут хозяин, как сумасшедший, ворвался в комнату из коридора, бросился к двери в гардеробную и запер ее на ключ. Вот и все, друг мой... Удовлетворяют вас мои объяснения?..

Жак с растерянным видом смотрел на нее:

— Да... разумеется... все это вполне логично... — и он вздохнул.

— Ты снова совсем болен!.. Доктор будет бранить тебя!..

Он покачал головой:

— Дорогая... любимая моя Фанни... нам необходимо уехать... Я справился в железнодорожном указателе... Ведь мы поедем через Венецию?..

— Куда вы захотите, туда и поедем, но только будет лучше всего, если вы завтра же с вашим лакеем уедете в Париж... Вы больше и дня не должны здесь оставаться...

— Да, да! Я сам того же мнения, — согласился Жак... — Я смогу окончательно оправиться только вдалеке отсюда... И каким же дураком я был во всей этой истории со свечой и серебряным колпачком... Я вел себя как глупый и легковверный мальчишка!.. А звон цепей!.. вы тоже слышали его однажды... Так вот — это брэнчала цепочка, которая удерживает створку оконной рамы... Я сам смеялся от души, пока эта свеча снова не испугала меня... но теперь, теперь мне все ясно... И я буду спокойно спать этой ночью...

В малой гостиной господин де ла Мариньер терпеливо ждал, пока о нем наконец не вспомнят. Его чрезвычайно интересовало все приключившееся с его добрыми друзьями. Он как раз возвращался из Парижа и прочел в вечерних газетах отчеты о событиях, сопровождавших доклад Жалу. Он привез с собой газеты для госпожи де ла Боссьер и собирался предложить ей свою помощь, если понадобится напечатать ответ...

Он горел желанием принять участие в этой громкой истории... сыграть роль доброго друга — ведь он был добрейшим человеком...

Уложив Жака, Фанни вышла к нему и чрезвычайно обрадовалась старика, пригласив его остаться к обеду...

— А после обеда, — сказала она, — мы сыграем партию в безик, не так ли? И я проведу весь вечер с таким очаровательным гостем, как вы... Нас стали чуждаться с тех пор, как все говорят, что Ла-Розере сделался местом свидания для всех окрестных привидений. Вы уже знаете?.. Вечерние газеты?.. Благодарю вас, вы чрезвычайно любезны!.. О, я почувствую нашествие репортеров... Несколько человек приходили уже сегодня... Я, разумеется, скрыла это от Жака... Да, Жалу и Мутье сделали доклад об операции, а Геллье назвала все имена... восхитительно!.. Если мы хотим жить хоть

в самом относительном покое, нам необходимо уехать отсюда... и мы так и поступим, завтра же... Вот видите, дорогой де ла Мариньер, я ничего не скрываю от вас... да, мы уедем потихоньку, без барабанного боя и фанфар... я повезу моего «ожившего мертвеца» в Италию или в Швейцарию... и мы вернемся только тогда, когда о нас и думать забудут!.. Идемте в столовую!.. и расскажите мне про ваших щенят... и про бега...

Глава XXIX

ЖЕНЩИНА «С ГОЛОВОЙ НА ПЛЕЧАХ» ТЕРЯЕТ ГОЛОВУ

Ла Мариньер уехал в своем автомобиле в одиннадцать часов вечера. В полночь весь замок, казалось, спал. На башенных часах пробило два, когда какая-то тень, стремившаяся остаться незамеченной и прятавшаяся в тенях ограды, стены и кустов, прокралась в глубину парка.

Тень эта вышла из замка через потайную дверь в башне Изабеллы.

Как ни странно, собаки, начавшие было громко лаять, вдруг замолкли, когда тень прошла мимо их конур и углубилась в густой мрак аллеи платанов.

Оттуда она свернула на боковую тропинку и вышла по ней к ограде парка. Затем она прошла несколько сотен метров вдоль ограды и остановилась перед полусгнившей и почти скрытой ползучими растениями калиткой.

И тут наша тень не в силах была удержаться от восклицания: калитка, которую она рассчитывала найти закрытой, была полуоткрыта.

Изумление, охватившее ее при этом открытии, никак не входившим в программу действий этой трагической ночи, заставило Фанни несколько замедлить шаги по стезе преступления.

Но она колебалась недолго.

Она стала бы презирать себя, если бы зашла так далеко, а потом отступила бы... перед открытой дверью!.. Ее жизнь, богатство, честь ее имени, будущее ее ребенка — все зависело от одного движения, которое она должна была сделать... такого простого... такого нетрудного движения...

Она подумала, что калитка, вероятно, стоит открытой уже много недель... несколько месяцев... быть может, ею пользуются слуги, чтобы тайком пробираться в соседнее селение...

Фанни внимательно прислушивалась в течение нескольких минут, пригнувшись к дорожке... Она не услышала и не увидела ничего подозрительного. Тогда она решила, что пришло время направить быстрые шаги к маленькому домику на берегу реки: приближался час, когда Марте являлись ее видения.

Она вышла из парка, не заметив ничего необычного, и пошла по хорошо знакомой ей тропинке, тянувшейся вдоль опушки Сенарского леса, по направлению к Ла-Буле.

Время от времени она видела теперь сквозь деревья ярко освещенные лунной белые и обнаженные стены виллы. По небу плыли густые облака и ветер стремительно гнал их прочь от леса, который начинал зловеще гудеть.

Единственным оружием Фанни было ее бесстрашное сердце, но она не дрожала ни телом — из осторожности она закуталась в плотный плащ с капюшоном, — ни, так сказать, душевно.

Ее нисколько не смущал ночной облик окружавших ее предметов. Ее не останавливали ни неожиданное раскачивание ветки, ни колышущийся и стонущий силуэт куста. Она шла все вперед, оглядываясь по сторонам, и вскоре оказалась у выступа стены, где однажды вечером уже пряталась вместе с любимым мужем, подглядывая за призраками Марты...

Тогда она хотела *знать*. Теперь надлежало *действовать*.

И она стала терпеливо ждать...

Окружающая обстановка была почти такой же... был почти тот же час... луна так же переменчиво светила... и точно так же отзванивали часы на ближней колокольне... и так же покачивались унылые осины справа, у тропинки... такой же леденящей свежестью веяло от реки, что катила бледные воды между водяных лилий, под ивами... И так же позвякивал цепью старый челнок...

О! этот звон цепей! Какое значение приобрел он в больном воображении некоторых людей!.. Фанни даже в этот миг не удержалась бы от улыбки, но ее вниманием овладела появившаяся на пороге садовой калитки бедняжка Марта...

Если кто-нибудь походил на призрака, то это была она... она больше, чем когда либо, напоминала привидение!.. Она была такая хрупкая, такая хрупкая, и так дрожала... что Фанни, несмотря на свое безжалостное сердце, пожалела бы ее — но тут бедная помешанная произнесла имя, воплощавшее все ее безумие: «Андре!.. Андре!..»

Она звала возлюбленного призрака... она звала верное видение... И она наверняка видела его, ибо слышала то, чего не слышал никто, и видела то, чего не видели другие... Протирая руки, она шла к реке... призывая свою мечту, зовя: «Андре!.. Андре!.. Здесь ли ты?..»

Тогда Фанни скользнула к ней движением тигрицы, готовящейся к прыжку. Ей оставалось сделать только шаг, чтобы коснуться своей жертвы, сделать только одно движение, чтобы сбросить ее в реку.

Но она застыла и рука ее бессильно повисла... И Фанни едва не закричала от ужаса: *она увидела призрака...*

Глава XXX

БЕГСТВО

Она узнала его по ране на виске и по лицу, освещенному лучом луны, пробившимся сквозь ветви деревьев: это был Андре. Его большие глаза, казалось, стали еще больше и глядели на Марту с бесконечной печалью; бледное и красивое лицо, бесконечно бледное, казалось, исхудало и вытянулось от каких-то нечеловеческих страданий, хотя в ночном тумане она и не могла ясно различить контуры этого лица.

На Андре было надето что-то вроде просторного балахона — а может, то были бесцветные лохмотья, наброшенные на плечи и сливавшиеся внизу с нависшим над водой туманом. Он сидел в старом челноке и видел только Марту.

Если Фанни не завывала от ужаса при виде призрака Андре, то лишь потому, что звук замер в ее горле — да, дикий крик, какой испускают живые при виде мертвецов, застыл в ее судорогой сведенной горле. Шатаясь, она отступила назад, как будто ей нанесли сильный, оглушивший ее удар, потом круто повернулась и, как безумная, бросилась бежать.

Она бежала и не решалась оглянуться, чтобы посмотреть, не преследует ли ее ужасное видение, и ей все мерещилось, что она слышит за спиной позвякивание цепей...

На одно мгновение она вынуждена остановиться и прислонилась к дереву всем своим трепещущим телом, — на одно мгновение она дала отдых своему потрясенному существу...

Но тотчас же она еще быстрее, еще безумнее побежала прочь, подобно дикому зверю, за которым гонятся псы. Со всем близко, сзади, сбоку, повсюду, она слышала звон цепей, пляшущих, скрипящих, позвякивающих на ногах мертвецов!.. А когда она обогнула стену парка, ее вновь с ног до головы потряс ужас — на дороге плясала странная тень, чудовищно корчась в неверном свете луны...

Но эта тень привела ее в себя, прогнала подступавшее безумие. Она узнала юродивого Проспера, размахивавшего костылем.

Она позвала его по имени, обрадовавшись, что рядом есть хоть какое-нибудь живое существо... хоть кто-нибудь, не побывавший еще в стране мертвых!..

Но он поглядел на нее, как будто не узнал, и быстро удалился, уродливо и отвратительно потрясая над головой костылем и испуская единственный доступный ему крик:

— У! у! у!

Жалкое существо, несчастный идиот, которого Фанни велела подлечить в своем доме; теперь она вспоминала, что он удрал на второй день после несчастного случая, будто боялся, что его обидят, причинят боль... Она добралась до стены парка; скоро и замок. Наконец-то в ее ушах перестала звенеть ужасная песня цепей...

Она несколько пришла в себя, разыскала калитку в стене, вошла в парк и вернулась в свою комнату, пройдя через потайную дверь в башне Изабеллы...

Очутившись снова у себя, она зажгла все лампы и вспомнила все, что с ней случилось, все, что видела... и сказала себе, что испугалась тени...

Глава XXXI

ОДИНАКОВАЯ МЫСЛЬ ТОЛКАЕТ ЖАКА И ФАННИ НА ОДНО И ТО ЖЕ ДЕЛО

Но в самом ли деле то была тень?..

Этот вопрос не давал Фанни покоя все утро после ее необычайной ночной экспедиции.

Как могла она, такая сильная духом, нисколько не поддававшаяся болезненному влиянию Марты и Жака, как могла она, Фанни, не веровавшая ни в каких призраков и никогда ничего не боявшаяся, — как могла она увидеть привидение?

Хорошенько поразмыслив, она пришла к выводу, что это невозможно. Она припомнила, в каком состоянии пришла к беседке на берегу реки. Она была готова на преступление, но владела своими чувствами. Как же мог ее рассудок в одно мгновение помутиться?..

А если Андре не умер?

Ведь она узнала его, и логичней было предположить, что она стояла лицом к лицу с ним самим, чем допустить существование его призрака!..

Если Андре не был мертв, многое из случившегося становилось вполне понятным — например, точные сведения Марты о преступлении на перекрестке Ла-Френе...

С другой стороны, если Андре был жив, многое оставалось совершенно необъяснимым. Где он был?.. Как он жил?.. Почему не вернулся в свой замок и не изгнал оттуда брата и его семью? Почему не вернулся к своим детям?.. Что могли означать эти ночные появления?

Тайна, как будто, с одной стороны прояснялась, но с другой — становилась еще более непроницаемой!..

Наконец, как мог он остаться в живых после драмы в лесу, о которой рассказал ей Жак? Жак положил тело брата в сундук и запер сундук на ключ; потом он немедленно

зарыл сундук в погреб в Героне! Итак...

Итак, Фанни все время думала о сундуке и ее практический ум, чуждый любым фантазмагориям, навел ее на вполне рассудительное решение. Она должна самолично убедиться, действительно ли труп спрятан в сундуке!

Жак собирался уехать утром, а она и маленький Жако должны были встретиться с ним в Париже вечером. Но так или иначе, ей необходимо было знать, *что они оставляют позади!*.. Привидение или выжившую жертву, которая готовит им необычайную и ужасную месть?..

В этом заключался весь вопрос. И Фанни решила, что не покинет Ла-Розере, не узнав окончательный ответ.

В девять утра Жак в сопровождении своего лакея отправился пешком в Герон. Он выразил желание совершить прогулку по свежему утреннему воздуху. Он чувствовал себя хорошо, говорил, что совсем окреп, и радовался, что наконец может посетить завод после нескольких недель вынужденного безделья.

Он поцеловал Фанни и просил ее как можно скорее присоединиться к нему в отеле «Терминус», где намеревался остановиться под вымышленным именем, чтобы сбить с толку любопытных журналистов. Он добавил, что в Героне проведет около двух часов и отдаст последние распоряжения перед отъездом; в 11 часов он сядет в автомобиль, а завтракать будет уже в Париже.

Все утро Фанни провозилась с багажом, давала указания прислуге на время своего отсутствия, разговаривала со старой гувернанткой из Жювизи, которая должна была заменить девицу Геллье и присматривать за Жерменой и маленьким Франсуа. Гувернантка эта уверяла, что никогда не верила в призраков и никогда не занималась столоверчением, но все же озиралась вокруг с таким видом, точно боялась, что из-под пола вдруг появится перед ней ни больше ни меньше, как сам дьявол собственной персоной.

Лакей, англичанка-горничная и младший повар собирались уехать вечером того же дня. Они утверждали, что видели прошлой ночью призрак, скользивший по парку и вошедший в замок через потайную дверь в башне Изабеллы.

Повариха и Лидия пожимали плечами, слушая эти рассказы, и с ними заодно были все здравомыслящие слуги.

В полдень Фанни позавтракала в одиночестве, просматривая парижские газеты, которые на все лады пересказывали историю «человека, вернувшегося из страны мертвых».

Юный Дарбуа из «Эксельсиора» сдержал слово. Он напечатал блестящее интервью, где вполне достоверно изложил все, что узнал, и выставил владелицу Ла-Розере в самом выгодном свете: она и красива, и умна, но является вместе с тем деловой женщиной и не любит глупых шуток. Поэтому она обратила в бегство все привидения и выставила за дверь девицу Геллье...

После завтрака Фанни отправилась в кабинет мужа и провела там несколько часов, приводя в порядок деловые и фамильные бумаги. Кроме того, она искала по всем ящикам большой ключ от гаража, но найти его ей не удалось.

Жак увез ключ с собой, равно как и ключ от геронского погреба. Но Фанни твердо решилась взломать замок, закрывавший доступ в погреб, и заменить его, уходя оттуда, заранее приготовленным висячим замком. Что же касается дверей гаража, то она собиралась попросить у Феррана, сторожа в Героне, запасной ключ.

Незадолго до четырех часов пополудни она приказала подать английский шарабан и одна отправилась в нем в Герон. Она сделала большой круг по парку, чтобы обезопасить себя от любопытных или репортеров: ведь те могли оказаться у ограды.

На ней было просторное манто для езды в автомобиле и кеши с вуалью.

Под манто она надела балахон — в нем будет удобнее «работать» в погребе... Она вспомнила, что там есть кирка и лопата... без сомнения, те самые, которыми уже пользовались однажды...

Едва добравшись до Герона, она отдала поводья Феррану.

— Ну что, любезный Ферран, видели вы хозяина?

— Да, сударыня, и мы все были очень рады видеть его здоровым!.. Он уехал в Париж вместе с господином де ла Мариньером...

— Значит, господин де ла Мариньер приезжал сегодня утром?

— Разумеется!.. Он знал, что хозяин собирается уезжать. Он как раз проезжал мимо в своем автомобиле и завернул поздороваться с хозяином... Хозяин и уехал с ним, так что шоферу, которому хозяин велел подать машину, оставалось только поставить ее на место...

— Вот что, Ферран... мне нужно взять кое-какие вещи в старом гараже... а муж увез с собой ключ... Не могли бы вы найти запасной ключ и открыть гараж?.. Это, вероятно, будет не слишком трудно...

— Что вы, сударыня!.. У меня целая куча ключей... мы живо найдем подходящий... Хозяин, верно, тоже побывал в гараже сегодня утром... Я встретил его у ворот с ключом в руке... если бы я знал...

Фанни тотчас подумала: *«Жак тоже не захотел уехать, предварительно не убедившись, что труп находится в сундуке!..»*

Несколько успокоившись, она соскочила с шарабана. Если Жак после посещения гаража уехал, не захотев повидать ее — значит, все обошлось благополучно.

Четверть часа спустя дверь в гараж была открыта благодаря усилиям Феррана, который наконец нашел старый заржавленный ключ, как нельзя лучше подходивший к замку.

— Я оставлю ключ у себя, — сказала Фанни.

— Как вам будет угодно. Я могу вам помочь?

— Мне довольно долго придется провозиться с этим старьем... зажгите, пожалуйста, фонарь... так, благодарю вас... и возвращайтесь к вашим обязанностям, Ферран... Я позову вас, если вы мне понадобится...

Она заперла за собой дверь гаража, на сей раз на ключ... прислушалась к удалявшимся шагам сторожа... потом быстро побежала к двери в погреб. Дверь была сколочена из грубых досок; между ними оставались довольно большие просветы. Жак сам подобрал замок к этой двери, замок довольно сложный, а потому и не очень массивный... Он сравнительно легко поддавался под стамеской — инструмент ле-

жал у Фанни в кармане вместе с висячим замком и металлическими скобами.

И госпожа де ла Боссьер спустилась вниз, освещая дорогу фонарем.

В погребе она увидела ужасающий беспорядок. Многочисленные ящики, сдвинутые с места, преграждали путь. Большая бочка лежала на боку. Так и есть! она правильно поступила, спустившись сюда: Жак не успел прибраться... его, без сомнения, потревожили во время работы... он побоялся, что Ферран увидит, чем он занимается, или же ла Мариньер подъехал к самому гаражу и позвал его...

Она сделала еще несколько шагов по направлению к углу, куда не падал свет из низкого окна, и внезапно остановилась на краю свежерытой ямы. Груда земли была свалена на противоположном краю... часть земли уже осыпалась и прикрывала сундук... Местами проглядывала желтая кожа и позеленевшие медные скрепы...

Жак даже не успел засыпать яму землей! Да! Да!.. разумеется, ему помешали! Но она-то найдет в себе силы окончить дело!..

Быстрым и решительным движением она сбросила манто и сложила его в сторонке; потом разостлала на полу свой балахон, стала на нем на колени и наклонилась над могилой, в глубине которой находился сундук. Фонарь она поставила рядом с собой на землю.

Первым делом она достала из ямы лопату.

Потом наклонилась снова. Земли на сундук осыпалось не так много, и Фанни смогла нащупать рукой замок...

Успел ли Жак запереть сундук на ключ?..

Фанни тотчас убедилась в том, что не успел...

Теперь, чтобы окончательно удостовериться, ей оставалось сделать только одно, последнее усилие, еще немного наклониться вперед и потянуть к себе крышку сундука... тяжелую крышку, покрытую местами осыпавшейся землей, крышку громадного сундука...

Она подняла крышку...

И когда она снова выпустила ее из рук, Фанни уже знала, что *труп находится в сундуке!*..

Возвращаясь в замок в своем английском шарабане, Фанни была довольна и испытывала невероятное душевное облегчение. Дело сделано... Она раздумывала о странном душевном состоянии, благодаря которому иногда, в определенных условиях, человек вдруг видит призраков, созданных его собственным воображением. Вот почему она сделалась жертвой галлюцинации.

Она говорила себе, что слабость овладела ею в тот миг, когда она готовилась совершить преступление. Это могло послужить оправданием, но все же Фанни сожалела. Не будь этой слабости, и призрак больше не явился бы ни единой живой душе! Зачем она не утопила его в реке вместе с ненавистным ей медиумом!..

Стоило ей миновать ограду, как ее охватило предчувствие нового несчастья...

Все слуги, фрейлейн, дети и новая гувернантка собрались у подъезда, размахивали руками и что-то выкрикивали в сильном волнении...

Фанни подхлестнула лошадь и вскоре смогла различить отдельные возгласы. Люди кричали: «Уйдем! Уйдем отсюда!...»

Почти стемнело, и это сборище сумасшедших на ступеньках лестницы призрачного замка с закрытыми наглухо окнами, казавшегося уже покинутым, загадочным и пугающим, очень не понравилось госпоже де ла Боссьер, принявшей твердое решение не страшиться впредь никаких звуков и видений.

Едва заметив Фанни, дети бросились к ней в сопровождении всей челяди.

Маленький Жако плакал и кричал:

— Мама!.. привидение!.. привидение все еще там!..

А Жермена и Франсуа уверяли, что видели *papou*, сидящего в большом кресле в гардеробной... Они так испугались, что убежали оттуда... Они рассказали, что призрак заговорил с ними и печально сказал: «Почему вы убегаете? Разве вы не узнали меня?..»

Они узнали его, но вид мертвого отца ужаснул их...

Обозленная этой новой «идиотской выдумкой» (она так и сказала — «идиотской выдумкой»), госпожа де ла Боссьер соскочила с шарабана и стала расспрашивать Жермену, которая была достаточно разумной девочкой и не должна была верить в подобные детские рассказы. Но Жермена прижимала к себе плачущего братишку и сама рыдала чуть ли не громче его. Она лишь отвечала:

— Мы видели папу... мы видели его в гардеробной... он заговорил с нами...

Гнев Фанни достиг предела, когда она узнала от слуг, что те не осмелились войти в гардеробную, не отважились убедиться сами и доказать детям, что никакого призрака там не было!..

Даже новая гувернантка не нашлась, что ответить.

— Боже мой!.. Боже мой!... — только и лепетала она, протирая руки к небу. А между тем, все считали ее «неверующей»...

Остальные указывали на закрытые ставни окна гардеробной и повторяли:

— О, сударыня! Он там!.. он без сомнения там!..

Даже здравомыслящие слуги, не верившие в призраков — и те заявляли, что не желают связываться с этой историей!..

Тогда г-жа де ла Боссьер снова возмутилась, отстранила всех этих ничтожных и пугливых людей и сказала:

— В таком случае, я сама пойду в гардеробную, соборюще трусов!.. несчастные идиоты!..

— Это опасно, сударыня!.. Не ходите!.. не надо!..

— Мама!.. мама!.. — закричал маленький Жако, — не ходи туда, мама!..

Она была так взволнована, что вцепилась ему по щеке.

Фанни быстро поднялась на второй этаж и вошла в свою комнату. Все двери были открыты настежь, — несомненно, после бегства детей и слуг.

Страх был настолько чужд ей (в особенности после того, как она видела труп в сундуке), что она не отступила перед царившим в комнате мраком. Она направилась прямо к камину, собираясь зажечь свет.

Но пока она шла в темноте по комнате, эту темноту вдруг прорезал слабый луч света, внезапно появившийся из замочной скважины и упавший на пол.

Фанни замерла от неожиданности...

Свет падал из двери в гардеробную. Значит, в гардеробной кто-то был?.. Кто-то зажег там свет!..

— В самом деле! разве не мог кто-нибудь зайти в гардеробную? Дверь больше не заперта на ключ... и почему бы тому, кто зашел туда, не зажечь огонь?!

Она снова овладела собой. Смело пошла вперед, подошла к двери, распахнула ее уверенной рукой и заглянула в комнату.

Она никого не увидела. Нет! Маленькая комнатка была пуста!.. Вторая дверь в нее была закрыта... никаких шагов не слышно... И все же... возможно, тот, кто зажег стоящую на столе свечу, успел скрыться... другая дверь тоже не была заперта на ключ...

Что могла означать эта зажженная свеча?..

Свеча в небольшом серебряном подсвечнике начинала пугать даже Фанни, которая ничего не боялась... эта свеча загоралась и гасла самым непонятным образом, нагоняя страх на людей... людей с крепкими нервами... женщин «с головой на плечах»... Не стала ли она свидетельницей «тайны серебряного колпачка», которая совершалась снова, *на этот раз для нее?*..

И у нее сразу же возникло гнетущее предчувствие, что это именно так... Она почувствовала это по ледяному дыханию, пробежавшему по волосам, скользнувшему по затылку, по холодному и мертвенному дыханию, повеявшему на нее, словно могильный ветер. *Мертвец, должно быть, где-то поблизости!*..

И вдруг, упорно глядя на горящую свечу, она увидела... увидела, как совсем близко от нее протянулась рука призрака, длинная-длинная рука с высохшими бледными пальцами, приблизилась к свече, взяла серебряный колпачок и надела его на свечу.

Свеча погасла.

Фанни издала дикий крик!..

Она хотела бежать, но у нее подкосились колени и, пошатнувшись, она упала, упала на руки призраку... призраку Андре, которого успела узнать, прежде чем потеряла сознание... ибо привидения, невидимые при свете, иногда бывают видимы в темноте...

Слуги услышали отчаянный крик Фанни. Но не они одни услышали его... Группа журналистов во главе с юным Дарбуа, проникшая в парк, находилась неподалеку от замка и остановилась на мгновение, услышав этот нечеловеческий крик... Они бросились на крик...

Слуги объяснили им: «Это хозяйка... Она хотела увидеть привидение в гардеробной...». Вновь обретя отвагу благодаря присутствию репортеров, слуги повели их на поиски.

Но поиски не увенчались успехом.

Госпожу де ла Боссьер не нашли...

Трудно представить себе всеобщее недоумение, сопровождавшее показания свидетелей этого необычайного события. Рассказ их подтвердили присутствовавшие при этом журналисты.

Призрак Андре де ла Боссьера унес свою невестку!..

Новость буквально перевернула край, где и так обитал живой господин, вернувшийся из страны мертвых. Все слабые мозги в окрестностях пришли в движение, и долину охватила настоящая визионерская эпидемия. Повсюду царствовали фантазии, и самые здравомыслящие люди уверяли, что слышали необъяснимые скрипы буфетов и ночных столиков.

Госпожу де ла Боссьер нашли только на следующее утро после ее исчезновения. Она лежала без сознания на тропинке, идущей вдоль опушки Сенарского леса, недалеко от калитки, ведущей из парка в лес.

Ее удалось привести в чувство, но то, что несчастная рассказала, отнюдь не успокоило взбудораженные умы.

Та, которую все друзья и гости Ла-Розере считали чрезвычайно уравновешенной женщиной — теперь, казалось, совершенно утратила рассудок.

Она пребывала в уверенности, что ее вынес *сквозь стену замка* призрак Андре де ла Боссьера!..

И, наконец, в тот же день, словно для того, чтобы окончательно поселить смятение в умах и спутать все следы, в Ла-Розере приехал де ла Мариньер, категорически утверждавший, что он и не думал увозить Жака в Париж. Господин де ла Мариньер заявил, что вернулся в Париж один — и доказал это.

Куда же, в таком случае, девался человек, *возвратившийся из страны мертвых*?

Клубок все больше запутывался.

На ноги была поставлена вся сыскная полиция, но журналисты вновь опередили сыщиков...

Юный Дарбуа превосходно знал свое дело. В последний раз Жака де ла Боссьера видели перед старым гаражом. Значит, надо посмотреть, что там находится. Дарбуа удалось проникнуть в гараж. Здесь он убедился, что совсем недавно кто-то взломал замок двери, ведущей в погреб.

Ни медля ни минуты, он сломал новый висячий замок и спустился в погреб. Кирка, лопата, свежеперекопанная земля, беспорядочно наваленные ящики — все говорило ему: «Разгадка тайны здесь». Он начал копать землю и вырыл сундук...

А в сундуке он нашел труп Жака де ла Боссьера!

Господин Жак де ла Боссьер, человек, *вернувшийся из страны мертвых* и так быстро снова возвратившийся туда, не мог сам похоронить себя!..

Вскоре стало известно, что Фанни, спустя несколько часов после исчезновения Жака, заперлась на довольно долгое время в гараже. Ее, разумеется, заподозрили в убийстве мужа.

Странное дело! на теле Жака де ла Боссьера не было найдено никаких следов насилия, никаких ран... и *тем не менее*, в сундуке обнаружилось большое количество кровавых пятен...

Тогда Фанни, — *а она теперь поняла все*, — пришлось объяснить следователю, что ее муж умер от разрыва сердца, увидев, что в сундуке нет трупа, который он сам в этот сундук положил.

Сердце Жака, сердце, только недавно зашитое при операции, не выдержало волнения. Он упал в сундук, крышка сундука от сотрясения захлопнулась, и в результате того же сотрясения сверху осыпалась земля и упала лопата.

Так значит, Фанни второпях приняла труп Жака де ла Боссьера за труп его брата Андре!..

Итак, стало доподлинно известно, что Андре де ла Боссьер, которого брат ранил в висок и засунул в сундук (Фанни рассказала все до мельчайших подробностей, чтобы устранить любые подозрения в сообщничестве), из этого сундука выбрался...

Каким образом ему это удалось? Возможно было только одно объяснение. Оглушенный ударом, он пришел в себя уже в сундуке, который был приторочен позади увозившего его автомобиля. Крови он потерял не слишком много благодаря повязке, которую соорудил Жак из своего носового платка, и надвинутой поверх этой повязки фуражке.

Андре приподнялся и тем самым приподнял крышку сундука. Очевидно, Жак не запер сундук на ключ, *как ему казалось!*.. Сундук не был заперт!

Итак, Андре до пояса высовывается из сундука, приподнимает брезент, видит брата за рулем машины и сразу же решает ускользнуть от него: ведь он понимает, что если Жак обернется, он непременно окончит начатое и неудавшееся дело...

И Андре выбрасывается из сундука на дорогу в Сенарском лесу.

Но тут-то и начинается самое непонятное... Что он делал в течение всех этих пяти лет в Сенарском лесу? отчего показался людям только сейчас? и при таких странных обстоятельствах?

В одном из следующих номеров «Эксцельсиора» появилась статья под заглавием «Необычайная темница». Подзаголовок гласил: «Сумасшедший и идиот». Все, с трепетом ожидавшие развязки этой непонятной истории, узнали из статьи о чрезвычайно простом решении загадки, на пер-

вый взгляд казавшейся неразрешимой!

Юный Дарбуа начал с перечисления наиболее известных случаев заточения людей и лишения их свободы — случаев, ошеломлявших свой дерзостью. Нередко бывало, что в центре города, совсем близко от шумящего и суемящегося людского потока, удавалось неожиданно, благодаря чистой случайности, открыть темницу, где в состоянии ужасающего физического и умственного упадка томился несчастный заключенный!..

Поэтому не следовало чрезмерно удивляться тому, что Андре де ла Боссьер оказался в том самом гроте, в котором жил несчастный юродивый Проспер, глухонемой идиот от рождения, целых пять лет державший его на цепи.

Сюда-то и отправился, разыскивая Андре де ла Боссьера, юный Дарбуа. Его поразило то обстоятельство, что Проспера всегда видели непосредственно вслед за тем, как видели Андре! Идиот разыскивал своего пленника, к чьей ноге был прикреплен собачий ошейник с цепью. Этой цепью Проспер приковывал его в своем гроте к скале. Без сомнения, бедный сумасшедший, ибо Андре де ла Боссьер был сумасшедшим, — да и как было не сойти с ума от подобного обращения? — по истечении пяти лет нашел способ время от времени вырваться на свободу... С каким же ужасом видел он снова своего жестокого тюремщика и как торопился вернуться в грот!..

Проспер дорожил своей жертвой, поскольку это было единственное существо, к которому он мог приблизиться. Разве не убегали все, едва завидев его, как будто он был зачумленным?.. И разве не был он хуже зачумленного, так как считался предвестником *несчастья!*..

Как счастливо было жалкое создание, когда, возвращаясь однажды к себе, оно нашло этого человека лежащим без сил и без сознания на дороге!..

Он утащил к себе, как добычу, *этого нежданного товарища своих одиноких часов* — и уже не отпускал его!..

Так представлялась эта драма юному Дарбуа... Так он объяснил ее следователю и властям, которых лично повел в адскую пещеру, где помешанный держал на цепи сумас-

шедшего!.. *Сумасшедшего, который считал себя мертвым!.. Сумасшедшего, который думал, что претерпевает адские мучения!..*

Отсюда ночные посещения бедным пленником дорогих ему мест и людей... дорогих при жизни... посещения Марты и маленького домика на берегу реки, замка, где он старался увидеть своих детей, не показываясь им (ибо он знал, что встречи с мертвыми устрашают живых)!.. Отсюда его блуждания по коридорам замка, все закоулки которого он так хорошо знал, появления в гардеробной, где следователь нашел потайную дверь и ход в стене, ведущий в башню Изабеллы, а оттуда к старому рву...

Теперь в Сенаре постепенно утихает волнение, успокаиваются умы живых и мертвых... и дети и друзья Андре де ла Боссьера надеются!.. Врачи осмотрели череп несчастного, изучили рану, еще кровоточившую время от времени от побоев Проспера, и пришли к выводу, что после трепанации черепа разум может вернуться в покинутую им бедную голову! Особенно счастлива девица Геллье. Если дух не отвечал ей, когда она обращалась с вопросами к столу, то только потому, что *он был жив!*

Примечания

Роман Гастона Леру (1868-1927) «Восставший из мертвых» (в оригинале «L'Homme qui revient de loin») был впервые напечатан в журнале «Je sais tout» в июне 1916-январе 1917 г. Первое отдельное издание вышло в Париже в 1917 г.

Русский перевод А. Г. Мовшенсона под заглавием «Человек, который возвратился издалека» был впервые опубликован в 1924 г. издательством «Книжный угол» (Л.-М.). Книге было предпослано следующее предисловие переводчика:

Гастона Леру у нас знают сравнительно мало, а между тем, он во многом стоит не ниже столь нашумевшего Пьера Бенуа, а во многом и превосходит его.

Леру столь же занимателен, как и Бенуа, но от этого последнего его выгодно отличают тот сатирический налет и та легкая ирония, которые овевают его блестящие фабулистические романы. И если Леру бывает сентиментален, то сентиментальность свою он сам легко и тонко высмеивает.

В предлагаемом здесь романе Леру сентиментальность отсутствует, зато Леру-сатирик чрезвычайно силен, и вся история о том, как раскрылось братоубийство в Сенарском лесу, поданная вначале так, что только признание реального бытия духов и привидений, казалось бы, может вывести запутавшегося читателя из тупика, оборачивается резкой сатирой на мистические бредни, злой насмешкой над адептами «астральной медицины», — врачами, проповедующими спиритизм, флюиды, некую «имманентную субстанцию человеческого духа» и т. п., а в душе несколько не верящими в то, что они преподносят своим слушателям и последователям.

И запутанная история с таинственными шорохами, ясновидением и вертящимися столиками объясняется просто и ясно, а сверхъестественные силы оказываются в ней ни при чем.

Леру — продолжатель линии старого сатирического и авантюрного романа, в котором с каждой страницы глядит на читателя иронически усмехающийся и глумящийся над ним и над своими героями умный, ловкий и затейливый автор.

Роман Леру трижды экранизировался: в 1917 г. Г. Равелем, в 1950 г. Ж. Кастанье и в 1972 г. М. Вином в виде шестисерийного

телевизионного фильма.

При подготовке текста к изданию была осуществлена стилистическая правка, исправлен ряд существенных переводческих ошибок, добавлены пропущенные в исходном переводе фрагменты. Орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам. За исключением единственного авторского примечания, все примечания принадлежат редактору.

В оформлении обложки использована афиша фильма 1950 г.

Л. П.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.